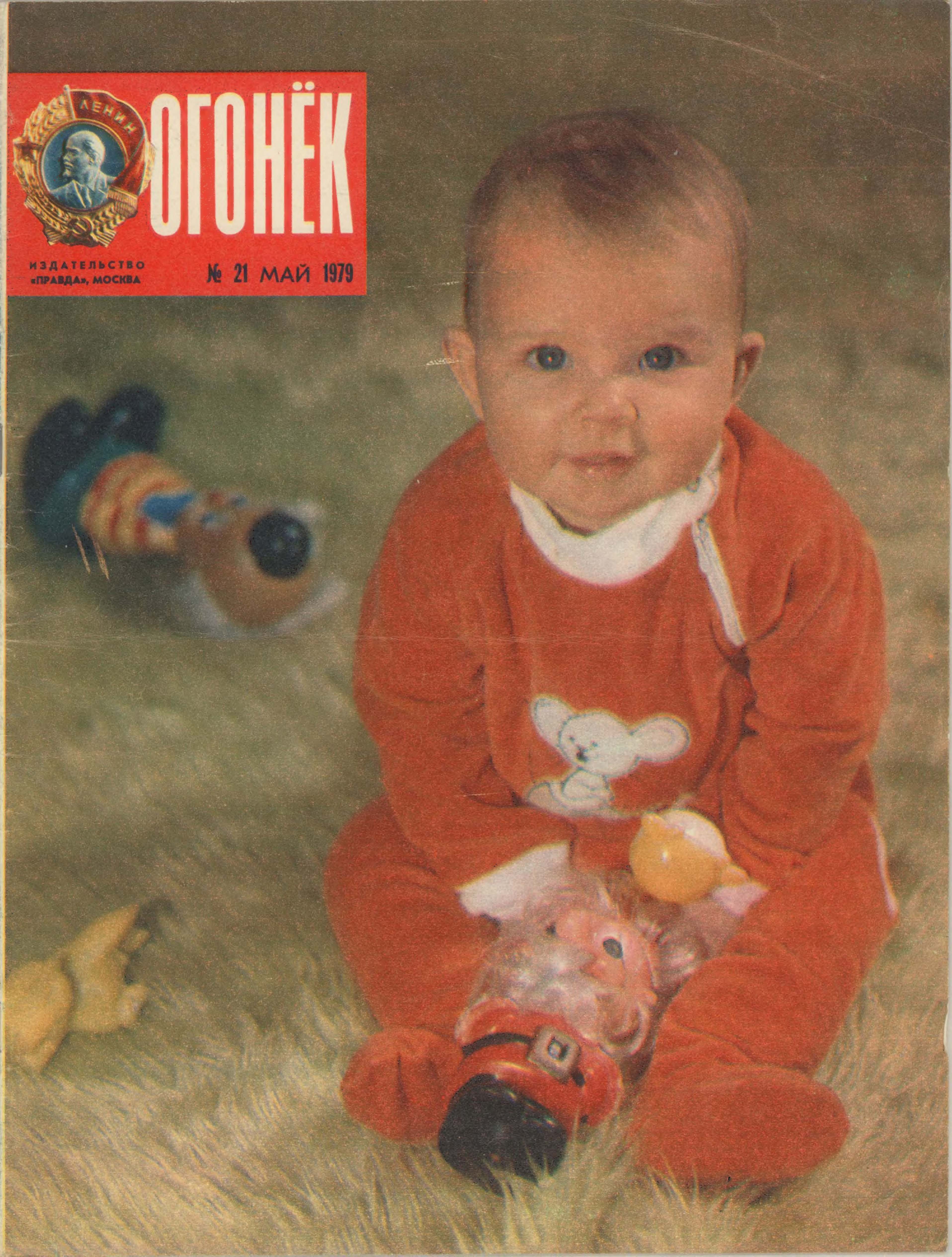

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 21 МАЙ 1979

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 21 (2706)

19 МАЯ 1979

С ДРУЖЕСТВЕН

Фото А. ГОСТЕВА

НЫМ ВИЗИТОМ

По приглашению ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР в Советский Союз 16 мая с дружественным визитом и для кратковременного отдыха прибыл Президент Социалистической Федеративной Республики Югославии, Председатель Союза коммунистов Югославии Иосип Броз Тито.

На снимке: во время встречи на Внуковском аэродроме.

НАДЕЖДА ЕСТЬ!

Владимир НИКОЛАЕВ

«За первым соглашением об ограничении стратегических вооружений, или, как его сокращенно называют, ОСВ-1, последует ОСВ-2,— говорил товарищ Л. И. Брежнев на встрече с избирателями в Москве.— После вступления в силу последнего начнется работа над соглашением ОСВ-3. Оно должно пойти еще дальше, затормозить создание новых видов оружия, предусмотреть уже не только ограничение роста вооружений, но и их сокращение обеими сторонами. Вероятно, нынешний договор поможет оживить и другие ведущиеся сейчас переговоры,— например, о полном запрещении испытаний ядерного оружия, об ограничении торговли обычным оружием, а также, мы надеемся,— переговоры о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе».

В этих словах Л. И. Брежнева предельно сжато определено значение переговоров между СССР и США об ограничении стратегических вооружений. Важной вехой в ходе этих переговоров станет предстоящая советско-американская встреча на высшем уровне. В соответствии с достигнутой договоренностью встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Президентом США Дж. Картером состоится ориентировочно 15—18 июня с. г. в г. Вене (Австрия). Л. И. Брежнев и Дж. Картер утвердят и подпишут договор об ограничении стратегических наступательных вооружений, работа над которым сейчас завершается, и обсудят другие вопросы, представляющие взаимный интерес для СССР и США.

Эта столь долгожданная весть мгновенно облетела весь мир и находится в центре внимания общественного мнения. Предстоящую встречу приветствуют правительства, выдающиеся государственные деятели, органы информации. Большое удовлетворение достигнутой между СССР и США договоренностью высказали генеральный секретарь ООН К. Вальдхайм, председатель совета министров Италии Дж. Андреотти, премьер-министр Швеции У. Ульстен. Федеральный канцлер Австрии Б. Крайский заявил: «Мы очень рады, что принято такое решение, и сделаем все, чтобы создать условия для успешного проведения встречи». Западногерманская газета «Вестфелише рундшау» пишет, что предстоящая встреча свидетельствует о готовности мировых держав идти по пути переговоров, не допустить подрыва политики разрядки. Французская «Фигаро» подчеркивает, что подписание договора об ОСВ-2 даст серьезный импульс для развития советско-американских отношений в последующие годы. По мнению английской «Дейли телеграф», предстоящая встреча в Вене может положить начало новому туру переговоров об ограничении стратегических вооружений.

За несколько лет интенсивных переговоров было преодолено много трудностей и не меньше предстоит преодолеть. Как в США, так и в других западных странах у разрядки есть немало врагов. Договор об ОСВ-2 близок к подписанию, но после этого предстоит еще его ратификация в сенате США, там для одобрения договора требуется две трети голосов. Враги разрядки в Соединенных Штатах теперь собираются именно в сенате встать стеной на пути ограничения стратегических вооружений. Зловещий замысел! Президент США Картер высказал по этому поводу такую мысль: «Отказ сената ратифицировать договор об ОСВ-2 нанес бы сокрушительный удар всеобщему миру, а другие страны стали бы видеть в нас не миролюбивую страну, а поджигателей войны».

Военно-промышленный комплекс США и другие силы, препятствующие разрядке, ратуют за политику, в основе которой лежит страх перед лицом якобы существующей «советской угрозы», и запугивают американцев тем, что договор об ограничении стратегических вооружений якобы даст нам больше преимуществ, чем Соединенным Штатам. Старые песни! Такой же провокационный шум был поднят в 1963 году по поводу подписания договора между СССР, США и Англией о запрещении ядерных испытаний в трех сферах, а в 1972 году — по поводу первого соглашения об ограничении стратегических вооружений. Стоящие на милитаристских позициях американские круги довели дело до того, что начиная с 1945 года Соединенные Штаты израсходовали на гонку вооружений сумму поистине фантастическую — почти два триллиона долларов! В будущем десятилетии США запланировали затратить на вооружение около 1,5 триллиона долларов! Только безумием можно назвать такой путь... Нынешний договор об ОСВ-2, как и другие такие же инициативы, открывает перед человечеством, уставшим сидеть на горах уже накопленного оружия, другой путь, вселяет надежду на дальнейшее углубление разрядки, на сокращение непомерных военных расходов.

У врагов мира есть теперь крикливый подголосок, обосновавшийся в Пекине. В беседе с американскими журналистами Дэн Сяопин обрушился на договор об ОСВ-2 и на любое возможное соглашение между США и СССР. Что ж! За последние годы это далеко не первый случай, когда пекинское руководство смыкается с самыми черными силами, угрожающими миру и безопасности народов.

Несмотря на все преграды на пути разрядки, несмотря на все происки ее врагов, у человечества есть реальная надежда на мир. Трудный, но продолжающийся путь переговоров об ограничении стратегических вооружений — одно из веских оснований для такой надежды.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ПРИЕМ В КРЕМЛЕ

14 мая в Кремле Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин принял члена Верховного военного совета, начальника штаба главнокомандующего вооруженными силами Федеративной Республики Нигерия генерал-майора Ш. Ярадуа, находившегося в Советском Союзе с официальным визитом.

В ходе беседы, проходившей в обстановке взаимопонимания, состоялся конструктивный обмен мнениями по вопросам дальнейшего развития советско-нигерийских отношений, а также по международным проблемам, представляющим взаимный интерес.

Стороны с удовлетворением отметили, что дружественные отношения между Советским Союзом и Нигерией успешно развиваются на основе принципов равноправия, уважения суверенитета, невмешательства во внутренние дела друг друга. Была выражена обоюдная заинтересованность и дальше идти по пути укрепления и расширения советско-нигерийского политического, экономического, научно-технического, культурного и других видов сотрудничества.

При обсуждении международных вопро-

В ДРУЖЕСТВ

15 мая Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин принял в Кремле генерального секретаря ООН Курта Вальдхайма.

В беседе, проходившей в дружественной атмосфере, были рассмотрены вопросы, связанные с деятельностью Организации Объединенных Наций, а также другие международные проблемы.

Заявив о неизменности курса Советского Союза на углубление процесса разрядки международной напряженности и распространение его на все районы мира, А. Н. Косыгин особо подчеркнул первостепенное значение практических мер по предотвращению войны, ограничению гонки вооружений и разоружению.

В беседе были затронуты также вопросы, касающиеся задачи устранения существующих и предотвращения возникновения новых очагов напряженности.

К. Вальдхайм выразил признательность за постоянную поддержку Советским Союзом Организации Объединенных Наций и за его инициативы, направленные на углубление международной разрядки и упрочение мира.

Фото А. ГОСТЕВА

сов была констатирована общность позиций Советского Союза и Федеративной Республики Нигерия по многим ключевым проблемам современности и подтверждено намерение обеих сторон наращивать усилия в деле упрочения всеобщего мира и безопасности, распространения разрядки на все районы мира.

Фото А. ГОСТЕВА

...ЕННОЙ АТМОСФЕРЕ

ЗВОНКАЯ СТАЛЬ КАЧАЛОВА

наш современник

«ИНИЦИАТИВНОЕ, ТВОРЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ В ТРУДЕ, ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ — ПОКАЗАТЕЛЬ ИДЕЙНОЙ, ГРАЖДАНСКОЙ ЗРЕЛОСТИ ЧЕЛОВЕКА».

Из постановления Центрального Комитета КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы».

М. БЕРЕЖНОЙ, фото Ю. ХРОМУШИНА, корреспонденты «Ворошиловградской правды»

— Две страсти не дают мне спокойно жить,— с улыбкой говорит Александр Михайлович,— грибная охота и гипноз мартена, где идет плавка. К сожалению, хороших грибных мест в нашем крае не так уж густо. Зато печь, горячий металл — это уж каждый день со мной...

Наш собеседник — сталевар Александр Михайлович Качалов. Вот уже четверть века ровно и ярко горит огонь его мартена. В конце 1952 года девятнадцатилетним выпускником фабрично-заводского училища пришел он на Коммунарский металлургический завод. Здесь в 1959 году стал коммунистом. Здесь был награжден орденом Трудового Красного Знамени за высокие достижения в годы восьмой пятилетки, орденом Октябрьской Революции — за пятилетку девятую. И, наконец, за трудовые успехи в годы десятой пятилетки, за участие в освоении выплавки стали новых марок ему была присуждена Государственная премия СССР...

Он и сейчас вместе со своей бригадой варит эту не совсем обычную сталь с индексом «У» (улучшенную). Она способна противостоять коррозии, гигантским давлениям газа и нефти, а кроме того, «диверсиям» природы. Именно этот металл пролегает потом новыми и новыми километрами магистральных нефте- и газопроводов, которыми все гуще покрываются Крайний Север и Сибирь. В разработке новой технологии принимали участие многие ученые и специалисты, а сталевар А. М. Качалов и его подручные Н. Н. Лобач, А. И. Горенкин, Ю. В. Стецков «доводили» плавки от опытных до промышленных.

— Я начинал подручным,— рассказывает Александр Михайлович,— у знаменитого в ту пору ста-

Лауреат Государственной премии СССР сталевар А. М. Качалов.

В гостях у студентов-сталеплавильщиков Коммунарского горно-металлургического института. Студентам всегда интересно послушать «профессора» сталеварения.

левара Федора Никифоровича Голофаева, который по примеру легендарного Макара Мазая еще в тридцатые годы варил первые скоростные плавки, выдавал первый металл из коммунарских мартенов, восстановленных после освобождения Донбасса. Он обучал меня мастерству строго и бережно, как отец. А в 1954 году, уходя на пенсию, сказал начальнику цеха: «Вот Сашку на свое место приготовил. Пусть работает...» Сейчас ему далеко за семьдесят. Но Федор Никифорович частый гость в цехе. Постоит, поговорит, посмотрит... Ему все это дорого, близко его сердцу, тяга к труду осталась у него поныне.

Первая моя самостоятельная плавка помнится и сейчас. А сколько их прошло с той поры! А плавки Дружбы в Липецке, на Магнитке, «Азовстали», которые проводились вместе с такими виртуозами, как Герои Социалистического Труда Виктор Никитенко из Макеевки, Григорий Горбань из Жданова, и другими знатными сталеварами страны... Визиты на металлургические предприятия Венгрии, Болгарии, где оказывал помощь, делился опытом.

И еще творческая дружба, связывающая Александра Михайловича с преподавателями и студентами Коммунарского горно-металлургического института. С заведующим кафедрой стали Павлом Григорьевичем Терзияном Качалов работал на одной печи, обучал его мастерству ведения плавки. И сейчас они часто проводят совместные опыты: мартеновский цех завода — основной исследовательский полигон для здешних ученых.

— А знаете,— сказал Александр Михайлович,— вот это судно,— он показал рукой на огромный снимок, висевший на стене,— «Академик Королев», сделано из коммунарской стали... И многие рыболовецкие суда страны держатся на нашем металле...

— Ну, а как же с другим увлечением, с грибной охотой?

— Жду отпуска,— улыбается Александр Михайлович, угощая нас толстопузыми боровиками собственного приготовления.— Опять махну к себе на Смоленщину. Мать и отца навещу. По лесу поброжу. Вот уж где грибное раздолье!

Беседуя с Качаловым, я вот о чем подумал: ныне, в год 325-летия воссоединения Украины с Россией, как-то по особому воспринимаешь тот факт, что русский по национальности Александр Михайлович Качалов достиг высокого профессионального мастерства и творческих взлетов на украинской земле, а его добрый знакомый, ныне главный инженер треста «Надымгазпромстрой» украинец Геннадий Ильич Ширенко, прокладывающий трубопровод из металла Качалова, был в числе других удостоен Государственной премии СССР 1978 года за работу на земле российской — за комплекс научно-технических решений по ускоренному вводу в разработку Медвежьего газового месторождения в условиях Крайнего Севера. А когда на Коммунарском металлургическом заводе возникли сложности и трудности с освоением двухванной мартеновской печи и некоторых других новинок, то украинским друзьям помогли русские металлурги с Магнитки.

— Мы постоянно стремимся к улучшению качества продукции,— продолжает Качалов.—Например, уже внедрена установка внедоменного удаления серы — вреднейшей примеси металла, и это намного улучшило качество стали. Для той же цели используются самоплавки, широко наращивается объем производства металла на минусовых допусках,— стараемся экономить сталь и снижать металлоемкость будущих изделий из нее...

Нелишне заметить, что сталевар А. М. Качалов нередко сам берется за перо. На страницах заводской газеты «За металл» и городской «Огни коммунизма» не раз появлялись его материалы о проблемах развития сталеплавильного производства и совершенствовании социалистического соревнования. Он один из лучших на предприятии рабочих-агитаторов, замечательный наставник молодежи.

— А вот сейчас,— делится Александр Михайлович своими мыслями,— вчитываюсь я в постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» и думаю, насколько велика важность этого документа, который развертывает перед всеми нами широкую программу деятельности в борьбе за коммунизм. Среди первоочередных задач — повышение роли социалистического соревнования и движения за коммунистическое отношение к труду, решительная поддержка всего нового, передового, настойчивая борьба за укрепление трудовой дисциплины, воспитание ответственности за порученное дело.

Мы обсудили этот документ у себя в цехе, а наши пропагандисты, среди которых целое созвездие Героев Социалистического Труда — сталевары В. Ф. Корзинкин, Н. Г. Миначенков, А. И. Луговской, уже взяли его на вооружение.

И в связи с этим вот еще что хочу сказать. На днях я вернулся из путешествия по странам Западной Европы. Побывал в Голландии, Бельгии, ФРГ. Видел там много интересного, видел и такое, что чуждо нашему строю. Но нигде не видел такого одухотворенного труда, такой уверенности в дне завтрашнем, как у моих соотечественников.

С начала года в нашем мартеновском цехе сверх плана произведено 3,5 тысячи тонн стали. Думается, что это в первую очередь результат того инициативного, творческого участия в труде, общественной жизни, о котором идет речь в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы».

ВЫШЕ УРОВЕНЬ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ!

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» принадлежит к выдающимся документам нашей партии и свидетельствует о том, с какой последовательностью Центральный Комитет направляет деятельность партии и всех государственных и общественных организаций для реализации программных установок в формировании коммунистического сознания советских людей. Решение ЦК КПСС проникнуто глубочайшей заботой о дальнейшем подъеме идейно-политического и нравственного уровня советского человека, о всемерном развитии духовного богатства социалистической культуры, о гармоническом развитии личности. В соответствии с решениями XXV съезда КПСС о комплексном подходе ко всему делу воспитания людей постановление ЦК вновь и вновь подчеркивает необходимость соблюдения тесного единства политического, трудового и нравственного воспитания с учетом особенностей различных групп населения.

ЦК КПСС требует обеспечить высокий научный уровень агитации и пропаганды, показывать величие достижений развитого социалистического общества, являющегося ныне высшей формой социального прогресса современности, полнее, глубже, содержательнее раскрывать силу марксистско-ленинской науки.

Огромную роль в идейно-политическом и патриотическом воспитании советских людей играют книги Л. И. Брежнева «Малая земля», «Возрождение», «Целина». Они в своей совокупности представляют собой удивительную трилогию, характеризующую не только духовный мир автора, но и раскрывающую динамику развития сознания советского человека, помогающую формировать высокое сознание и идейную убежденность строителя коммунизма. Как известно — и это со всей силой подчеркнуто в постановлении ЦК КПСС по вопросам идеологической работы, — формирование коммунистического сознания у советских людей не есть некий однолинейный и беспротиворечивый процесс — наоборот, оно нередко проходит в острой борьбе с наблюдающимися недостатками, с пережитками прошлого. Постановление ЦК КПСС требует всем огромным арсеналом средств и форм идеологической работы вести непримиримую борьбу за искоренение бытующих подчас у нас негативных, уродливых явлений, враждебных по своему характеру социализму, таких, как стяжательство и взяточничество, как стремление урвать от общества побольше, а дать поменьше, как расточительство, пьянство, бездушное, бюрократическое отношение к людям, нарушение трудовой дисциплины.

Опираясь на выросшее сознание трудящихся, ЦК КПСС требует развивать наступательный характер нашей пропаганды и агитации. Решающее значение при этом приобретает показ **социальной эффективности** социалистической общественной системы. Характеристику высоких темпов экономического роста и роста культуры в условиях социализма надо показывать как органическую составную часть долгосрочной программы всестороннего социального прогресса, как фундаментальную предпосылку, подчиненную решению главной социальной цели — максимальному удовлетворению возросших материальных и духовных потребностей каждого советского человека.

В постановлении ЦК КПСС отмечается, что в современных условиях идеологическое противоборство двух систем усиливается. Укрепление социализма и всех прогрессивных сил создает благоприятные условия для развертывания идеологического наступления против империализма и гегемонизма, против милитаризма и реакции, против различных диверсий врагов социального прогресса и мира. Работники идеологического фронта обязаны со всей решительностью и научной аргументированностью разоблачать происки реакции, зловещих проповедников «холодной войны», маоистских идеологов, вступивших в тесную связь с реакционными силами, утверждающих неизбежность новой мировой войны, вести острую и последовательную борьбу против всех тех сил, что готовы в своей античеловеческой политике поставить мир на грань ядерной катастрофы.

Постановление ЦК КПСС развертывает целую программу разработки актуальных проблем марксистско-ленинской теории, вопросов идеологической работы в условиях развитого социализма, путей и форм формирования марксистско-ленинского мировоззрения у различных групп населения. Особое внимание научных кадров в области общественных наук обращается на всестороннюю разработку проблемы активной жизненной позиции советского человека как важнейшей задачи нравственного воспитания и гармонического развития личности.

Вдохновленные постановлением ЦК КПСС, рабочий класс, колхозное крестьянство, народная интеллигенция СССР найдут новые силы, проявят новую энергию для воплощения в жизнь подлинно ленинского программного положения — все во имя человека, все для его блага.

Академик М. Б. МИТИН

ТОЧНЫЙ КОМПАС

Впервые в истории человечества мы, советские люди, живем в стране зрелого социализма. Можно представить себе то волнение и огромный интерес, с которыми будут изучать во всех подробностях наше время историки будущего — время осуществления вековой мечты философов и поэтов, политических деятелей и художников.

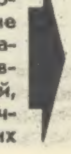
Какой величайшей радостью для народов всей земли была победа социализма в нашей стране, и вот уже пора возмужания, зрелости, когда позади мучительно трудный путь от неграмотности и малограмотности к вершинам науки и культуры, от тех дней, когда не хватало букварей и керосиновых ламп, когда делили пару сапог и кусок мыла на рабочую артель, до сегодняшнего дня величайших в мире электрических станций, всеобщего роста благосостояния, массового жилищного строительства, какого не знала и не знает ни одна страна в мире.

Думая о том времени, когда историки будущего станут изучать каждую черточку нашего времени, я представляю себе, как во всей силе и мощи будет выявлено выдающееся значение XXV съезда КПСС, определившего ясную политическую линию, стратегию и тактику дальнейшего движения к коммунизму, указавшего основные направления в идеологической работе в обществе зрелого социализма.

Осуществляя решения XXV съезда, ЦК КПСС принял ряд постановлений по актуальным вопросам идеологической работы. Эти документы, выступления товарища Л. И. Брежнева, его книги «Малая земля», «Возрождение», «Целина» стали для всех работников идеологического фронта подлинным руководством к активным действиям. Среди предпринимаемых партией мер по повышению эффективности идеологической работы огромное значение обретает постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы».

На меня, как и на всех писателей, журналистов, деятелей театра, кино и телевидения, произвел огромное впечатление тот глубокий, научно точный анализ положения на идеологическом фронте, который сделан в постановлении ЦК КПСС. Велики и широко известны во всем мире достижения Советской страны в формировании нового человека, в развитии науки, культуры, народного образования. Страна располагает ныне многочисленными, хорошо подготовленными идеологическими кадрами, накоплен богатый опыт пропагандистской и агитационной работы. В этом году, отмечая полувековую историю славных пятилеток, мы воочию увидели и убедились в том, какую выдающуюся роль сыграла идеологическая работа партии в деле осуществления грандиозных планов преобразования страны. В Советском Союзе создан мощный, оснащенный современной техникой информационно-пропагандистский аппарат — широко развитые печать, телевидение и радио. Достаточно сказать, что радио- и телевизионные передачи Москвы, ретранслируемые космическими спутниками, смотрят и слушают Сибирь, Дальний Восток, республики Средней Азии. Страна Советов стала крупнейшим книгоиздателем в мире, а советский народ — самым читающим народом на планете. Выдающимся социальным достижением стал переход ко всеобщему среднему образованию молодежи. Очень важно и то, что постепенно все группы населения подтягиваются к тому уровню знаний, который характерен для лиц умственного труда.

В то же время ЦК КПСС в своем постановлении отметил, что в постановке информационной, идейно-воспитательной работы есть еще немало слабостей и недостатков, причем весьма существенных. Поражает прямота, глубина и откровенность, с которыми ЦК КПСС указывает на то, что качество идеологической, политико-воспитательной работы далеко не всегда отвечает возросшему образовательному и культурному уровню и запросам советских людей, недостаточно учитывает динамичность социально-экономических

процессов и духовной жизни современного советского общества. Не всегда в должной мере учитывается характер резко обострившейся идеологической борьбы на международной арене.

Каждая строка постановления ЦК КПСС обращена к сердцам миллионов агитаторов и пропагандистов, писателей и художников, работников печати и телевидения. Перед каждым работником идеологического фронта поставлены четкие и ясные главные задачи: обеспечить научный уровень пропаганды и агитации; усилить их деловитость и конкретность, связь с жизнью, с решением хозяйственных и политических задач; развивать наступательный характер пропаганды и агитации.

Постановление ЦК КПСС вызвало широкий отклик в стране, оно задает пропаганде боевой, наступательный дух. В этом плане представляет большое значение собрание партийной группы Московской писательской организации, на котором с докладом выступил член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин. Он отметил, что противники социализма всеми силами стремятся подорвать морально-политическое единство советского общества. На это ассигнуются большие средства. Создана гигантская пропагандистская машина, широко используются все средства идеологического воздействия, которые становятся все коварнее и изощреннее.

Партия не раз указывала, что в идеологической борьбе нет места нейтрализму, не может быть компромиссов. Об этом надо помнить всем, кто находится на передовой линии борьбы с буржуазной и ревизионистской идеологией!

Каждый из нас, работников идеологического фронта, хорошо осознает, что мы своевременно должны давать достойный отпор идеологическим диверсиям буржуазии и ее приспешников. Укрепление позиций мирового социализма, всех прогрессивных сил создает благоприятные условия для развертывания идеологического наступления против империализма и гегемонизма, милитаризма и реакции.

«...Самое главное, чем мы сильны и что делает нашу позицию в идеологической борьбе, — сказал Л. И. Брежнев, — действительно наступательной, — это великая правда исторического развития, которая на нашей стороне, которую представляем именно мы, наш социалистический строй, наша программа строительства коммунизма, те идеалы, за которые мы боремся».

Евгений РЯБЧИКОВ

УЧИТЬСЯ КОММУНИЗМУ

Как нельзя более своевременным представляется мне принятое недавно постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы». Каждый, кто так или иначе связан с воспитанием подрастающего поколения, прекрасно понимает его важность и злободневность. Скажу больше — это постановление попросту необходимо для того, чтобы политико-воспитательная работа могла развиваться, совершенствоваться. Видеть не только наши достижения, но и обладать умением трезво взглянуть на упущения, недостатки, дать им должную оценку — за этим наша уверенность в своих силах, уверенность в своей правоте.

Моя профессия — школьный учитель. И вот уже многие годы мне буквально каждый день приходится встречаться с детьми, подростками, молодежью. Надо ли говорить, что в юности действительность воспринимается наиболее остро, подростки требуют на свои вопросы совершенно четких, даже безжалостных ответов. Это естественно: они определяют свою позицию в жизни. Поэтому ответить на их сомнения, раздумья грамотно и убедительно необходимо не только для того, чтобы разрешить сиюминутный спор, но и для того, чтобы тебе верили и в будущем, когда разговор пойдет о важных событиях в общественной, социальной жизни страны. В связи с этим хочу привести слова из постановления ЦК КПСС: «С задачами, которые партия ставит перед идейно-воспитательной работой, несовместимы встречающиеся еще боязнь открыто ставить на обсуждение актуальные вопросы нашей общественной жизни, тенденция сглаживать, обходить нерешенные проблемы, острые вопросы, замалчивать недостатки и трудности, существующие в реальной жизни».

Сюда впрямую примыкает еще один поднимаемый в постановлении ЦК КПСС вопрос — об авторитете учителя, преподавателя, наставника. Думаю, настоящий авторитет возможен лишь тогда, когда ученики будут уверены, что найдут у своего учителя ответы на самые злободневные, щекотливые вопросы, с которыми они сталкиваются и в самой школе и за ее стенами. Только в этом случае можно говорить о воспитании истинной гражданственности, сознательности, ответственности. И здесь, мне кажется, очень уместно вспомнить ленинское положение о том, что государство сильно сознательностью масс, оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно.

Хочется особо отметить необходимость укрепления связей между школой и семьей, школой и общественностью. Действительно, если проанализировать те неудачи, которые порой постигают нас в воспитании молодежи, то невольно приходишь к выводу, что каждый раз за ними стоит разобщенность в действиях семьи, школы, общественности. В результате получается, как в известной басне про лебедя, рака и щуку. Свой «воз воспитания», если можно так выразиться, мы сможем сдвинуть с места только объединенными, целенаправленными, согласованными усилиями.

В постановлении ЦК КПСС поднят весьма важный вопрос о единстве учебного и воспитательного процессов, о необходимости формирования у учащихся высоких моральных качеств, трудолюбия. Вряд ли стоит подробно говорить, насколько это важно и в усвоении школьной программы и в усвоении тех идейных ценностей, которые выработало наше общество. Наверно, каждый учитель может с горечью припомнить, когда его воспитанник, увлекшись заморскими картинками «красивой жизни», вещами с яркими этикетками, нагловато-вызывающей манерой поведения киногероев, готов уже судить об обществе, о его преимуществах и недостатках. И надо честно признаться: нередко за этим стоит прямая вина учителя, который не смог привить своему ученику достаточную широту взглядов, умение судить обоснованно, со знанием существа дела, не смог привить чувство гордости за свой народ, за его исторические и духовные ценности.

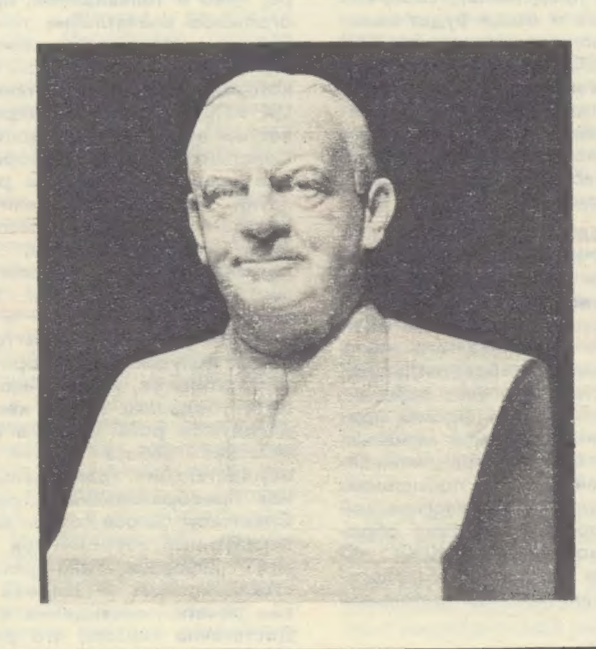
Мы стараемся воспитывать патриотов своей Родины, но при этом не следует забывать, что убежденность наших воспитанников должна строиться на их сознательности, трезвом отношении и к достижениям и к «трудностям, существующим в реальной жизни».

Постановление ЦК КПСС возлагает на нас гражданственную обязанность участвовать в каждодневном строительстве нового общества, каждодневном преодолении недостатков. И я уверена, что юноши и девушки, которые завтра будут участвовать и в производственной и в общественной деятельности, с пониманием и ответственностью воспримут задачи, поставленные сегодня перед нами партией.

Н. ГАЛЮГО,
средняя школа № 13

гор. Одинцово,
Московская область.

ВЫСОКИЙ ДАР

На этом снимке — портрет американского общественного деятеля А. Хаммера, выполненный народным художником СССР, президентом Академии художеств СССР Н. В. Томским.

От имени Л. И. Брежнева он был вручен А. Хаммеру в советском посольстве в Вашингтоне. В сопроводительном письме Леонида Ильича говорится: «Советский народ высоко оценивает вашу энергию и разнообразные инициативы по развитию и углублению добрых отношений между СССР и США».

А. Хаммер выразил горячую благодарность за этот дар. «Я помню свою встречу с Владимиром Ильичем Лениным,— сказал он на русском языке.— Леонид Ильич продолжает дело Ленина. Если две самые крупные страны мира — Советский Союз и Америка — будут сотрудничать не только в области культуры, но и в области политики и торговли, то мир во всем мире будет обеспечен».

В «Огоньке» № 14 опубликованы условия конкурса «Товарищ СЭВ», посвященного тридцатилетию Совета Экономической Взаимопомощи. Мы обращались к вам, дорогие читатели, с просьбой рассказать об истории и сегодняшнем дне СЭВ, желательно на примере своего предприятия, института, стройки, города, о своем сотрудничестве с коллегами из братских стран, о людях, с которыми вас подружил «товарищ СЭВ». Можно ответить не на все вопросы конкурса, как это сделала О. Попп из Закарпатья, письмо которой мы публикуем сегодня.

Победителей ждут поездки в Берлин, Прагу, Лейпциг, а также поощрительные призы. Срок присылки работ не позднее 1 августа.

Ждем ваших писем!

«МУКАЧЕВО СЛУШАЕТ!»

Очень интересный конкурс объявил «Огонек», и я рада принять в нем участие. Ведь уже 17 лет моя работа непосредственно связана с СЭВом.

Я работаю на Мукачевской районной электроподстанции, она соединяет Западноукраинскую энергосистему с Единой энергетической системой «Мир», в которую входят Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния, СССР и Чехословакия. «Мир» существует с 1962 года. Тогда же введена в строй и подстанция в Мукачеве. За эти годы через ее шины передано более 78 миллиардов киловатт-часов электроэнергии. Я здесь с самого начала.

«Расскажите о своем сотрудничестве с коллегами из социалистических стран» — один из вопросов конкурса. До сих пор помню 16 июля 1962 года. Включены под напряжение две линии по 220 киловольт на подстанцию Шайосегед в Венгрии. Первый советский ток пошел к венгерским потребителям! Через некоторое время из Шайосегеда приехала делегация во главе с Ириной Уйгели, начальником подстанции, выпускницей Московского энергетического института. От друзей у нас не было секретов, мы все им показали, что умели. Когда я была в Венгрии, мне очень понравилась их организация обслуживания оборудования. С Ириной мы теперь друзья. Она частый гость в нашем доме.

Мое рабочее место — на главном щите управления. Каждые 10 секунд появляются цифры суммарного экспорта энергии. Над приборами — названия подстанций, с которыми мы непосредственно соединены: Капушаны в Чехословакии, Шайосегед в Венгрии, Рошнорь в Румынии. Ежедневно связываемся с ними по телефону. Когда я заступаю на смену, за такой же щит управления садятся мои коллеги на подстанциях-партнерах и начинают свой хлопотный рабочий день, чтобы в венгерских, чехословацких, румынских квартирах горел свет, бежали по улицам трамваи, плавился металл в печах. Мы все рядом, сними телефонную трубку и услышишь голос друга. «Алло, Мукачево! Оля, давай проверим защиту!» — это Штефан, дежурный диспетчер из Капушан. Он был здесь осенью. Мы много лет знали друг друга только по телефону и вот наконец встретились.

«Напишите о человеке, с которым вас подружил «товарищ СЭВ» — предложил «Огонек». Такой человек для меня, конечно, Деже Окват, диспетчер подстанции Шайосегед. «Товарищ СЭВ» подружил нас десять лет назад, когда делегация из Мукачева была в Венгрии. Дважды Деже приезжал в СССР. А последняя наша встреча была «семейной»: мы с мужем в 1977 году гостили у Деже и его жены Маргит. Она преподает в школе, и в ее классе теперь лучшие фотостенды о Советском Союзе. Мы посылаем ей книги, открытки, журналы. «Ты подумай,— сообщает мне как-то Деже,— класс Маргит победил в конкурсе «Что ты знаешь об СССР?». Я от души поздравила коллегу.

Делегация из Мукачева среди венгерских друзей. Третья слева — Ирина Уйгели, рядом с ней я, третий справа — В. Паславский.

Еще один вопрос конкурса: «Как вы расшифруете слова «социалистическая экономическая интеграция» на примере вашего предприятия?» Вот, скажем, сегодня позвонили из Львова, из «Львовэнерго», чтобы наша подстанция передала в систему «Мир» дополнительно 200 киловатт-часов. Оказывается, на румынской гидроэлектростанции в Рошиоре, откуда через Мукачево энергия передается в ЧССР, вышла из строя одна из турбин. Румынская сторона обратилась в Центральное диспетчерское управление в Праге, а оно связалось с советским управлением во Львове. Долг будет возвращен, ведь и у нас случаются аварийные ситуации. Не будь объединенной энергосистемы, каждой из стран пришлось бы держать резервные мощности, расходовать дополнительные средства. А часы пик, когда потребление энергии наибольшее? Здесь нам помогает разница световых поясов. На Украине уже темнеет, а в ГДР, например, еще светло, час пик еще не наступил. Временный излишек энергии и передается туда, где в ней в данный момент особенно нуждаются. Иначе каждой стране была бы необходима специальная «пиковая» электростанция. «Мир» — это выгодно всем, это и есть социалистическая экономическая интеграция в действии.

Недавно введена в эксплуатацию высоковольтная линия Винница — Альбертирша, которая соединила Единую энергетическую систему СССР со странами СЭВ. «Мир» будет работать еще надежнее. Мне приятно сообщить, что и член нашего коллектива участвует в этой важной международной стройке — В. В. Паславский, старший инженер по релейной защите и автоматике. Уже около года он находится в командировке в Альбертирше, на монтаже оборудования подстанции.

Мой муж работает в управлении «Энергосбыт» и тоже часто бывает в командировках в Альбертирше, Шайосегеде, Кишварде. А его коллега Карой Освальд из Венгерской энергосистемы — наш частый гость. Так что СЭВ прочно вошел в жизнь всей нашей семьи.

Ольга ПОПП,
дежурный диспетчер
электроподстанции «Мир»

Мукачево,
Закарпатская обл.

БЫСТРО, ЧЕТКО, МАСТЕРСКИ

Хлопкоробская мудрость не зря гласит: «Весны, что девушки, у каждой свой каприз». Нынешняя — не исключение. Во всех республиках Средней Азии очень уж медленно подступали в этом году к хлопковым полям бело-розовые облака цветущего урюка, а вместо искрящегося солнца в небе часто стояла набухшая влагой хмурь. Пришлось действовать так: чуть солнечный просвет — люди, используя технику, работают изо всех сил, быстро, четко, мастерски. Продуманы меры и на тот случай, если солнце пересушит землю и поле покроется твердой коркой: наготове тракторы с ротационными мотыгами для разрушения этой корки.

К середине апреля завершили сев хлопкоробы Сурхандарьинской области Узбекистана. Засеяно 150 тысяч гектаров, в том числе около 67 тысяч гектаров — хлопчатником ценных тонковолокнистых сортов. На площади более 38 тысяч гектаров применен сев оголенными семенами — точный сев.

А севернее, в долине Зарафшана, одним из первых пустили на поля посевные агрегаты механизаторы колхоза «Самарканд», Пахтачийского района. Труженики «Самарканда» намерены с каждого из 1214 гектаров снять по 50 центнеров хлопка-сырца — почти на восемь центнеров больше прошлогоднего.

В хозяйствах Узбекистана продумываются различные, исходя из местных условий, агротехнические маневры на случай погодных осложнений, разрабатываются оптимальные схемы уборки урожая по ипатовскому методу.

А. ЕСЬКОВА,
Вяч. КОСТЫРЯ,
собкор «Огонька»

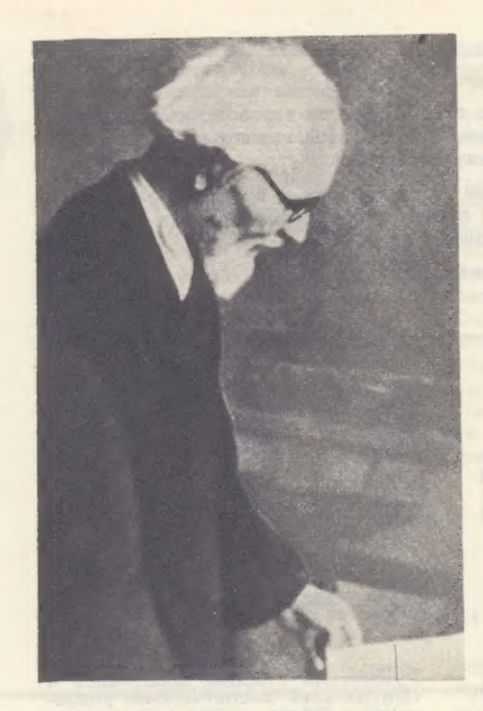

Сев хлопчатника в колхозе «Самарканд», Пахтачийского района, Самаркандской области.

Фото Р. Гафурова

Григорий АНИСИМОВ

«...РАБОТАЛ — С ВОСТОРГОМ!»

Н. М. Чернышев в мастерской.

...И вот настает момент, когда после фамилии художника стоят две даты, разделенные короткой чертой. И художник уже не принадлежит самому себе. Все, что он совершил в жизни, его творения открываются заново, с исчерпывающей глубиной, возвышенно и чисто.

Итак, две даты: 1885—1973. Это годы жизни народного художника РСФСР, профессора Николая Михайловича Чернышева. Его жизненный путь не был гладким, и судьба не всегда бывала к нему благосклонна. Но вот его автопортрет, сделанный в последние годы жизни: очень худощавый, какой-то даже ломкий, воротничок рубашки свободно ходит вокруг тонкой шеи, а лицо светится. Белые волосы, белая бородка, лоб ученого и по-детски открытая, доверчивая улыбка. Изящность, артистизм, высокое человеческое достоинство. Он был очень благожелателен к людям, к природе.

А главное, он был одержим творчеством. «Задача моей жизни,— писал Николай Михайлович в 1966 году в «Дневнике», — найти связующее звено между грандиозным наследием древнерусского искусства и задачами сегодняшнего дня. ...Для этого надо знать древнерусское искусство. Это знание удержит современного живописца на каком-то величественно-качественном уровне. Сам я это звено еще не найду, моя задача — способствовать его нахождению».

Он нашел это звено. Он знал тайны древних русских мастеров, открывал эти тайны, постигал красоту.

Человек до щепетильности скромный, беспощадно требовательный к себе, Николай Чернышев был самоотверженно верен нравственному долгу мастера. «Я работал, не думая о выставках, могу сказать, что работал только с восторгом!»

Когда перед нами возникает облик большого художника, когда разворачивается в картинах его мир, когда живопись, графика, рисунок, мозаика олицетворяют то юное, чистое, простое и важное, что есть в жизни, нам непременно хочется узнать живительные истоки. Где, в какой земле берут они начало?

Место рождения художника — село Никольское, Борисоглебского уезда, Тамбовской губернии. Его дед был крепостным графа Бобринского. Пяти лет от роду мальчик лишился отца, у матери на руках — десять детей. Но рисовать Николай Чернышев начал рано, посещал вечерние классы в Строгановском училище. Шестнадцати лет поступил в московское Училище живописи, ваяния и зодчества.

«Чувством искусства, пробуждением в себе художника,— говорил Н. М. Чернышев,— всецело и исключительно считаю себя обязанным Константину Коровину... А Валентин Серов прежде всего научил нас, как надо смотреть на натуру. Чтобы цельно видеть, надо смотреть как бы мимо натуры и вместе с тем удерживать ее в поле зрения».

В 1910 году двадцатипятилетний художник совершает путешествие в Париж, занимается там в частной студии «Академия Жюльена», копирует Леонардо, изучает музеи Лувра, новейшую французскую живопись, восторгается Сезанном. Деньги зарабатывает заказными портретами.

Вернувшись в Россию, Чернышев защитил диплом и продолжил учение в Высшем художественном училище при Академии художеств в Петербурге. Изучал технику монументальной живописи. Участвовал в выставках, работал в журнале «Млечный путь», где заведовал художественным отделом. Победа Советской власти застала Чернышева в госпитале: он воевал на фронтах первой мировой войны. А с 1918 года художник уже активно занимается оформлением революционных праздников в Москве.

— Творческое лицо мое определилось не сразу,— рассказывал Николай Михайлович, — мучительно искал я свою тему. Наблюдения и зарисовки беспризорных, униженных и обездоленных, в приюте для слепых. И лишь в 1923—1924 годах начали вырисовываться контуры моих образов. С жаром принялся я за зарисовки подростков в детдомах, на детских площадках, в пионерских лагерях, в трудовой школе.

Контуры образов Николая Чернышева... Это прежде всего дети, грациозные девочки-подростки, одухотворенные, строгие, чистые. Добры их сердца, искренни душевные порывы. Образы простые и в то же время величественные, будничные и монументальные. Сколько красоты в их лицах, фигурах, жестах, движениях. Мастер не уставал искать и находить.

Николай Михайлович выписал для себя слова Флобера о том, что художник — человек, который заставляет нас увидеть в природе то, чего мы раньше не замечали.

Когда Чернышеву исполнилось семьдесят пять, ему захотелось осуществить серию картин «Мастера московской школы». И хотя было плохо со зрением, он мужественно работал — в мастерской, у мольберта, каждый день. Писал один за другим холсты —«Андрей Рублев и Даниил Черный», «Дионисий», «Досуг древних живописцев», «Алимпий Печерский». Он стремился воссоздать творческую атмосферу жизни древних русских изографов, запечатлеть их душевный облик. Те, кого он любил, к искусству которых всю жизнь тянулся, стали в его картинах живым, конкретным воплощением. Академик Михаил Владимирович Алпатов, которому художник показал картину «Андрей Рублев и Даниил Черный», сказал, что она написана с точной передачей всех подробностей быта древних русских мастеров, в ней нет ничего заимствованного, никаких измышлений. Автор придал им те черты, которые мы видим у действующих лиц их произведений.

Мне выпало счастье быть в мастерской художника, разговаривать с ним. Широта его кругозора, меткость суждений, мудрость и человеческое обаяние производили самое сильное впечатление. Ни тени высокомерия или снисходительности, никакого самолюбования. К тому, что происходит в жизни, в искусстве, Николай Михайлович относился как к своему личному. Друзей, коллег, вообще людей любил сердечно. А в отношении к искусству испытывал, можно сказать, святость.

На одной из его картин прекрасная девушка — будто сама юность — парит над землей на фоне бесконечного голубого неба. И вместе с ней словно летит художник, ее создавший.

— Я множество вариантов перебрал, перепробовал,— тихо говорил Николай Михайлович,— и так ее устраивал и эдак. Одну картину закончил, другую начал, за третью принялся. Смотрю — и это что-то не совсем то, еще одну написал.— И добавил: — Меня всегда восхищает цвет неба, вот эта синяя краска — «голубец». Ее привозили на Русь с Востока, она особенно звучна среди наших земляных...

Посмотрите, посмотрите, какие у меня цветы вокруг. Это вот волчье лыко, там горицвет, ромашки, колокольчики, фиалки. А это как называется, — обращается он к жене,— что-то забыл.

Антонина Александровна, жена Чернышева, всматривается в какое-то место на картине и отвечает: «Да это же медуница!»

— Да, медуница, у нее сине-фиолетовый венчик, верно,— соглашается Николай Михайлович и продолжает:— Это вот васильки, там гвоздики, кашка, мать-мачеха. Вот там что — не помню.— И снова жена подсказывает ему: вероника. Старый художник кивает головой.

Он постигал родную землю, и все его произведения полны искренности, поэтичности. Есть древняя притча о гонцах, о людях, передающих огонь из рук в руки. Бежит человек с факелом, бежит, и когда уже готов рухнуть на землю от усталости, его факел на лету подхватывает другой, и так дальше, дальше, все вперед и вперед. Негасимый факел творчества всегда разгорается в руках счастливых людей.

Факелом в искусстве был и Николай Михайлович Чернышев. Его творческий метод впитал в себя лучшие достижения древнерусской живописи, ее живой трепет, ее радостное удивление, восторг первооткрытия.

Сама любовь и доброта смотрят с картин художника. Изучение его наследия — дело будущего. Эта задача требует много времени, много труда. Начало уже положено сборником, который вышел в издательстве «Советский художник». Его составитель В. П. Лапшин собрал высказывания Н. М. Чернышева, составил каталог его произведений и поместил воспоминания людей, которые близко знали художника. Тысячи зрителей побывали на персональной выставке Николая Михайловича, которая была открыта в Москве, в выставочных залах на Кузнецком мосту.

— Я из чувства патриотизма старался делать наиболее полезное,— говорил народный художник РСФСР Николай Чернышев,— полезное я вижу в том, что художник делает по совести то, что ему подсказывает чистая совесть... Искусство подобно Хеопсовой пирамиде. Одному, будь он семи пядей во лбу, ее не воздвигнуть. Созидает тот, кто знает, куда нужно положить свой камень для получения грандиозного целого.

Взлет в искусстве возможен при строгой преемственности традиций, при сохранении начала живого и вечного. Вот это живое и вечное начало есть в лучших произведениях советского искусства. Оно-то и составляет волнующую прелесть живописи Николая Чернышева.

Н. Чернышев. 1885—1973. РАНЕНЫЙ ГОЛУБЬ. 1932.

Н. Чернышев. ПОЛЕТ ЮНЫХ 1965.

КУПАНИЕ У КРИВОГО ДЕРЕВА. 1930.

Павел ЕЛФИМОВ

Рожденье света

●

Есть у природы вечные секреты
Непостижимой нами красоты.
Нам не увидеть миг рожденья
света,
Как создает земля свои цветы.
И мы не слышим, как гудят
в кореньях
Подземные весны колокола.
Нам не приметить сокоускоренье
По вертикали вешнего ствола...
И, видимо, за то ее мы ценим.
А между тем в такой урочный час
Природа
в нас
то зла посеет семя,
То зернышко добра забросит
в нас!

МАСТЕР

Он брал резец
и говорил нестрого:
— Смелей, малец,
Еще сточи немного.
Учил: — Гляди,
Показываю снова.
Грань доведи
До острия прямого.
Он был в очках,
Глядел спокойным взглядом.
— Держать в руках
Судьбу
покрепче надо.
Как рой звеня,
Светло взлетали искры.
Кольцом огня
Сверкал наждак, неистов:
Сводил на нет
Неровность,
неуменье —
Сметал их
свет
Из глубины каменьев.
Прошли года,
Но дядю Митю помню:
Урок труда —
Урок добра
я понял!

СИМФОНИЯ

Кто говорит: станки поют?
Станки — в рабочем напряженье!
Завод, я музыку твою
Впервые слышал в артсраженье.

И было страшно мне сперва:
Все ж не бессмертные солдаты!
Семнадцать лет
и три наката...
Одна под миной голова.

Ох, это сущая беда,
Что гул
живое ухо глушит!
Теперь симфонию труда
В цехах давно привык я слушать.

И гармоничную красу
Люблю душою неизбежно...
Я слышал стон сосны в лесу —
Так это ж
плач по скрипке нежной!

РЕДКИЙ СНИМОК СЕРГО ОРДЖОНИКИДЗЕ

В апреле 1918 года Г. К. Орджоникидзе был назначен чрезвычайным комиссаром Южного района молодой Советской страны.

Серго Орджоникидзе в те годы много ездил по Северной Осетии, Чечне и Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Дагестану.

Его связь с народами Северного Кавказа не прекращалась и в то время, когда его назначили наркомом тяжелой промышленности. Об этом рассказывают многочисленные экспонаты, бережно хранимые в музеях городов Северного Кавказа.

Одна редкая фотография есть в моем архиве; о ней я и хочу рассказать.

Это было в 1934 году. Наркомтяжпром Г. К. Орджоникидзе должен был приехать в Дагестан. Трудящиеся республики с нетерпением ожидали его приезда. Я тогда работал в редакции газеты «Дагестанская правда» и был в числе журналистов, встречавших наркома.

Помню, как сейчас, к перрону станции Махачкала подошел поезд. Из вагона вышел Серго Орджоникидзе. Он поднял руку, приветствуя собравшихся на привокзальной площади жителей столицы Дагестана.

Именно тогда фотокорреспондент «Дагестанской правды» П. Капаницин сделал этот снимок. Он не был опубликован на страницах газеты, но сохранился в моем архиве.

С. ВОРОНИН

Грозный.

Г. К. Орджоникидзе, 1934 год.

НЕИЗГЛАДИМОЕ

Летом 1942 года восемнадцатилетним юношей я приехал из небольшого рабочего поселка Тонкино Горьковской области в Тулу, где был зачислен курсантом в пулеметное училище. Линия фронта проходила все еще недалеко от Тулы, прифронтовая обстановка чувствовалась во всем. Семь с небольшим месяцев учебы — и 1500 молодых офицеров ушли отсюда на фронты Великой Отечественной.

Памятно 28 апреля 1944 года. Форсировав Днестр, бойцы нашей 95-й гвардейской дивизии под ураганным артиллерийским и минометным огнем, под непрерывной бомбежкой закрепились на правом берегу. Днестр, по весне стремительный и полноводный, буквально кипел от разрывов.

Высокий и скалистый берег реки был сильно укреплен. Прямо перед нашей ротой, близ села Ташлык, что у города Григориополь, на скале ощетинился пулеметами и орудиями противник. Трижды поднимались мы в атаку. Рота понесла большие потери. Понимая, что взять скалу в лоб невозможно, я отдал приказ обойти ее. В течение дня была ясная погода, но к вечеру хлынул проливной дождь. Преодолевая сопротивление врага, в сплошных потоках воды бойцы неуклонно продвигались вперед и овладели высотой.

Контратаки следовали одна за другой. Пулеметчик А. А. Антонов, несмотря на ранения, вел точный огонь. Он погиб, этот бесстрашный солдат. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Мы отбили уже пятую контратаку. К этому времени Днестр форсировала артиллерия, и по позициям немцев ударили наши орудия. Конца боя не помню: рядом взорвалась мина, и 11 осколков поразили меня в голову. Это было уже четвертое мое ранение. Об успешном окончании боя за Днестр узнал уже в госпитале от лейтенанта, командира взвода. Как он заявил, из всей роты в живых остались мы двое.

Из Молдавии наш полк перебросили в Польшу.

9 августа 1944 года мы вышли к реке Сан. Здесь три с лишним года назад встретили первые атаки врага пограничники 93-го погранотряда. С волнением мы установили пограничные столбы с изображением Государственного Герба СССР. С ходу форсировав реку, к утру 17 августа мы вышли на рубеж близ польского города Шидлув. Наш батальон расположился двумя эшелонами. На передовой находился капитан, заместитель комбата В. Г. Гильманов (ныне живет в Уфе). Моя рота занимала оборону во втором эшелоне, в 150 метрах от передовой. Внезапно в 12 часов дня немцы начали обстрел. Тяжелый снаряд разорвался в десяти метрах от моего окопа, меня выбросило взрывной волной и контузило. В это время на позиции двинулись фашистские танки. С пистолетом в руке я полз, пока не наткнулся на окоп с двумя нашими бойцами.

Немцам удалось прорвать линию окопов первого эшелона. В двадцати метрах от нашего окопа встала боком к нам самоходка «фердинанд». Ясно вижу, как немцы заряжают орудие, бьют по нашим позициям. Я поднял винтовку — выстрела не расслышал (из-за контузии потерял слух), один из заряжающих взмахнул руками, свалился. Мы стреляем еще раз — падает второй. Самоходка двинулась мимо окопа, не обнаружив нас. Вместе с бойцами я побежал через кукурузное поле туда, где рота вела бой с танками... Сыпались снаряды, били фашистские снайперы. Схватив противотанковое ружье у убитого бойца, лейтенант Г. М. Денисов подбил шедший прямо на нас танк. Рядовой Ковальчук подорвал два немецких танка и бежит от окопа к окопу, умоляя дать ему еще хоть одну противотанковую гранату. Он погиб, уничтожив третий танк.

До вечера шел бой. Уже стемнело, когда мы поднялись в атаку. С криком «ура» соединились с бойцами Гильманова. В атаке осколок снаряда ударил мне в ногу. Не чувствуя боли, обнял и расцеловал Гильманова. За этот бой я был награжден орденом Отечественной Войны II степени.

...Сегодня, спустя 35 лет после тех кровопролитных сражений, я часто повторяю строки нашего арзамасского поэта Александра Плотникова:

Качнулся мир
В клубящемся дыму,
Но мы прошли
Сквозь все бои и беды.
Мы хоронили павших.
Потому
Горчит вино
На празднике Победы...

А. Д. ОДИНЦОВ,
редактор газеты
«Арзамасская правда»,
заслуженный работник
культуры РСФСР

Арзамас.

А. Одинцов (справа) с однополчанином И. Захаровым. Житомир, военный госпиталь, 22 марта 1945 года.

Н. ХРАБРОВА

КОРМИЛЬЦЫ ИЗ

Кончилась зима. Злая, каких давно не бывало. И зимовка скота трудная, какой тоже давно не бывало, кончилась. Начинается пора интенсивного пастбищного откорма. И с каждой весной все острее встает вопрос: какими должны быть пастбища?

С убедительной силой звучат слова Л. И. Брежнева, сказанные в докладе на июльском Пленуме ЦК КПСС прошлого года: «Весь ход развития экономики страны, неуклонный рост материального уровня жизни народа сейчас на первый план выдвигают задачу более быстрого подъема животноводства. Вполне закономерно, что рост народного благосостояния в последнее время вызвал повышенный спрос именно на продукты животноводства. В связи с этим сложилось такое положение, когда, несмотря на заметное увеличение производства мяса, молока и других продуктов, улучшение организации работы отрасли, нынешний уровень развития животноводства не отвечает быстро растущим потребностям... Первоочередная задача — увеличение производства мяса. Для ее решения необходимо в полной мере использовать все наши возможности и резервы... У нас обширные угодья лугов и пастбищ, большие возможности для производства грубых и сочных кормов.»

Ныне пастбища — это не просто зеленые раздолья. Умелое использование их стало отраслью науки, где постоянно идут свои поиски и открытия. Публикуемый очерк — о поисках эстонских животноводов.

Должна признаться: озаглавив так эту корреспонденцию, я точно следовала традициям эстонской литературы. Вспомним по переводам на русский: «Ходоки из Ания», «Молочник из Мяэкюла», «Пастор из Рейги», «Нечистый из Пыргупыхья» и так далее.

Если «Пыргупыхья» переводится на русский как «Дно ада», то «Соотага» звучит чуть подобрее — «Заболотье». О многом говорят старые названия. Болота давно осушены, а названия остались, напоминают о прошлом.

Поехала я туда, чтобы выяснить, кто же здесь нынче, в период интенсификации животноводства, главная фигура, так сказать, хозяин пастбищ. Я попросила было рассказать мне об этом Юло Рейнольда, начальника управления животноводства в Министерстве сельского хозяйства Эстонии. Но он рассказывать не стал, а предложил съездить в Соотага.

В это заболотное когда-то Соотага сейчас ведет ровный асфальт. Летом травы здесь зелены и густы.

Мир трав... Каждой клеточкой с детства ощущаешь его шелковистую, теплую ласковость и влажный зеленый запах. И еще знаем мы, что травы, наши бескорыстные соседи по жизни на земле, лечат множество болезней человека.

Добрый, милый, так мало известный нам мир трав! Многим, многим мы обязаны им. Пасутся в этом мире стада. Вальяжные красотки красной эстонской породы, если подойти к ним поближе, вскинут рогатые головы и взглянут — ого как, с кокетством и любопытством и не без вызова: кто, мол, ты и зачем к нам пожаловала?

Красные коровы в зеленых травах — прямо для кисти Петрова-Водкина. Мир, покой, пастораль...

Но современные пастбища — отнюдь не пастораль. Это большая научная и трудовая эпопея.

Веками складывалась в Эстонии особая система пастьбы, не последнюю роль сыгравшая в выведении породы хороших коров. В богатые поместья немецких баронов — а большинство эстонских земель было несколько веков владениями немецких баронов — эта система пришла из традиционно животноводческих стран, из Голландии, Дании. Там сравнительно мало лугов, мало земли, это и заставило животноводов интенсивно использовать травы и хорошо за ними ухаживать. Пастбище разгораживалось на загоны, и каждый загон отводился, допустим, для каждого дня недели. В таком загоне особенно не разбегаешься, через изгородь не перепрыгнешь — корова, как известно, не газель,— вот и остается ей одно — мало двигаться и хорошенько есть, набирать вес, копытить почву пастбища, утаптывая дерн, ну, и удобрять пастбище естественным путем.

Вот так долгие годы в маленькой Эстонии и использовались небольшие пастбища. Травы были природными, иногда хозяева побогаче подсевали клеверку или тимофеевки, и в этом случае первые два года не пасли, а траву скашивали — так вроде бы дернина лучше укреплялась. После войны сеяных пастбищ становилось с каждым годом все больше, система загонной пастьбы казалась самой что ни на есть выгодной и рациональной, в Эстонию люди приезжали за опытом — учились создавать культурные пастбища. Удои в республике постепенно поднимались, и казалось, все идет как надо.

И вдруг несколько лет назад раздалось неожиданное заявление новаторов:

— Загоны забыть и идею их выбросить как устарелую!

— Много споров было после такого нашего заявления, — рассказывает директор совхоза «Соотага», кандидат сельскохозяйственных наук Аугуст Крее,— да и теперь у нас оппонентов более чем достаточно. Вот сейчас позовем Яана Януса, нашего агронома-луговода, и поедем посмотрим, как коровы пасутся на пастбище, заложенном этой весной.

Я внутренне ужаснулась — мои главные сведения о пастбищах именно к тому и сводились, что два-три года после посева травы надо скашивать и ни в коем случае не выпускать скот.

— А как же?..

— А вот сейчас все станет ясным, — сказал Аугуст Крее. — По правде говоря, я ведь вначале и сам пугался — когда-то в детстве тоже пас скот в загонах, потом прошел самую что ни на есть каноническую подготовку в техникуме, затем в Тарту, в сельскохозяйственной академии, а всякие азы всегда дороги нашим сердцам. Но — я в то время еще главным агрономом здесь в совхозе работал, только что окончил академию заочно — в 1960 году приехал к нам доцент кафедры луговодства Арнольд Сау ставить опыты по рациональной организации пастбищ и пастьбы.

Доцент Сау приехал в Соотага к своему бывшему студенту неспроста: нравились его знания, любовь к земле. Подыскали они вдвоем подходящие делянки — и началось.

Скоро сказка сказывается... Арнольд Сау и Аугуст Крее за семь лет поставили пятнадцать опытов с целью изучить влияние трав на эффективность производства молока, формирование травостоя культурных пастбищ, наиболее подходящие дозы удобрений для них, способы ухода за пастбищами и, наконец, продумать новые приемы рационального их использования. Они пахали делянки и загоны, удобряли землю, сеяли травы в разных смесях, обрабатывали почву и сено в пробирках. Сравнивали. За эти семь лет они провели больше тринадцати тысяч учетов урожая пастбищных трав и больше двадцати тысяч химических и ботанических анализов трав и почв.

— Я увлекся наукой до самозабвения, — рассказывал Аугуст Крее. — И, уезжая, Сау предложил мне уже самостоятельно заниматься с тем, чтобы защитить диссертацию.

Так оно и случилось. В 1972 году Аугуст Крее стал кандидатом сельскохозяйственных наук, защитив работу «О возделывании культурных пастбищ в средней Эстонии».

...Мы подъехали к самому молодому, недавно засеянному пастбищу.

— Ну как? — с улыбкой глянул на меня Аугуст Крее.

У нового животноводческого комплекса на 460 коров дыбилось, волновалось и словно бы струилось под ветром голубое озеро трав. Ах, ну что за чушь, возразят мне, почему дыбилось?! Да потому, что эти травы рядом с природными — все равно что гулливеры среди лилипутов. Допустим, но почему вдруг травы стали голубыми?! Да потому, что они лоснящимися, сытыми, я бы даже сказала, жирными поверхностями зеркально отражали то голубизну неба, то густую синеву туч.

— А дерн как? — спросила я, глядя, как коровы пожирают на совсем небольшом участке молодую зелень.

— А что дерн? Вы думаете, поди, что он слабый? — возразил агроном Яан Янус. — Осенью мы тщательно вспахали здесь старые луга, внесли в каждый гектар по сорок тонн навоза и по пятьсот килограммов минеральных удобрений и будем подкармливать пастбища один раз в пять лет навозом, каждую осень вносить по пятьсот килограммов минеральных удобрений, по мере необходимости — думаю, что это будет нескоро,— снова вспашем. Сразу после посева пастбище обильно поливали, травы взошли мощно, мы их до выпаса успели скосить два раза. Очень важно найти точную смесь трав — они ведь здорово влияют друг на друга. Нет-нет, за дерн тревожиться нечего, при хорошо удобренной почве и точно подобранных травах сразу получается мощная корневая система. Мы это многолетними опытами проверили. Используемый у нас принципиально новый прием порционной пастьбы, то есть отведение участка для скармливания не на целый день, а на два-три часа, приносит дерну только пользу.

— И эти «порции» вы отмеряете, конечно, электропастухом? — спросила я, коварно полагая, что вот тут-то уж оптимистического ответа быть не может.

— Конечно, — усмехнулся Аугуст Крее. — А вы, конечно, убеждены, что коровы от этого теряют удой. Верно, есть немножко — потому что коровы невероятно любопытны. Каждый год, выпуская первотелок на порционные пастбища, мы наблюдаем одну и ту же картину. Изнемогая от любопытства до того, что пренебрегают лакомой едой, они сразу устремляются к электропастуху: надо же выяснить, что это за проволока такая и нельзя ли с ней расправиться. Для начала лизнет язы-

Директор совхоза «Соотага» Аугуст Крее и агроном Яан Янус.

Майре Ребане — бригадир животноводческого комплекса. Фото В. Сальмре

ком, получит маленький электроимпульс и возмущенно отскочит. Подождет немножко — и снова на приступ, на этот раз носом толкнет. Снова не очень-то приятный щипок. На этом любопытство и кончается, корове ясно: зачем же лезть туда, где неприятно? Не лучше ли съесть то, что у тебя под ногами,— сначала сверху все, что с колосом и потому так сытно, а потом внизу — этот прекрасный сладкий клевер... Уже на третий день удои увеличиваются, и намного.

— Вам нравятся наши пастбища?— послышался за спиной женский голос.

— Нравятся! — Я обернулась и увидела молодую беловолосую женщину в яркой куртке с «молниями».

— Майре Ребане, бригадир вот этого самого животноводческого комплекса, — представилась женщина. И сразу цифры: — Мы тут двенадцать с половиной литров от каждой коровы в день получаем. Выходит, у нас целая ферма рекордисток.

Пастбище вокруг нас жило в своем точном ритме, своей, доселе неведомой мне жизнью, называемой порционной пастьбой. Коровы уже хорошо поработали челюстями на своем небольшом участке и стали поглядывать на следующий. Из пластикатовой будочки — защита от дождя и ветра — выбрался, отложив книжку, парень, пробежался по всему участку, передвинул катушку с электропастухом чуть дальше. И коровы с достоинством перешли на новые травы, а на покинутый ими кусок пастбища тут же выехал трактор с косилкой и дочиста выкосил оставшиеся клочки травы. Это одно из важных условий порционной пастьбы — немедленное скашивание, оно сразу как бы подстегивает травы к возобновлению. Как тут не вспомнить слова Тимирязева о главной особенности растений — всегда расти.

Неподалеку от нас пастбище перегораживала длинная труба на легких колесах — дождевальная установка «волжанка».

— Отличная конструкция, — заметил Аугуст Крее, — приводится в движение небольшим моторчиком, идет по пастбищу в заданном темпе, поливает ровно. Вам не кажется странным, что мы поливаем бывшие болота — сначала осушили, теперь увлажняем?

— Не кажется, я ведь еще полтора десятка лет назад своими глазами видела здешнюю ржавую сырость, не только бесплодную, но и губительную для трав и для земли...

После этих моих слов директор собрался было везти меня на водохранилища для полива (они же для купания и отдыха), показать насосную станцию, но тут я спросила:

— А кто на таком пастбище нынче главный хозяин?

Ребане и Крее переглянулись, и Аугуст сказал:

— Майре скорее всего. Это ведь для ее комплекса мы тут старались устроить пастбище так, чтобы коровы по этому вот огражденному прогону дважды в день шли на дойку, сразу возвращались на свой участок и принимались за еду. Да, разумеется, бригадир комплекса и есть главный хозяин.

— Не хочу быть самозванкой и узурпатором высоких званий, — возразила Майре Ребане. — Мое дело следить, чтобы на ферме все работало с точностью ратушных часов, любить животных и никогда не давать их в обиду и чтобы каждая корова съела положенные ей 60—70 килограммов травы. А трава зависит от агронома. Вот Яан Янус и есть главная фигура.

— Не согласен. Моя забота — только часть нашей общей. Нельзя дезинформировать корреспондента, — улыбнулся Яан.

— Что же, и это правильно, — кивнула головой Майре. — Выходит так, что мы все трое тут главные. Впрочем... — И, уже обращаясь к директору, бригадир сказала: — Но, подумай сам, разве без твоих опытов, без диссертации, без семинаров, на которых животноводы нескольких районов обучались порционной пастьбе, разве было бы у нас такое стадо и столько молока? Согласен быть главным пастухом в совхозе?

— Согласен, — ответил кандидат сельскохозяйственных наук, директор совхоза «Соотага» Аугуст Крее. — Так и запишите в ваш блокнот, товарищ корреспондент: на хорошем пастбище главный хозяин нынче — ученый-пастбищник.

СООТАГА

КАК СЛОВО ОТЗОВЕТСЯ

Коэффициент **В**редного **Д**ействия

Глаголом жечь сердца людей удается не всякому. А хочется — многим... И тогда в служебном рвении начинают перебирать не только глаголы, в ход идут и технические термины и математические формулы. И составляются из них фразы, абзацы, страницы...

Однако побережем эмоции, вооружимся терпением и попытаемся разобраться: что к чему и зачем? Начнем с рекламных буклетов, листовок, с инструкций, сопровождающих товар, с рекламной обиходности, так сказать.

Вот, пожалуйста. Электробритвы. Тридцать три модели. Тридцать три варианта. Широкая цветовая гамма: от розовых до черных. И названия разные. Но листаю приложенные к ним инструкции и никак не уразумею: в чем отличие одной модели от другой? Одни и те же слова о бритвах разных моделей. Может, и нет в бритвах новизны и отличия? Скорее всего... А чтобы хоть чем-то отличалась от соседней, изменили внешний вид, поставили свою эмблему и сочинили свою инструкцию.

Идет это, может, от дефицита подлинно новых идей и от обилия сырья, имеющегося в распоряжении предприятия?

Еще одна рекламная страничка с голубыми крылышками. Ода стиральной машине «Золушка». Машина хороша, факт признанный. Но этого заводу мало. Он начинает ее рекламировать и делает сие столь своеобразно, что диву даешься. Вот строки из рекламного листка, а затем и комментарии к ним: «отстирываемость — не более 65 процентов», «потеря прочности белья — не более 20 процентов». Так и написано! Видимо, в этом есть какие-то технические нюансы? Но обязан ли о них знать читатель-покупатель? И купите ли вы машину, которая отстирывает не вообще, а только на две трети? Купите ли, если узнали, что прочность вашего белья уменьшится «не более чем на 20 процентов»? Что это значит: пять стирок и белье выбрасывается? Нет? Но ведь реклама...

Иные сочинители рекламы склонны полагать, что у покупателя по меньшей мере высшее радиотехническое образование. В инструкции написано: «диапазон средних волн кГц: 525—165; реальная чувствительность не хуже 2,5; избирательность (при расстройке ± 10 кГц): не хуже 20дБ...».

И так далее, и тому подобное. Знай наших! Приемник обычный, зато инструкция-то какова! Может, иначе рекламу делать не положено? Полноте! На куда более сложные телевизоры «Фотон» идет реклама не только понятная, но при этом еще и изящная, привлекательная. Реклама же сложная лишь отпугивает покупателя...

К. БАРЫКИН

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ГОД РЕБЕНКА

Фото Галины САНЬКО

Легко можно свыкнуться с лязгом трамвая под окном и даже с шумом прядильного цеха. Можно привыкнуть к виду пропитанных кровью бинтов и к методическому артобстрелу.

К страданиям детей привыкнуть нельзя, как нельзя привыкнуть к смерти.

Но было на советской земле время, когда сами наши дети научились переносить непереносимое,— то было время войны.

На этих страницах вы видите снимки военного корреспондента Галины Санько — фотодокументы огромной силы, которые заставляют нас не забывать прошедшего во имя будущего. Порознь они уже публиковались и в «Огоньке» и в других журналах, получали первые призы на международных выставках, но, сведенные друг с другом и с фотодокументами нынешних дней, они производят особое впечатление, тем более сейчас, когда идет Международный год ребенка.

...Наши люди на фронте и в тылу старались облегчить участь детей, отдавали им последнюю одежду, последний кусок хлеба, но силою обстоятельств, подлой волею гитлеровцев детские судьбы часто мало чем отличались от тяжких судеб взрослых.

Дети в боях порой не уступали своим отцам — ни в беззаветности, ни в храбрости, подобно Мише Богданову, которого вы видите на снимке, юному партизану-разведчику отряда, действовавшего в Ленинградской области.

ВОЙ

Дети в тылу, на заводах оборонной промышленности, работали, став на табуретку или ящик, у токарных и фрезерных станков.

А этот снимок, изображающий детей за колючей проволокой фашистского лагеря,— разве не напоминает он нам об участи мужчин и женщин, погибавших в Освенциме и Майданеке? Девочку, стоящую справа, звали Клава Соболева. Мальчик в кепке у столба — Аркадий Ярицын. Их судьба стала известна по разысканиям петрозаводского журналиста И. Бацера.

Клавдия Александровна Нюппиева-Соболева работает в Институте биологии Карельского филиала АН СССР, она кандидат биологических наук. Аркадий Николаевич Ярицын — токарь Онежского тракторного завода.

У Клавдии Александровны, как и у Аркадия Николаевича, двое детей. Их дети знают о том, что такое колючая проволока и жестокость оккупантов, только по рассказам родителей да по снимкам нынешних фоторепортеров, запечатлевших вспыхивающие и сегодня очаги войны. Там повторяются горькие судьбы детей второй мировой войны, как это случилось при вероломном нападении китайских войск на Вьетнам. Нынешние советские дети, к счастью, не ведают, что такое прийти на пепелище, где когда-то был твой дом. Но, увы, сколько их еще на земле,— детей, которые, как эти два малыша из сирийского города Кунейтры, уничтоженного израильскими оккупантами, пережили то же, что и ребятишки русской крестьянской семьи, возвращавшейся в далеком 1943 году в спаленную фашистами родную деревню.

К сожалению, мы не знаем, нашел ли в конце концов свою маму мальчик Слава, оставивший надпись на стене разбитого дома, в котором они раньше жили...

...Во всем мире люди говорят: дети — наше будущее. Война, отнимающая у детей детство, оставляющая их сиротами, ожесточающая их сердца, убивает будущее. Силы мира должны положить конец войнам — большим и малым.

О. АННИНКОВ

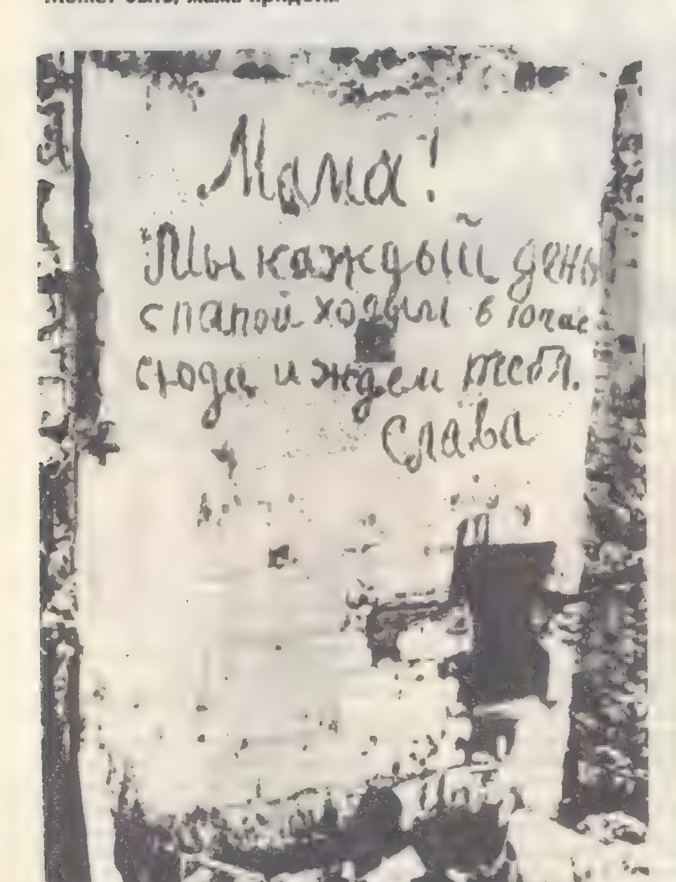
Мише Богданову вручают медаль «Партизану Отечественной войны» 1-й степени.

Когда прогнали гитлеровцев... 1943 год.

Узники фашизма. 1944 год.

Может быть, мама придет...

НА И ДЕТИ

Дети вернулись в родное селение, разрушенное китайскими оккупантами. Вьетнам. 1979 год.

Фото АДН — ТАСС

Дети города Кунейтры, разрушенного израильскими оккупантами. 1979 год.

Фото Г. Кузнецова (ТАСС)

Ребячьи комиссары: секретарь парткома Ленинаканского железнодорожного узла Т. Вардпаронян, член ЦК КП Армении машинист Г. Астоян, начальник локомотивного депо, Герой Социалистического Труда С. Микаелян.

«Комиссар вернулся чемпионом!» Прямо с поезда пришел к своим ребятам чемпион мира и Европы, заслуженный мастер спорта Юрий Варданян.

Фото Г. Багдасаряна

РЕБЯЧЬИ КОМИССАРЫ

...Настойчиво совершенствовать массово-политическую работу в коллективах и по месту жительства.

Из постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы».

Александр САВАЯН

У входа во Дворец молодежи двое юных ленинаканцев напевали песню интернациональных бригад — «Бандьера росса!». Я далеко не уверен, что эту песню в городе знает сотня, даже десяток мальчишек. Этих двоих к ней приобщил настоящий человек — мальчики это доказали здесь же, у Дворца молодежи.

...Кошку загнали на дерево. Улюлюкая, трое, возглавляемые верзилой-юнцом с сигаретой, зажатой в углу рта, готовились сбить ее камнем. Те двое, что напевали «Бандьера росса!», не побоялись и ринулись в бой — прямо на верзилу, который мог сбить их ударом кулака. Но ребята не струсили. На помощь пришли взрослые. И пока хулигану втолковывали, что так нельзя, мальчики сняли с дерева кошку.

Я не мог себе простить, что не познакомился с этими ребятами.

— Это, наверное, тимуровцы товарища Амо,— сказала мне секретарь горкома комсомола Мариетта Гедакян, когда я рассказал ей об этом случае.— Их почерк.

«Товарищ Амо», Амазасп Казарян,— человек необычайно популярный среди подростков и детей Ленинакана. Вот уже 45 лет он работает «ребячьим комиссаром». Заслуженный учитель республики, ветеран комсомола, он все свое время отдает делу, которое стало для него смыслом жизни.

Ребячьи комиссары... Сейчас никто не сможет сказать, как родилась эта, не записанная ни в какое штатное расписание, должность. Но в ней многие и многие люди увидели главное свое дело. В Ленинакане среди ребячьих комиссаров — учителя, рабочие, инженеры, врачи, работники милиции, руководители заводов и фабрик. Партийные и комсомольские организации считают эту сферу своей деятельности одной из главных.

Если бы несколько лет назад в Ленинакане кто-нибудь сказал, что с помощью мяча и коньков можно ликвидировать двойки в табелях сотен мальчишек и девчонок, это сочли бы первоапрельской шуткой. В республиканском «табеле» успеваемости школьники Ленинакана занимали далеко не почетное место. Да и спортивные дела обстояли не лучше.

— Началось все с объявления в газете,— рассказывает Мариетта Гедакян.— Оно гласило: «Дорогие школьники! Всех, кто хочет играть в футбол, как Эдуард Марков, в хоккей, как Валерий Харламов, кататься на коньках, как Ирина Роднина, приглашаем в советы микрорайонов. Там вы познакомитесь со своими тренерами и начнете занятия».

Мариетта — секретарь горкома комсомола. Инженер-технолог по профессии, она работала на швейной фабрике, возглавляла здесь комсомольскую организацию, по инициативе которой в микрорайоне развернулась большая работа с подростками по месту жительства. Но одно дело — микрорайон, а другое — город с населением в двести тысяч человек. Проблем оказалось много — спортплощадки, катки, инвентарь, тренеры... По решению горкома партии все промышленные предприятия и учреждения Ленинакана приняли участие в обеспечении намеченных мер. Большая работа велась в жэках. Сюда по направлениям партийных и комсомольских организаций промышленных предприятий, находящихся в данном микрорайоне, пришли тренеры-общественники, педагоги, спортсмены. Среди них был и слесарь опытного завода по ремонту автобусов Жора Барсегян. Сейчас его в городе знают все: еще бы, тренер-наставник команды «Ширак» жэка № 8, той самой, которая в 1976 году стала победительницей всесоюзного турнира «Кожаный мяч»!

Но в тот памятный день, когда Барсегян пришел в жэк, он и другой наставник, Айк Аветисян, думали о другом. Антараван считался самым «трудным» микрорайоном города. В школе сказали: «Есть группа мальчишек, которая буквально терроризирует всех». С них и начали Жора и Айк свою работу.

...Мальчишки как завороженные слушали рассказ о спортсменах, имена которых вошли в легенды... Пошел в разведку боксер Николай Королев, погиб, не сдаваясь, его армянский друг и товарищ по рингу Левон Теомурян, настоящий бой фашистам на зеленом поле дали футболисты киевского «Динамо», с поврежденной рукой вышел на олимпийский ринг Владимир Енгибарян...

Футбольное поле, две хоккейные, одна волейбольная площадки — все это соорудили ребята сами с помощью шефов, комсомольцев завода «Электробытприбор». Их было уже около сотни, свой клуб они назвали «Шираком». Мальчишки отчаянно сражались на футбольном поле, волейбольной и хоккейной площадках, за шахматной доской, отправлялись в походы... Боялись они лишь одного: за двойку отбирали форму. Перед финалом республиканского тура были сняты с соревнований три лучших игрока, получившие двойки. Так решила команда.

В жэке № 8 есть комната, куда ежедневно приходят преподаватели школы, комсомольцы завода — каждый, кому не удается задачка по математике или сочинение, может получить здесь консультацию. С двойками борются серьезно и планомерно. Конечно, при активном участии родителей, бабушек и дедушек. Но и шефы не стоят в стороне, а среди них есть специалисты почти всех нужных мальчишкам профессий. Ну, а вот с хоккеем сложнее.

Хоккей... С некоторых пор работники гидрометцентра города — предмет особого внимания ленинаканцев. С первого дня зимы количество звонков в это учреждение резко возрастает. Разговор между абонентом и метеорологом непосвященному не понять.

— Ну как, сестрица?

— Пока ничего хорошего...

— А может, к вечеру?

— Позвоните к четырем.

— Вот спасибо!

Погода, как известно, играет для хоккея немаловажную роль. Ведь закрытых площадок в городе пока нет. Пока.

Дело в том, что с некоторых пор Ленинакан заболел хоккеем. Заболел серьезно и, очевидно, навсегда. Но первый хоккейный турнир... Готовились к нему всем городом — шутка ли, первый в истории спорта Армении! В турнире приняли участие 30 команд всех микрорайонов. Приехали гости из Еревана, из соседних районов. Турнир стал большим праздником не только для его участников, но и для взрослых. Это было пять лет назад. Сейчас хоккейные турниры в Ленинакане — традиция.

Самых лучших своих представителей направляют на работу с ребятами по месту жительства партийные и комсомольские организации города. Среди них депутат Верховного Совета Армянской ССР текстильщица Лизберт Асатрян, кавалер ордена «Знак Почета» слесарь Александр Адалян, делегат XVIII съезда ВЛКСМ Сусанна Какоян, чемпион Европы и рекордсмен мира Юрий Варданян, многие другие.

Лейтенант милиции Севак Меликян показал мне два списка. И в первом и во втором все те же фамилии. Только один составлен два года назад, и включены были в него «трудные» дети, а второй — это команда «Звезда-2», которая стала финалистом городского кубка «Кожаный мяч». Правда, финал сложился неудачно — на последней минуте в ворота «Звезды-2» был назначен пенальти. Кое-кто из шефов пытался уговорить судью: «Не надо... Поддержите ребят!» Но команда и ее капитан сами настояли: «Пенальти правильный!» Это была победа над самими собой, а кубок — кубок не уйдет.

...«Трудные» дети. Это понятие, по мнению некоторых, переросло в проблему.

— Но ведь «легких» детей вообще нет,— запальчиво говорит секретарь парткома железнодорожного узла Тельман Вардпаронян.— А вот микроклимат семьи — при любых обстоятельствах проблема первостепенная.

Какой он должен быть, микроклимат семьи? Об этом и шла речь на не совсем обычном собрании во Дворце культуры железнодорожников имени Севяна. Собственно, собранием это трудно было назвать. Разговор шел, что называется, в семейном кругу — собрались машинисты локомотивного депо и члены их семей. Говорили о том, как готовят главу семьи в рейс, к чему может привести нервное напряжение в доме. Жены узнали, как трудятся их мужья и братья, а товарищи по работе — как выглядят их коллеги дома...

Словом, была не просто беседа, а нечто вроде обмена житейским опытом. С большим тактом, чутко вели разговор организаторы встречи. И в выступлениях как бы звучало: мы в ответе за каждого, и каждый в ответе за всех. Это родилось не сегодня и не вчера. Это традиция, которую заложили отцы, участники Майского восстания, передовики первых пятилеток. Это опыт рабочих династий Микаелянов, Степанянов, Петросянов, Мардоянов, Осликянов.

Сейчас более пятидесяти коммунистов-железнодорожников работают в различных комиссиях Совета микрорайона. Признанными ребячьими комиссарами стали члены ЦК КП Армении машинист Гурген Астоян, секретарь парткома вагонного депо Бахши Игитян, старший энергомеханик Амик Арабаджян, начальник дистанции Степан Барсегян...

Железнодорожники серьезно занимаются выявлением причин нарушения общественного порядка. Под контроль взяты кафе и рестораны микрорайона; привлекаются к ответственности лица, нарушающие правила торговли спиртными напитками, строго спрашивают с тех, кто ведет паразитический образ жизни.

Интересную работу ведут коммунисты и комсомольцы в кафе. Дружинники как-то взяли на заметку одного «эстета», который, собрав вокруг себя юнцов, разглагольствовал о «чистом искусстве». Было решено дать ему «бой» тут же, в кафе. Группа рабочих и инженеров не только разоблачила полное невежество этого «оракула», но и вызвала у молодежи большой интерес к беседам о литературе, искусстве. В них теперь участвуют писатели, поэты, преподаватели школ и вузов. Проходят они всегда с большим успехом.

Многообразны формы работы с ленинаканской молодежью. Это и слеты родителей, и летние лагеря «по интересам», заботу о которых взяли на себя промышленные предприятия; библиотеки на общественных началах при жэках; абонементы на концерты... В городе построен Дворец молодежи — здесь частые гости писатели, художники, музыканты. Создается экспериментальный молодежный театр.

...Ребячьи комиссары! Практически в Ленинакане все школьники, подростки имеют своих шефов — рабочих, инженеров, руководителей предприятий, партийных и комсомольских организаций. И среди них немало таких, кто сам еще недавно был предметом заботы Совета микрорайона. Тем плодотворнее их деятельность. Им-то уж хорошо известно, что это такое — крепкая добрая рука наставника. На нее можно опереться...

ВСТРЕЧА С ДРУЗЬЯМИ

«Хороша ты, Персия, я знаю»,— сердцем поэта чуял Сергей Есенин, никогда не бывавший в Иране. «Ты — ад, ты — рай»,— через несколько десятилетий скажет о родине, древнем Исфагане, Жале. Ее поэзия, трагическая и жизнеутверждающая, раздвигает не только географические, но и социальные горизонты,— иранская поэтесса Жале пишет на языке фарси, а живет в России, где в полный голос говорит о сокровенных мечтах и чувствах:

...Многие, что с колыбели
живут на родине
до гробовой доски,
те, чьи сердца слепые
не прозрели,
от родины
так далеки!
Но многие,
живя от родины вдали,
все ж остаются с ней
и на краю земли!

Жале. Синий корабль. Стихи. Перевод с фарси Музы Павловой. М., «Советский писатель», 1978, 80 стр.

В этих простых, окрашенных печалью и гордостью строках из нового сборника поэтессы «Синий корабль» — и творческая и жизненная позиция Жале. Тот любит родину, утверждает автор, чьи корни — в народной судьбе, кто беспокоится за счастье обездоленных.

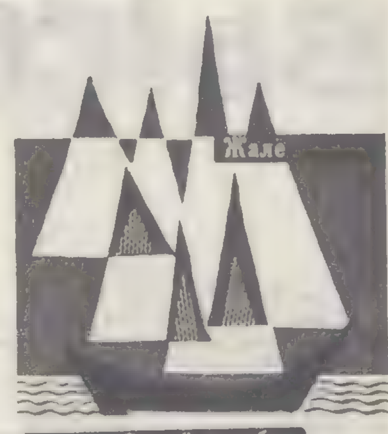
Для поэзии Жале характерны и политическая злободневность, и задушевная песенность, и философское раздумье. Смело использует автор и одну из лучших традиций иранского фольклора — афористичность.

...сокол победы
садится,
друзья,
лишь к тому на плечо,
кто плеча
не склонял!

Но даже в пронизанных пафосом борьбы стихах чувствуется неизбывная и тонкая душа лирика. Лирические образы Жале осязаемы и привлекательны.

Я видела,
как лунной ночью
на озере
танцует лебедь...

Тема дружбы — одна из основных и выстраданных поэтессой. Дружба — это и спасение от одиночества, и сила перед лицом опасности, и необходимое условие для мира и радости. Недаром самые теплые слова посвятила поэтесса республикам СССР, ее городам и людям («мой город любимый, мой Баку, я снова вернулась к тебе и радуюсь встрече с друзьями...», «здравствуй, любвеобильная мать Грузия, прекрасное изваянье свободы», «я в Армении... О солнечная земля, наполненная светом и талантом...»).

Поэзия Жале питается лучшими соками того древа, на котором растут плоды мудрости, добра и справедливости. И плоды эти щедрой рукой раздает она вновь обретенным друзьям, каждая встреча с которыми для нее — символ высшего человеческого счастья.

Николай **НИКИШИН**

книжные редкости

СТУЧИТСЯ ПЕСНЯ В СЕРДЦЕ

В Болдинском музее-заповеднике А. С. Пушкина хранится альманах «Полярная звезда», изданный А. Бестужевым и К. Рылеевым в 1824 году. В гражданскую войну эту книжку нередко раскрывали алтайские партизаны 5-го Степного полка. В корешке альманаха декабристов хранились списки добровольцев-партизан.

Я хочу рассказать о человеке, который сберегал эту книгу в мрачные годы крепостничества, рассказать со слов его правнука Семена Андреевича Коробченко, взявшего в руки оружие, чтобы отстоять завоевания Октябрьской революции.

— Прадед мой,— рассказывал Семен Коробченко,— поведал сыну своему Якову — деду моему, стало быть, историю о барине, которого царь повесил. За того барина — Кондратия Рылеева — прадед мой Гаврила Горбунов наказание понес, был люто выпорот плетьми. И, бездыханному уже, приговаривали палачи: «Не веди разговоров о висельнике царском, не распевай крамольных песен. Не твоего ума, мужик, сыромятная морда, господские дела! Бог и царь знают, кого какой смерти предать...»

А дело было в Воронежской губернии. Незадолго до восстания декабристов довелось Гавриле Горбунову везти в слободу Подгорную барина Рылеева. Дорогой Гаврила спрашивает:

— А что, барин, не дозволишь ли песню спеть, нашу, крестьянскую?

— Отчего ж, братец! Коли душа к песне просится, держать ее не пристало!

И запел Гаврила, а песенник он был знатный, на всю округу тем славился. Лошади стучат по дороге копытами, прядают ушами. А Рылеев полуприкрыл глаза, заслушался. Даже о табакерке забыл. Как достал ее из кармана, так и осталась она у него, зажатая в ладони. Чисто и горестно выводит Гаврила каждое словечко, стучится песней в невеселое рылеевское сердце:

Молода жена плачет — что роса
падает,
Красно солнышко взойдет —
росу высушит...

Умолк песнопевец, а Рылеев ему свое удовольствие высказывает:

— В песнях ты наторелый, бра-

тец. Такое умение — несравненный дар божий!

— Эх, барин, не спасет этот дар от дыр наших злочастных! Нужда кругом, барин!

И стал Гаврила сказывать про беды свои крестьянские. Рылеев слушал и так дотошно выпытывал у Гаврилы о мужицкой доле, что тому дивно стало: «Откуда столичному барину так ведомо о крестьянах?» Только после царской расправы над декабристами узнал Гаврила и фамилию барина и про то, что службу свою военную он на Воронежчине, в Острогожске да Павловске, нес.

Когда показалась слобода Подгорная, Рылеев приказал остановить коляску и сошел с нее поразмяться. И вот тут-то барин стал песенку одну напевать. Прислушался Гаврила и ахнул про себя,— так слова этой песни необыкновенными ему показались. Стоит Рылеев у коляски, напевает:

Долго ль русский народ
Будет рухлядью господ,
И людями,
Как скотами,
Долго ль будут торговать?

Гаврилу поначалу оторопь взяла. А Рылеев слова песни, как гвозди, ему в душу заколачивает:

Нас поборами царь
Иссушил, как сухарь;
То дороги,
То налоги,
Разорили нас вконец...

До Подгорной доехали молча, и барина Гаврила больше не видел. Когда донеслась весть о восстании декабристов, в Острогожском уезде, как и по всей России, стали мужики толковать промеж себя. Вспомнили и про Кондратия Федоровича Рылеева. Гаврила и рассказал мужикам, как барина вез, и про песню его. И спел он мужикам ту песню, что дорогой довелось слыхать из рылеевских уст. Пел ту песню Гаврила тихонько, а до исправниковых ушей донеслось. Выдала песнопевца чья-то лакейская душа! После наказания плетьми восемь недель провалялся на смертной постели Гаврила. И выжил. И рассказ об этом передал внукам и правнукам своим. Жажда в нем к грамоте вдруг пробудилась ненасытная. Прабабка смеялась: «Внуки подрастают, а дед за буквари!..»

Из поколения в поколение передавалась у Горбуновых книжка старая, альманах «Полярная звезда». Внуки и правнуки песнопевца Гаврилы донесли эту бесценную книгу и рассказ о барине, которого царь повесил, до наших дней...

Михаил **КОРОБЧЕНКО**

ВЫСОТЫ ЭФИОПИИ

А. СОФРОНОВ

В октябре 1978 года в Ташкент из стран Азии и Африки летели писатели, чтобы отпраздновать 20-летие своей ассоциации. Она здесь родилась, эта ассоциация, на узбекской земле, в октябре 1958 года, и сюда собирались литераторы. И те, кто был здесь во время рождения ассоциации, и те, кто помоложе, и те, страны которых сбросили иго колониализма уже позже. Как известно, все было не просто. Судьбы одних писателей не были похожи на судьбы других.

На этот раз, в октябре прошлого года, прилетели писатели из Эфиопии Ассефа Гебре Мариам и Асфау Теферра.

Они были веселыми и общительными, располагали к себе. Мы были рады их появлению. Повод для радости был особый, ибо многие годы наша ассоциация для писателей Эфиопии была закрыта. Доступ для писателей из Аддис-Абебы в ассоциацию был закрыт императором Хайле Селассие I. Но не только писатели Эфиопии оказались отрезанными от боевой, кипучей жизни, которой жили последние два десятилетия страны Азии и Африки. От этой жизни были отстранены и те эфиопские общественные деятели, которые пытались наравне с посланцами других стран участвовать в деятельности Организации солидарности народов Азии и Африки.

Помнится, когда мы, делегация, направленная I конференцией солидарности народов Азии, проходившей в столице Индии Дели, оказались в столице Египта Каире и были приняты замечательным человеком, Гамалем Абдель Насером, в конце трехчасовой беседы он сказал нам: «Каир в вашем распоряжении». Эта встреча состоялась вскоре после англо-франко-израильской агрессии... Еще дымился в остывающих пожарах Порт-Саид. Не работал Суэцкий канал, из которого торчали мачты затонувших кораблей. На улицах Каира еще громоздились баррикады, и витрины магазинов были завалены мешками с песком.

В конце декабря 1957 года в Каирском университете открылась I конференция солидарности народов Азии и Африки. И на этой конференции были делегаты Эфиопии. Но только на этой... В это время народ Эфиопии угнетался и самим императором и его бесчисленными подручными, служившими вместе со своим императором американским и прочим империалистам.

И вот в Ташкенте осенью прошлого года из уст главы эфиопских писателей Ассефа Гебре Мариама временный секретариат и подготовительный комитет по созыву VI конференции писателей стран Азии и Африки, которая должна состояться летом 1979 года в Луанде, получили приглашение провести подготовительное заседание в Аддис-Абебе. Кольцо разорвалось.

В пять утра самолет ИЛ-62А поднялся в воздух. Наискосок от меня сидел южноафриканский писатель Алекс Ла Гума, исполняющий обязанности генерального секретаря нашей ассоциации. Где-то в полете, через несколько часов, он сказал нам с Камилем Яшеном:

— Я все думаю об одном... Мой отец сражался с итальянскими оккупантами на стороне абиссинцев, а теперь я лечу туда, в столицу бывшей Абиссинии!

Вдали, слева по ходу самолета, виднелись заснеженные вершины гор.

— За этими горами — Иран,— так же тихо сказал Ла Гума. Емкая фраза не требовала объяснений.

Вскоре мы увидели множество огромных, свинцово сверкающих баков. Самолет приземлился в аэропорту Кувейта. Вокруг все было аккуратно и чисто. Множество асфальтовых дорог. К самолету мгновенно подкатили заправочные машины...

Раздался голос стюардессы:

— Уважаемые пассажиры, температура в Кувейте 14 градусов. Но прошу вас оставаться на месте в самолете...

Ну что ж, в самолете так в самолете. Ярко светило солнце. В иллюминаторы была видна размеренная жизнь аэропорта...

Еще пять часов пути, и самолет приземлился в аэропорту Адена — бывшей английской крепости, ныне столицы Народной Демократической Республики Йемен. Здесь было уже 29 градусов тепла. Не торопясь, мы шли к зданию знакомого мне аэропорта: несколько лет назад советская делегация, возглавляемая прекрасным таджикским поэтом Мирзо Турсун-заде, прилетала сюда. В памяти остался и сам Аден и несколько писателей, учившихся до этого в Москве и поэтому свободно разговаривающих на русском языке.

И снова в путь. Всего час с четвертью полета. Посадка. Асфальт аэродрома и первое ощущение высоты. Нежарко. Свежо. Дышится легко и свободно.

До начала заседаний оставался еще один день. Наши хозяева решили посвятить его нашему знакомству с Аддис-Абебой и ее окрестностями. В автобусе мы колесили по городу, разбираясь в его красотах и сложностях. Рядом с новыми каменными домами, вплотную к ним располагались небольшие деревянные хижины, возле которых паслись овцы. В кварталах старого города тоже было немало овец. За ними приглядывали босоногие смуглые ребятишки.

Шел дождь, мелкий бесконечный дождь. Кое-где размыло дороги. Но все же одна из них привела нас в красивое место на берегу Дебре — озера, окаймленного невысокими горами.

— Это озеро образовалось в кратере бывшего вулкана,— сказал нам сопровождающий.

...Большое впечатление произвело на нас посещение муниципального совета. Небольшой зал с расположенными эллипсом удобными сиденьями. В центре — трибуна. Говорил заместитель председателя муниципалитета:

— Городская земля раньше принадлежала так называемым привилегированным слоям населения. Те, кто ютился на окраинах, земли не имели... Мэр раньше назначался правительством, советники муниципалитета тоже. Все они были крупными собственниками движимого и недвижимого имущества. После революции 1974 года все изменилось. Члены муниципалитета избираются народом. Одна из крупных побед революции — декрет о национализации городской земли и домов, принадлежавших богачам. Управляют городом теперь сами жители. Аддис-Абеба имеет почти два миллиона квадратных метров земли. Город делится на районы, именуемые кебеле. Это небольшие районы, каждый со своим управлением. Молодые люди, достигшие 18 лет, могут быть избраны в руководство кебеле. Но только те, кто верит в программу нашей революции, и, конечно, те, кто никогда не имел земли в городе... У нас имеется также комитет общественной безопасности...— Заместитель председателя муниципалитета говорил спокойно, а мы все неотрывно смотрели на несколько рядов фотографий, окаймленных черными лентами, что висели на стенах зала. Молодые, красивые лица юношей и девушек, людей более старшего возраста...

— За всю историю Эфиопии это первая структура массовая, демократическая, которая опирается на народ.— Наш собеседник остановился... Кто-то задал вопрос:

— Чьи фотографии окружают нас?

Заместитель председателя обвел зал глазами:

— Как вы понимаете, контрреволюция сопротивлялась. Ежедневно убивали от двух до пяти наших товарищей. Здесь находятся портреты тех, кто погиб за нашу революцию в Аддис-Абебе. Полный порядок был установлен только восемь-девять месяцев назад...

— Каким образом?

— Мерами революционной законности... Мы предлагаем вам посетить один из кебеле, где вы увидите начало нашей новой жизни.

Вскоре автобус подвез нас к району тесно стоящих хижин и деревянных домиков. Нас ждали. Босые ребятишки по грязи бежали за автобусом. Они были веселы и жизнерадостны. Вдоль дороги, у домов стояли женщины. У многих из них за спиной виднелся завернутый в одеяльце, привязанный ребенок.

Нас провели в один из небольших деревянных домов. Сопровождал нас герой телефильма политического обозревателя Советского телевидения и радио В. П. Дунаева товарищ Йоханнес. В этом доме он был ранен. Небольшой, худощавый, скромный человек.

— Вот еще следы от тех пуль,— говорил он, показывая отверстия, оставшиеся в дверях и стенах.

Мы прошли в соседнюю небольшую комнату. На одной из стен висела черная школьная доска.

— В этой комнате происходит суд над теми, кто поднимает руку на революцию... И здесь же ликвидируют неграмотность.

В соседнем домике был детский сад. Коротко подстриженные ребятишки, сидя на полу, пели песню, в которой были слова, прославляющие революцию в Эфиопии.

...В эти первые дни, еще в автобусе, я познакомился с человеком, хорошо говорившим по-русски. Видимо, зная, что я связан с театром, он сказал мне:

— Я закончил ленинградский театральный институт... Проходил практику в Большом драматическом театре. Зовут меня Сабхат Тессема.

Здесь, в кебеле, он тоже был с нами. Взволнованные, мы вышли во двор. Я сказал:

— Как хорошо, что нам показали эту неприкрашенную жизнь.

— Вы должны знать жизнь Эфиопии, все видеть своими глазами.

— Сабхат, как же все-таки девять месяцев назад удалось прекратить террор?

— На эту тему я написал пьесу «Зеркало». Я не только режиссер, но и драматург.

— Вы что-нибудь ставили здесь из русской драматургии?

— Да, конечно. В нашем Национальном театре я поставил «Ревизора» Гоголя.

— И как принимала публика?

— С большим интересом... Сейчас я репетирую пьесу Горького «Мещане».

— Да ну?

— Это замечательная пьеса. Хотите, я коротко напишу вам о ней, пока вы будете здесь?

Юность Эфиопии ● Горное озеро под Аддис-Абебой.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Перед экзаменами ● В центре столицы Эфиопии ● Динамичный язык плакатов.

Наши заседания открылись в прекрасном здании Дома Африки, при входе в который нас встретили витражи самого крупного художника Эфиопии Афеворка Текле, известного своими работами и в Советском Союзе.

Приветственную речь на первом заседании произнес заместитель генерального секретаря ВВАС Фессеха Деста. Он сказал:

— Выбор Аддис-Абебы в качестве места проведения подготовительной встречи свидетельствует о признании антиимпериалистической позиции Эфиопии, ее готовности быть в авангарде сил, сражающихся против империализма, колониализма и апартеида. Задачи усиления такой борьбы становятся все более актуальными в сложившейся международной обстановке, когда силы реакции пытаются посеять семена раздора на африканском континенте и в Азии, помешать процессу разрядки.

Эфиопия, эфиопская революция будут поддерживать борьбу народов Южной Африки до полной победы. Мы счастливы, что писатели Азии и Африки встретились на эфиопской земле. Мы верим, что настоящие писатели поддерживали и всегда будут поддерживать нашу борьбу.

Фессеха Деста также говорил о том, что писатели должны отобразить борьбу своих народов. Победа революции в Эфиопии привела к победе над загнившей реакцией. Империалистические средства массовой информации проливают крокодиловы слезы о «правах человека», подчеркивал Фессеха Деста. Наши права человека — это конец эксплуатации человеческих масс. Соединенные Штаты Америки не могут отрицать, что у них из 25 миллионов черных американцев 6 миллионов безработных. В США нет свободы. Поэтому и происходят массовые самоубийства. На Ближнем Востоке — предательство Садата, пошедшего под давлением США на сговор с сионистами Израиля, пытающегося навсегда оставить в рабстве палестинцев... Мы осуждаем гегемонистский режим Пекина, пытавшийся поставить на колени героический Вьетнам.

К этому можно добавить, что выступления Фессеха Десты и министров образования и культуры Эфиопии были хорошим запевом на писательской встрече в Аддис-Абебе, которая прошла по-деловому и творчески.

Да, мы знали, когда летели в Эфиопию, обо всех трудностях, которые пришлось да и сейчас приходится испытывать молодому государству, объявившему, что оно избрало социалистический путь. В этом не так уж много нового. Еще не было в политике, в революционной борьбе случаев, когда бы класс угнетателей оставлял позиции без боя. Не случилось этого и в Эфиопии. Но руководители революционной Эфиопии энергично работают по преодолению трудностей. В дни, когда мы были в Аддис-Абебе, председатель Временного военного административного совета подполковник Менгисту Хайле Мариам находился в южных районах страны, изучая на местах положение с экономикой, сельским хозяйством.

Еще в декабре прошлого года журнал «Нью африкэн» сообщил, что «успехи в военных областях в числе прочего означали, что ВВАС получил возможность обратиться к решению других проблем и что теперь он уже не концентрирует все внимание только на военных аспектах. В конце октября ВВАС наконец-то стал серьезно подходить и к решению экономической проблемы. Начало этому было положено речью председателя ВВАС подполковника Менгисту Хайле Мариама 12 сентября, в День Революции, речью, в которой основное внимание было уделено не политическим, а экономическим вопросам. Менгисту практически выступил с призывом к тому, чтобы страна приложила усилия для развития и реконструкции экономики.

Первым шагом в этом направлении было провозглашение 29 октября «начала общенациональной революционной кампании экономического развития и центрального планирования». Это создает совершенно новые рамки для экономического планирования и экономической деятельности внутри страны. Было объявлено о создании Высшего совета по проведению общенациональной революционной кампании развития и центрального планирования, который будет выполнять функции прежней Центральной плановой комиссии».

О том же, какие сложности пришлось испытать Эфиопии во время войны, говорится в одной из корреспонденций, появившихся еще в прошлом году:

«Позиция Египта в конфликте на Африканском Роге получила материальное выражение в египетских военных поставках Сомали...

Естественно, что о точных размерах военной помощи, которую Каир оказывает Могадишо, судить трудно. Однако, как явствует из опубликованных в газете «Вашингтон пост» заявлений двух американских конгрессменов, встречавшихся с президентом Садатом во время своей поездки по странам Ближнего Востока и Африки, глава египетского государства признал, что уже тогда АРЕ направила в Сомали оружия на сумму 30 миллионов долларов и обещала предоставить «в случае вторжения» бронетанковую бригаду. Агентство ЮПИ сообщало из Могадишо, что Египет регулярно посылал в Сомали суда, груженные оружием, а с середины февраля организовал постоянный воздушный мост, по которому ежедневно египетские самолеты доставляли сомалийцам боевое снаряжение, в том числе противотанковые ракеты. На борту египетского транспортного самолета, посаженного кенийскими истребителями в аэропорту Найроби, была обнаружена боевая техника, предназначенная для сомалийской регулярной армии. Причем, по свидетельству ЮПИ, ссылавшегося на дипломатические круги, этот самолет — «лишь верхушка айсберга» той помощи, которую Египет оказывает Сомали. Американское агентство отмечало, что часть оружия, направлявшегося в Могадишо,— это лучшее из всего, чем располагал Египет».

Целую неделю мы работали и жили в Аддис-Абебе. Естественно, интересовались искусством, встречались не только с писателями, но и с деятелями культуры. До встречи с министром культуры, спорта и по делам молодежи Тесфайе Шевайе мы побывали в цитадели эфиопской науки — университете Аддис-Абебы, побеседовали с руководителями университета и познакомились с интереснейшим музеем, в котором с любовью показано развитие эфиопской культуры. В парке университета наблюдали, как готовятся юноши и девушки к экзаменам. К тому времени мы уже познакомились (причем дважды) с ансамблем, который одинаково зажигательно и поет и танцует. Уже участвовали в интернациональном литературном вечере в Национальном театре, на котором выступали поэты Фаиз Ахмад Фаиз из Пакистана, вьетнамец То Хоай, палестинец Муин Бсису, наш поэт из Казахстана Олжас Сулейменов, эфиопские поэты.

К этому времени мы побывали и в студии художника Текле, встретившего нас очень сердечно.

В день отлета состоялась еще одна встреча с министром культуры, спорта и по делам молодежи. Вместе с советским послом в Эфиопии Б. Е. Кирнасовским вошли мы в кабинет министра, попросив рассказать, какие планы у работников искусства и культуры.

— Какие планы? — улыбнулся министр.— У нас всегда должны быть планы... Но прежде чем перейти к деловому разговору, я бы хотел сказать о тех чувствах, которые обуревают меня, дорогие братья. Мне трудно все выразить словами. Когда я говорю «братья» — это не обычная вежливость, а то, что мы все чувствуем. Наша революция получила еще одно свидетельство поддержки от Советского Союза и других социалистических стран. Может быть, вы и не знаете, но буржуазная пресса трубит о том, что наша власть угнетает интеллигенцию. Эта же прекрасная встреча, активное участие в ней наших писателей опровергают эту гнусную ложь. Мы отлично это понимаем. Наша задача — разоблачить лживость буржуазной пропаганды. За рубежом, в западных странах да и в США, учатся эфиопские студенты. Недавно товарищ Менгисту говорил: «Наши студенты оторваны от родины, а они должны знать правду». Писательская встреча в Аддис-Абебе будет иметь очень хороший резонанс... Прямо скажу, что даже здесь нам не просто было завоевывать свою молодежь. В Доме Африки, где вы заседали, выступал студенческий хор. Он вам понравился?

— Очень!

— Таких хоров и ансамблей у нас много. На наших студентах держатся все наши праздники.

— Какие связи у вас с работниками искусства и писателями?

— Правительство считает, что нам еще рано почивать на лаврах... Мы поощряем представителей разных жанров искусства. Кстати, Союз писателей Эфиопии оказывает нам большую помощь. Со своей стороны, мы поддерживаем и будем поддерживать деятельность и других творческих союзов.

— Как обстоят дела с публикацией произведений писателей?

— К сожалению, у нас еще нет государственного издательства. Все только начинается. Пока писатели пользуются частными издательствами.

— Что делается в области создания национального кино?

— В наследство мы не получили нашего кинематографа. Пока что все на нулевой отметке. Мы понимаем, что свое кино очень важно, но пока у нас нет подготовленных кадров. Все впереди.

— Мы посетили интересный музей в университете...

— Мы занимаемся созданием музеев и в провинциях... Скажу прямо: и здесь нет кадров... Но у нас большим успехом пользуются кочевые музеи, которые устраиваются прямо на улицах... У нас много проблем национальной политики в области культуры. Наша страна насчитывает 80 народов и народностей. Сейчас создана Академия лингвистики, но пока не все ее работники имеют достаточную научную подготовку... Еще хуже обстоит дело с политической подготовкой. Перед нами задача создать письменность. Пока же письменность существует всего у трех-четырех народов. Алфавит один — амхарский. Наши народы имеют богатейший фольклор. Его надо собрать... Видите, сколько задач перед нами в области культуры, от решения которых во многом зависит развитие нашей революции...

* * *

...Последние два дня нашего пребывания в Аддис-Абебе я вспоминал о том, что мой новый друг, режиссер и драматург Сабхат Тессема пока так и не передал мне свои размышления о «Мещанах» Горького.

Но когда поздно вечером мы оказались в аэропорту Аддис-Абебы, он подошел ко мне и протянул листок.

— Здесь немного,— сказал Сабхат,— но это то, что я думаю о Горьком.

Мы сердечно попрощались с эфиопскими писателями и нашими советскими друзьями.

Было десять часов вечера. Самолет устремился в черное небо.

Вспомнив, что в кармане пиджака у меня лежит листок, врученный мне Сабхатом Тессемой, я развернул его. Вот она, эта записка:

«Однажды друг пригласил меня на вечер — роскошные одежды, запах дорогих духов, медленная, томная музыка,— но над дорогими костюмами и манящими декольте — маски. Улыбки на губах и бесстрастное выражение глаз, механические поклоны, точно рассчитанный смех. Все искусственно. И странно звучала в этом безжизненном и роскошном окружении музыка Баха — символ внутренней чистоты.

И я подумал о своем народе, который в бедности, без современных стереомагнитофонов может веселиться, и петь, и танцевать от сердца. Я подумал о женщинах, которые прекрасны в простых одеждах.

И в пьесе «Мещане» я нашел эту тему. Как в моей Эфиопии сейчас для одних — широкий простор будущего, для других — узкий, темный коридор, который никуда не ведет.

Эта идея — опасность мещанства, его развращающее влияние, боязнь революционных перемен — об этом Горький написал в 1901 году. Но эта пьеса жизненная для моего народа. Ведь главное — не то, где происходят события — разные по форме. Главное — их суть, мироощущение человека — оно привлекло меня в «Мещанах».

Противопоставление узости, эгоизма — вере в будущее, оптимизму. Тем, кого не страшит смерть, тем, кто не забивается в темный угол, кто не трясется от страха, услышав выстрелы.

Сабхат Тессема».

Что ж, не скрою, я прочел эти короткие заметки с удовольствием.

И мне очень захотелось увидеть горьковских «Мещан» там, в Аддис-Абебе, на сцене Национального театра, в спектакле, поставленном моим эфиопским другом Сабхатом Тессемой.

Аддис-Абеба — Москва.

◀ Яркая жизнь столицы.

Олег ШМЕЛЕВ
Владимир ВОСТОКОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Глава 8

ХРОНИКА СЕМЬИ НЕСТЕРОВЫХ

Специалисты, занимающиеся проблемами семьи и брака, установили, что, например, в Соединенных Штатах Америки в последние годы заметно возросло число разводов среди супругов, которым перевалило за сорок пять. Понятно, что виновниками, или, если хотите, инициаторами, при этом являются мужчины — по крайней мере в подавляющем большинстве случаев, ибо редко можно наблюдать, чтобы женщина в этом возрасте желала оставить мужа. Мужчины — дело другое.

Почему так происходит? Коллизии, разумеется, у каждой пары свои, неповторимые. Но схема, по которой происходит развал семьи, почти у всех одинакова. Для среднеобеспеченных прослоек населения она выглядит следующим образом.

В двадцать два — двадцать три года выпускник университета или колледжа, полный радужных надежд и энтузиазма, с помощью родственных связей по протекции поступает на службу в процветающую компанию. Он работает, не считаясь со временем и не жалея сил, так как жаждет сделать карьеру. Начальство замечает рвение новичка и продвигает его на должность, которая оплачивается столь хорошо, что молодой человек уже может себе позволить мысль о женитьбе. Он делает предложение девушке, за которой ухаживал целых три года или три месяца, получает ее согласие, а также согласие ее родителей и благословение собственных, и жених и невеста идут под венец. Вернувшись из свадебного путешествия (впрочем, оно становится все менее обязательным), молодые, не теряя времени, начинают заниматься накопительством или влезают в кредитную яму. Куплены квартира, мебель, телевизор, холодильник и прочее. Куплена новая машина. Через год на свет появляется ребенок. Жена оставляет свою компанию, где она работала секретарем, и посвящает себя дому и воспитанию. У отца семейства прибавилось забот: денег нужно все больше и больше. Он не щадит себя на работе, и усердие вновь вознаграждается — его делают заведующим отделом. Затем рождается второй ребенок — это требует дополнительных затрат. Значит, необходимо зарабатывать еще больше.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 17—20.

Глава семьи не имеет возможности хотя бы посидеть вечером перед телевизором или поболтать с детьми. Он все время на работе, он не видит ничего вокруг себя. Только дело, одно дело.

Год катится за годом, и вот бывший молодой человек уже вице-президент компании. У него большая, в пять комнат, квартира, дети выросли и учатся в колледже. В банке у него лежит энная сумма на черный день. Кажется, можно немного вздохнуть. В одно прекрасное утро он входит в свой офис и словно впервые видит в приемной собственного секретаря-машинистку, которая, между прочим, работает у него уже два года. Но он действительно по-настоящему видит ее впервые — прежде она была лишь винтиком в его отлично отлаженном служебном механизме. И констатирует, что она чертовски хороша собой, просто-таки идеал женской красоты. Он мысленно ставит ее рядом с поблекшей в домашних заботах женой и делает далеко идущие выводы. Ведь он, в сущности, совсем не видел жизни, он тянул из себя жилы ради этого проклятого благополучия и истэблишмента. Он обокрал себя. Но хватит, довольно! Он еще не старик, черт побери! Жене будет оставлено достаточно, детей он тоже обеспечит. Надо пожить, пока не поздно, пожить наконец в свое удовольствие.

Словом, спустя полгода, пройдя через все адовы круги бракоразводного процесса и раздела имущества, он обручается с молоденькой секретаршей и начинает новую жизнь, которая новой бывает в общем-то только на первых порах...

Николай Николаевич Нестеров, ныне академик, лауреат Государственных премий, почетный член одной иностранной Академии наук, родился и вырос не за границей, но история его первой и второй женитьбы укладывается в вышеописанный стереотип, правда, с некоторыми существенными отклонениями от него.

По окончании университета Николай Николаевич был принят ассистентом к крупному советскому ученому, работавшему в области физической химии. Он не делал карьеру, потому что, во-первых, не принадлежал к числу карьеристов, а во-вторых, в этом не было необходимости. Но он трудился как одержимый, очень много экспериментировал в поисках опытного подтверждения идей, выдвигаемых его маститым руководителем. Сама собой сложилась кандидатская диссертация, которая при защите была признана достойной докторского ранга. В двадцать семь лет он женился на выпускнице того факультета, где когда-то учился сам и где читал небольшой курс лекций. Родился сын, через год — второй. Николай Николаевич получил самостоятельную работу, в его распоряжение была выделена целая лаборатория. Он обладал, как выяснилось еще в студенческую пору, талантом ученого-теоретика и способностями тонкого, остроумного экспериментатора — сочетание не столь частое.

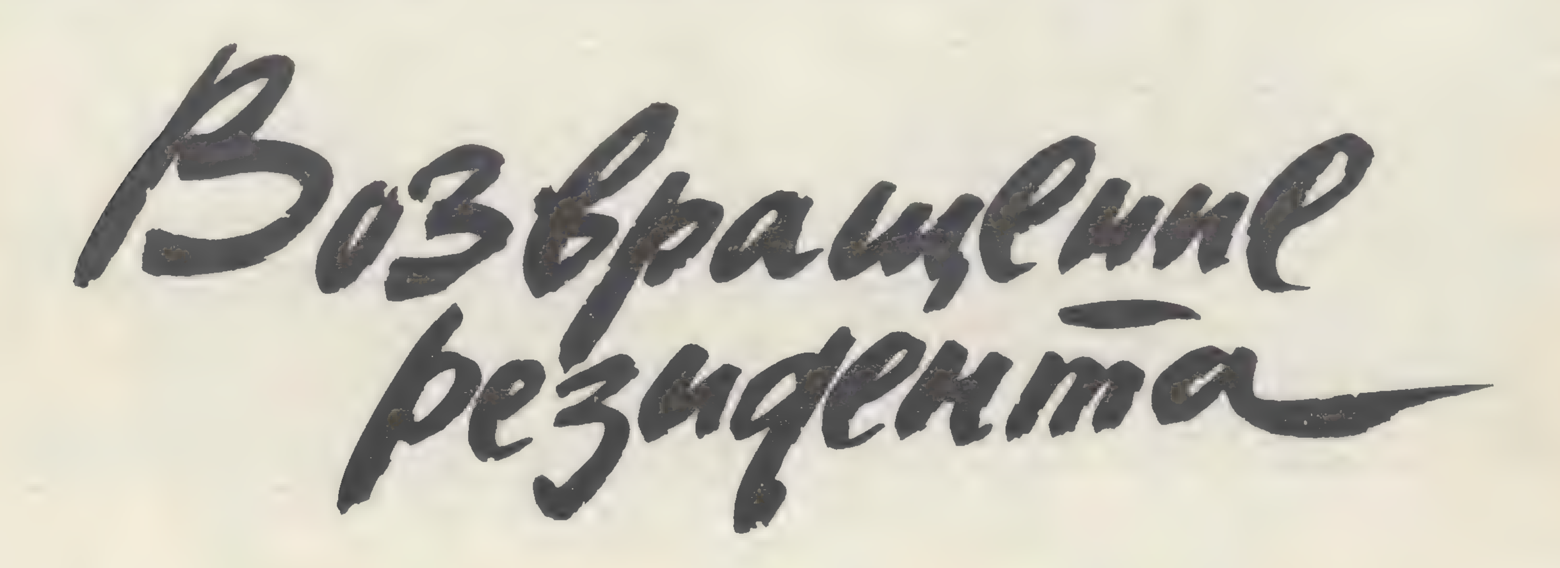
В общем, он так ушел в науку, что не замечал ничего и никого вокруг себя, и поднял голову, и огляделся только в сорок пять лет. Тут-то известный ученый Нестеров и увидел по-настоящему свою двадцатилетнюю лаборантку Олю и тотчас в нее влюбился со всем пылом, как говорится, нерастраченной души.

Сыновья его были, можно считать, взрослыми: старший заканчивал школу, младший учился в девятом классе. Николай Николаевич не собирался их лишать отеческой заботы и попечения. Он положил себе законом обеспечить до последнего дня и прежнюю супругу, которую, как выяснилось, он вовсе не любил. Разрыв получился болезненным — разумеется, больше для его супруги,— но что тут поделаешь? Любовь сорокапятилетнего к двадцатилетней — явление такого несокрушимого порядка, что ни жалобами в партком и завком, ни вызовом на ковер пред начальнические очи, ни угрозами покинутой жены отравиться ее не истребить, не погасить. Ее может постепенно извести на заурядный уровень только будущая совместная жизнь.

К моменту излагаемых событий Николаю Николаевичу исполнилось шестьдесят шесть лет. Ольге Михайловне — сорок один. Ник, как звала его на людях Ольга Михайловна, давно уже был дедушкой трех внуков. Он их ни разу не видел, но не очень-то из-за этого страдал. Он и с сыновьями встречался не каждый год, однако в помощи никогда им не отказывал. Если он и любил кого-нибудь глубоко и преданно, так только свою дочь, Галю, родившуюся уже в городе К., куда Николай Николаевич переехал из Москвы сразу после развода. Здесь ему дали под начало большой научно-исследовательский институт, но, поруководив три года, он понял, что эта должность не по нему, и попросил дать ему возможность заняться чистой наукой. Просьбу, конечно, уважили, так как проблемы, интересовавшие академика Нестерова, имели в перспективе огромное прикладное значение. Для отдохновения души, для разрядки Николай Николаевич читал иногда лекции студентам.

Ольга Михайловна обладала, как сказали бы встарь, натурой нервического склада. Это особенно проявилось после родов и выразилось довольно оригинальным образом. Молодая, цветущая женщина вдруг возомнила себя бесповоротно чахнущим существом, обреченным на быстрое угасание. Конечно же, муж всячески старался уверить ее в обратном, оберегал от всего, что могло бы причинить вред чувствительной нервной системе его юной жены. Конечно же, была найдена и нанята нянька к ребенку, который вскармливался не грудью — грудь Ольга Михайловна не хотела портить,— а на искусственном питании. Не проходило недели, чтобы она не вызывала на дом врача, пока, наконец, по прошествии какого-то времени Ольга Михайловна не разуверилась и в аллопатии и в гомеопатии. После этого началось лечение травами, а от каких болезней — неизвестно, потому что никакого точного диагноза никто из врачевавших Ольгу Михайловну поставить не мог.

До школы Галя почти не знала свою маму. Хорошо, если она видела ее хотя бы раз в день. Азбуке Галю научила няня, а счету — папа. Но когда она пошла в школу, Ольга Михайловна решительно взяла дело дальнейшего воспитания дочери в собственные руки. Няне оставлена была кухня, стиральная доска и пылесос.

Девочка, естественно, была устроена в специализированную английскую школу и одновременно в музыкальную. Ольга Михайловна хотела, чтобы Галя посещала также гимнастическую секцию Дворца пионеров, но способностей к гимнастике у ребенка не нашли.

Тернистыми были школьные годы Гали. Воспитательный порыв ее мамы, все еще молодой, но с истерзанными нервами, оказался затяжным. К тому же Ольга Михайловна, сама выросшая в рабочей семье, выйдя замуж за академика, каким-то чудесным образом усвоила особую манеру общения с людьми, которую она считала в высшей степени аристократической. Она говорила так тихо, что муж часто вынужден был переспрашивать и иногда начинал задумываться, не глохнет ли он; всем прочим переспрашивать не разрешалось. Приказания няньке, которая превратилась в домработницу, она отдавала одним каким-нибудь словом: «белье» — это значило, что надо сменить постельное белье; «мясо» — значит, надо готовить мясной обед; «холодно» — следовало закрыть окно и т. д. и т. п. Манера эта распространилась на дочь, так что Гале с малых лет пришлось учиться нелегкому искусству понимать с полуслова. Это невредно в жизни, но маленького человечка держит в страшном напряжении. Пока-то он научится...

Николай Николаевич, обретя счастье и покой в новой семье, ощутил прилив творческой энергии и занялся разработкой сложнейшей научной проблемы, волновавшей тогда физиков всего мира. Как в лучшие свои молодые годы, он с головой ушел в дело, однако в отличие от прошлых лет находил время возиться с доченькой, что доставляло ему неведомую дотоле радость. Зная, что жена придерживается спартанского метода воспитания, он потихоньку от нее скрашивал суровое существование Гали подарочками и подарками и таким образом способствовал некоему раздвоению личности у своей любимой доченьки: мать требовала от нее полной правдивости и откровенности, а подарки надо было прятать. В педагогике родители были несильны, особенно отец, поэтому ничего удивительного, что Галя росла одновременно и скрытным и стеснительно открытым ребенком. С годами папины подарки становились все дороже, а это заставляло Галю быть изощреннее в их сокрытии, пока не произошел взрыв. Действуя в совершенном противоречии со своими аристократическими замашками, Ольга Михайловна устроила однажды тотальную ревизию всего Галиного имущества, то есть попросту обыскала ее комнату. Найдя в шкафу и в ящиках письменного стола целый склад безделушек, в том числе несколько драгоценных, Ольга Михайловна учинила дочери допрос, а узнав об источнике этих богатств, устроила мужу скандал шепотом. Безделушки она оставила их владелице, но постановила, чтобы впредь подарки делались только с ее ведома.

Родительский разнобой в методах воспитания, кроме двойственности характера, выработал в Гале еще одно качество скорее положительного, чем отрицательного свойства: она научилась разбираться в самоцветах, в драгоценных камнях и полюбила их — не из тяги к приобретательству, а чисто эстетически. Отец продолжал поощрять ее в этом направлении новыми подарками, которые она стала прятать у него в кабинете.

Самое же существенное, к чему привела всеподавляющая родительская власть Ольги Михайловны, заключалось в том, что из Гали сформировался человек, совершенно лишенный какой-либо самоуверенности. Это хорошо только до известного предела — когда про такого человека все-таки можно сказать, что он не лишен уверенности в себе. К сожалению, о Гале этого сказать было нельзя.

Николай Николаевич обожал свою дочь. В нем было столько нежности к ней, что это до известной степени компенсировало расчетливую сдержанность и даже холодность матери. Он узнавал себя в Гале не только по чертам лица, но и по мельчайшим проявлениям нрава. И когда в редкие минуты удрученного духа ему хотелось излить перед кем-нибудь свои думы и сомнения, он выбирал наперсницей дочь, хотя она не понимала и половины из того, что он говорил. Обычно это касалось его взаимоотношений с сыновьями и бывшей

женой или его размолвок с теперешней женой, матерью Гали.

Эти размолвки Николай Николаевич подавал в шутливых тонах, словно с целью показать дочери, из-за каких пустяков могут близкие люди отравлять друг другу жизнь и как это в общем-то глупо.

Тем не менее на него эти пустяки постепенно оказывали все большее влияние, и он, чтобы свести до минимума время семейных бесед, при которых и возникали недоразумения и стычки, начал понемногу работать дома. Не отличаясь педантизмом и аккуратностью в чисто бытовом плане, Николай Николаевич все же, как правило, делал свои вычисления, писал длиннейшие формулы в особом блокноте и, окончив работу, обязательно прятал его в портфель. Но иной раз он забывал этот блокнот в институте и в таких случаях писал дома в ученических тетрадях или на отдельных листках. Утром он листки собирал со стола и прятал в секретер — старинный, из цельного красного дерева, в который был вделан маленький несгораемый ящик (наподобие того, как в холодильник вделана морозильная камера). То, над чем он трудился, разглашению не подлежало.

При малейших признаках, что нервы матери натянуты, а следовательно, атмосфера в доме сгущается, Галя уходила к себе, ложилась в постель и читала.

До знакомства со Светланой Суховой подруг у нее, в сущности, не было,— отчасти потому, что она не отличалась общительностью, отчасти в силу того, что мама постоянно твердила ей о необходимости быть разборчивой в знакомствах, хотя, честно говоря, в чем это должно заключаться, Ольга Михайловна не умела объяснить.

Дружба со Светланой основывалась на резкой разнице темпераментов.

Вспыльчивая и отходчивая, едкая и добродушная, но всегда упрямая и настойчивая Светлана поразила воображение тихой, ровной, привыкшей к раздумью Гали. Они быстро сошлись, и само собой установилось, что во всем, кроме учебы, первой была Светлана, она верховодила и наставляла. Казалось бы, Галю, испытавшую полной мерой тяжесть родительского гнета, не должно устраивать такое положение, однако ей, наоборот, нравилось подчиняться Светлане. Вероятно, сказывалась привычка быть все время руководимой кем-то. И потом, как говорит современная наука, в каждом коллективе, даже если он состоит всего из двух человек, непременно кто-то должен быть лидером, а кто-то ведомым. Гале роль лидера никак не подходила.

Светлана многому научила подругу, в том числе умению рассказывать матери не всю правду о своих делах. Это особенно пригодилось Гале, когда она принесла домой вещи, присланные Пьетро Маттинелли. Галя объяснила, что все это привез из Италии и продал Светлане какой-то итальянец, работающий на монтаже оборудования на химкомбинате. Ему понадобились деньги для покупки сувениров родным и друзьям, так как он уезжает в Италию. Деньги же у нее скопились за полгода, и вообще покупка недорогая, каких-то шестьдесят рублей.

Ольга Михайловна еще три года назад пожелала лично побеседовать с новоявленной подругой дочери. Галя привела к себе Светлану, и последняя была принята Ольгой Михайловной в столовой комнате за вечерним чаем. «Шумна немножко, но, кажется, девочка незлая»,— сказала Ольга Михайловна, когда Светлана ушла. Выбор Гали был одобрен. А Светлана сказала Гале так: «Важная у тебя мамуля, только, по-моему, близорукая...»

Даже при кратком жизнеописании семьи Нестеровых было бы упущением не сказать о том, как ставился и понимался родителями вопрос о замужестве Гали.

Ей шел двадцать первый год. Как раз в этом возрасте сама Ольга Михайловна вышла замуж за Николая Николаевича... Что касается дочери, то Ольга Михайловна категорически определила: Галя выйдет замуж не прежде, чем окончит университет и устроится на работу. Второе непременное условие: ее муж должен быть ей ровесником; если старше, то не более как на пять лет.

Отсюда можно сделать заключение, что Ольга Михайловна считала собственный брак весьма далеким от идеала.

Николай Николаевич данной проблемой не интересовался. Он сформулировал свою точку зрения следующим образом: «Пусть будет, как будет». Это была несколько перефразированная цитата из гашековского «Бравого солдата Швейка».

Глава 9

БРОКМАН НАШЕЛСЯ

Дальнейшее пребывание в Африке становилось бессмысленным. Михаил собрал достаточно сведений, чтобы представить Центру объективный доклад о положении португальской колонии, в которой он находился. Брокман улетел в Европу, следовательно, и личных интересов Михаил в Африке больше не имел.

Срок контракта кончался только через восемь месяцев, но он считал, что выданный ему аванс отработал, а вторую половину договорного жалованья, которую переводят на счет в банке, ему не получать.

Уехать — вернее, бежать — оказалось делом сложным, рассказ об этом занял бы слишком много места, но так или иначе, а однажды осенним днем Михаил добрался до Танжера. Оттуда попасть в Европу уже нетрудно.

Первым долгом он отправился в Париж, чтобы повидаться с Доном.

Михаил не собирался останавливаться здесь даже на сутки — надо зайти к Дону попросить о продолжении поисков Брокмана и в Центр. Но ему пришлось изменить планы.

Прямо с вокзала он приехал на такси в бар Дона, и едва они друг друга увидели, Михаил сразу понял, что у его друга есть важные новости. Дон высоко приподнял свои рыжие брови, поздоровался с ним очень церемонно и жестом пригласил пройти в дверь за стойкой. А за дверью был коридорчик, ведущий в контору Дона. Ждал Михаил недолго.

Дон явился и заговорил в несвойственном ему стиле — с порога начал задавать вопросы.

— Оттуда?

— Да.

— Видел его?

— Видел.

— Газеты читал?

— Английских и французских — нет.

— А какие-нибудь особенные акции у вас были?

— Какая-то операция в джунглях.

— Брокман в ней участвовал?

— Да. Ранен.

— В руку?

— Да. А откуда тебе это известно? — в свою очередь, задал вопрос Михаил.

— Надо читать газеты. Его из джунглей на вертолете вывозили?

— В том числе и его.

— Ну вот, значит, все сходится. Но надо еще проверить.

— Ради бога, что сходится, что проверить?

— Руководители повстанцев дали интервью журналистам. Газеты писали, что на этих руководителей готовилось покушение.

— Какое же покушение, если там идет настоящая война?

— Ну, называть можно по-разному. Пусть будет диверсия.

— Но при чем здесь Брокман? — Кажется, точно такой же вопрос Михаил задавал Дону еще при первых разговорах о Брокмане.

— Газеты писали, что группа диверсантов состояла из профессиональных наемных убийц. Публиковали даже два портрета, но не Брокмана. Он был в этой группе.

— А что надо проверить?

— Писали, будто все эти парни работают на ту же контору, что и мы с тобой.

— Вот как...

— Это лишь предположение.

— А как же можно проверить?

Дон прижал левую ладонь к сердцу.

— Разреши, пожалуйста, не все тебе рассказывать.

— В нашем с тобой деле чем меньше знаешь, тем лучше,— сказал Михаил.

— Не всегда, но в данном случае ты прав.

— И долго надо проверять?

— Дай мне хотя бы неделю.

— Мне не к спеху.

— Ты, между прочим, в конторе и сам после можешь проверить,— как бы оправдываясь, сказал Дон.

— Меня на кухню не пускают.— Михаил погасил сигарету в пепельнице и встал.

— Выпить не хочешь?

— Нет. Пойду в отель потише, возьму номер потеплее и залягу спать. Я тебе позвоню.

...Через четыре дня Дон сообщил, что Брокман (под другой фамилией, разумеется) входил в группу, которая действовала по заданию Центра. Более того, Дон узнал, что Брокман из Парижа улетел в город, поблизости от которого находилась главная квартира Центра. Михаил отправился туда же.

Спустя сутки он предстал перед Монахом, перед своим начальником, с устным докладом. Но Монах выслушал только вступление, а потом прервал его:

— Вы напишите все на бумаге. В подробности не вдавайтесь. Набросайте общую картину того, что видели.

Михаил составил письменный доклад. Монах прочел и сказал:

— Хорошо. Возвращайтесь к своим прежним занятиям, а там посмотрим.

Как Михаил и предполагал, его опять загрузили самой скучной для разведчика работой, которая носила даже не аналитический, а скорее статистический характер. Приходилось по восемь часов в день корпеть над малоинтересными, раздутыми и беллетризованными донесениями обширной агентуры Центра, выуживая из вороха словесной соломы редкие зерна полезной информации. Утешало лишь соображение, что эти зерна истины сослужат службу не только здешним.

Положение в Центре оставалось неспокойным, и Монах, видя в Себастьяне приставленного к нему контролера, становился раздражительным. Их плохо скрываемое взаимное недоброжелательство превратилось в почти открытую вражду. Они терпели друг друга лишь в силу служебной необходимости.

Совсем недавно произошло несчастье с агентом, на которого Центр возложил миссию особой важности в одной из стран социалистического содружества. Это произошло по вине Себастьяна, который снабдил агента явками, засвеченными еще за год перед тем. Монах предвидел это и предостерегал, но Себастьян настоял на засылке, и в результате Центр имел огромные неприятности. После того случая Себастьян решил во что бы то ни стало себя реабилитировать, а так как по натуре он был злобным и в общем-то мелкотравчатым субъектом, он избрал для этого способ, который наиболее полно отвечал его натуре: Себастьян начал рассчитанную на длительный срок кампанию проверки сотрудников Центра — всех поголовно, невзирая на лица. Однажды в порыве служебного рвения он сказал Монаху, что кое-кто из сотрудников ведет двойную игру и что он, Монах, явно недооценивает опасности такого положения. Монах тогда язвительно ему заметил: «Может, вы и меня подозреваете тоже?» Себастьян затаил обиду и спустя некоторое время написал рапорт высшему начальству, где резко осуждал шефа за потерю бдительности. Но начальство усмотрело в рапорте совсем иное. Их обоих, его и Монаха, вызвали на ковер и задали Себастьяну вопрос в лоб: уж не хочет ли он занять место шефа? А кончилось тем, что им предложили поддерживать между собой рабочие отношения. Однако идею Себастьяна о дополнительной проверке лояльности сотрудников одобрили. (Об этом Монах однажды за коньяком рассказывал Михаилу.)

Себастьян разработал целый комплекс соответствующих мероприятий и приступил к его осуществлению. Относительно Михаила Тульева у него имелся особый метод. Например, однажды он вызвал Михаила к себе в кабинет и положил перед ним фотографию: перед подъездом здания КГБ на площади Дзержинского стоит Бекас — Павел Синицын.

— Узнаете своего друга? — спросил Себастьян бодрым тоном.

Михаил взял карточку, посмотрел внимательно и спокойно сказал:

— Это Бекас.

— А дом вам тоже знаком?

— Наверное. Комитет госбезопасности в Москве.

— Как же насчет Бекаса?

Если бы Михаил и не знал о блестящих монтажных способностях главного фотомастера Центра Теодора Шмидта, то он все равно не поддался бы на провокацию. Фотомонтаж был хороший, но Себастьян не учел одной детали: Павел — Бекас на карточке одет в ту куртку и те брюки, которые носил во время своего пребывания здесь, в Центре. И потом это же крайне грубая работа: с какой стати советский контрразведчик Павел Синицын, он же Бекас, будет фотографироваться или позволит кому-нибудь сфотографировать себя на фоне здания КГБ?

— Хотите откровенно? — спросил Михаил, наклоняясь к Себастьяну.

Тот отстранился.

— Это серьезнее, чем вы думаете. Я и раньше говорил и теперь говорю: Бекас нам подставлен.

Правильно рассуждал Себастьян, но беда его заключалась в том, что он сам и верил и не верил этому. У него не было определенности.

Михаил решил промолчать, и Себастьян вынужден был повторить свой вопрос:

— Так что вы скажете по поводу этого снимка?

— Теодор Шмидт — прекрасный мастер, больше тут ничего не скажешь.

Себастьяна передернуло. Он быстро взял карточку, положил ее в карман.

— Не считайте других глупее себя, — важно сказал он.

— Но вы посмотрите на снимок как следует. Обратите внимание, как одет Бекас.

Себастьян смотреть не стал. На этом беседа закончилась.

Другой способ проверки Михаила Тульева должен был осуществиться на территории Советского Союза, но об этом он узнал гораздо позже...

Медленно тянулось для него время. С привычной осторожностью он упорно искал след Брокмана. Почти во всех отделах у Михаила были хорошие знакомые, но наводить о ком бы то ни было справки окольными вопросами, а тем более открытым текстом в разведцентре и раньше не разрешалось, а при теперешней атмосфере и подавно.

Потом произошло событие, приятное для большинства сотрудников Центра: Себастьяна вызывали за океан, и, как поговаривали, надолго. Высказывалось предположение, что он поехал в ЦРУ повышать квалификацию. Так или не так, но почти все были рады, особенно Монах. И его легко понять.

Для Михаила отъезд Себастьяна обернулся наилучшим образом.

На следующий день его позвал Монах — не в служебный кабинет, а домой.

Против ожиданий, Монах не предложил коньяку и сам был трезв как стеклышко.

Показав Михаилу на кресло, он сел напротив, закурил и спросил:

— Между прочим, помните того парня, с которым вас разменяли?

— Конечно, — сказал Михаил.

— Его зовут Владимир Уткин. Он до сих пор там. Надежная легенда оказалась.

К чему это было сказано, Михаил не успел сообразить, потому что Монах задал новый вопрос:

— Этот ваш Бекас может убрать человека?

Чтобы выгадать время и замаскировать свое удивление, Михаил немного помолчал.

— Я уж про него забыл, — произнес он наконец раздумчиво. — Давно было.

— Но все-таки... — настаивал Монах.

— Если вы помните его историю...

— Помню, — живо перебил Монах.

— Он убил часового, когда бежал из колонии. Но вообще-то Бекас принципиально против мокрых дел. Он профессиональный вор. Тогда это было по необходимости.

— Думаете, не согласится?

— Скорее всего, нет.

— Можно пригрозить.

— Выдать его милиции за то убийство? — удивленно спросил Михаил.

— Да.

— Этот шантаж я уже однажды использовал.

— Можно повторить.

Нельзя было рассчитывать, что Монах возьмет и вот так сразу и выложит все подробности задуманного или задумываемого им. Однако Михаил попробовал:

— Смотря по обстоятельствам. Бекас — личность непростая, действует с разбором.

— Речь идет о рядовом убийстве.

— Нужен стимул.

— Деньги он получит.

— С них и надо начинать.

— Хорошо, мы еще к этому вернемся, — подвел черту Монах.—Я вас звал не за этим.

Он встал, прошелся по толстому пушистому синему ковру из угла в угол и сказал:

— Завтра я вас познакомлю с одним нашим сотрудником. Он родился в России, но пятилетним мальчиком попал в Германию и потом остался на Западе. — Он выдержал небольшую паузу и затем снова заговорил: — Вы проверите, насколько хорошо он владеет русским языком. Если есть недостатки, вы определите, как их исправить, чтобы он говорил на современном русском. Это раз. Два: вы будете на протяжении двух месяцев учить его советскому образу жизни и советскому образу мысли. — Тут Михаил слегка усмехнулся, и Монах тотчас это заметил: — Не улыбайтесь... А впрочем, вы правы. И мы сделаем вот что. Учение будет гораздо эффективнее, если вы с ним станете жить вместе. Да, да, именно так. Вы не против, надеюсь?

Еще бы ему быть против!

— С большой охотой.

Монах сказал:

— Вы немножко прокисать начинаете на своей работе. Ничего, теперь будет веселее.

На той же неделе Монах снова вызвал Михаила, и опять к себе домой. Это всегда много значило: в домашней обстановке Монах вершил самые важные дела Центра, так у него было заведено. При этом неукоснительно соблюдалось одно правило: приглашенный обязан проникать на виллу Монаха тайно, чтобы никто не видел его входящим в дверь. Похоже на игру, но определенный смысл в этом все же был. По меньшей мере Монах таким образом ограждал себя и своих исполнителей от всевидящего ока Себастьяна, чего в служебном кабинете не избежать.

Декабрьский вечер был темный и холодный. Шел дождь пополам со снегом.

На вилле Монаха, стоявшей в окружении голых деревьев поодаль от других вилл, не светилось ни одно окно.

Михаил кружным путем вышел к вилле со стороны сада, перелез через двухметровую железную ограду, по раскисшей дорожке прошагал к двери, которая вела на кухню, нащупал за косяком кнопку звонка. Открыл ему сам Монах: слуга, вероятно, был отпущен на этот вечер.

Войдя следом за хозяином в гостиную, Михаил не сразу заметил сидевшего в кресле человека, а когда тот поднялся и шагнул в круг света, падавшего на ковер из-под огромного, как зонт, абажура, Михаил невольно приостановился. Перед ним стоял Карл Брокман.

По установившейся традиции, сотрудники разведцентра, если они познакомились ранее на какой-то нейтральной почве, не имели права показывать этого никому, особенно же начальству. Михаилу эта традиция была известна, Брокману, судя по всему, тоже — стало быть, или он уже давно работает здесь, или его кто-то научил, предупредил. Михаил видел, что Брокман тоже его узнал и что он удивлен не менее.

Монах ничего не заметил. Он представил их друг другу:

— Михаил Мишле. — И, показав рукой на Брокмана: — Прохоров Владимир. Прошу любить и жаловать.

Монах произнес это по-русски, пользуясь случаем проверить свои знания в чужом языке. Мишле — одна из фамилий, под которыми Михаил работал в Европе.

Брокман протянул Михаилу руку, Михаил пожал ее.

— Садитесь, — пригласил Монах. — Можете курить.

Он подвинул кресло к круглому столику, сел. Они тоже сели.

— Итак, — сказал Монах по-немецки, обращаясь к Михаилу,—выслушайте мою длинную речь, а потом будете задавать вопросы... Ваш подопечный Владимир Прохоров владеет русским, но не имеет никакого представления о бытовой стороне жизни в Советском Союзе... Впрочем, об этом я уже говорил... Как общаются между собой люди на работе, на улице, в кино? Как нужно относиться к сослуживцам, к начальству? Как знакомятся с женщинами? Все это и многое другое для него пока за семью печатями. Вы должны научить его... И заметьте себе: тут нет мелочей, которыми можно пренебречь... Я рассказывал вам, на чем однажды засветился один разведчик?

Михаил слышал от Монаха эту историю, но, чтобы подыграть ему, сказал:

— Не знаю, что вы имеете в виду. Интересно послушать.

— Его, этого опытного разведчика, выдали шнурки на ботинках. Да, да. Он приехал в страну, где должен был осесть надолго. Шнурки были завязаны у него бантиком и болтались на виду. Там мужчины имеют обычай прятать концы шнурков внутрь. А он с первого шага выдавал себя за коренного жителя... Ну и, конечно, нашелся дотошный человек, который на эти шнурки обратил пристальное внимание. И — провал. Понимаете, что значат мелочи? — Монах обернулся к Брокману. — Вы еще молоды, а ваш наставник кое-что повидал. Слушайте его. Старших полезно слушать. А теперь вопросы.

— Мы по-прежнему будем жить здесь? — спросил Михаил.

— Нет, тут никто не должен видеть вас вместе. Поезжайте в Швейцарию, выберите курорт, какой хотите, и живите тихо. В Цюрихе и Женеве показываться не рекомендую. Что еще?

— Когда приступать?

— Чем скорее, тем лучше. Документы и деньги завтра у меня.

Брокман вопросов не задавал, и Михаил подумал про себя, что этот наемный убийца, а ныне кандидат в разведчики обладает, должно быть, спокойным характером. Или туп как пень. Одно из двух...

— Надо сразу условиться о месте встречи,— сказал Михаил.

— Вы знаете Берн? — спросил Монах.

— Плохо.

— Сонный городишко. То, что вам надо. Там на Цейхгаузштрассе есть отель «Метрополь». В нем вы и встретитесь. А жить я посоветовал бы в Гштааде. Прелестный курорт.

Михаил уехал через день. В Берне он поселился в отеле, указанном Монахом. Вечером позвонил в один из отелей Гштаада — выбор был сделан по рекомендации хозяина бернского отеля — и легко договорился о двух номерах. До весеннего лыжного сезона было еще далеко.

Утром в номер постучали. Это был Брокман. Они поздоровались уже как давно знакомые.

В чинной швейцарской столице задерживаться им не хотелось, поэтому решили после завтрака отправиться на вокзал.

От Берна до Гштаада по железной дороге километров около ста. Неторопливый поезд доставил их к отрогам Бернских Альп. Сразу за крошечным зданием вокзала — асфальтированная узкая улица, по которой они пошли вправо, на подъем. Через пять минут Брокман первым вошел в отель, с хозяином которого Михаил говорил по телефону.

Номера им дали соседние, на втором этаже. Оставив чемоданы, они отправились прогуляться.

Выйдя из отеля и глубоко вздохнув, Михаил почему-то вдруг вспомнил далекий отсюда город, где живут два любимых его существа — жена Мария и сын Сашка, и тот ясный январский денек, когда он в воскресенье лежал в постели, в теплой комнате, а Мария внесла с улицы заледенелое, залубеневшее белье, громыхавшее жестяно и льдисто, и комната наполнилась чистым свежим запахом мороза. Михаил поднял голову, поглядел на недалекие снежные горы и понял, откуда это внезапное воспоминание: пахло снегом.

Но он тут же представил себе отца, рухнувшего от удара в висок, Брокмана с железкой, отлитой по слепку с мраморной ступеньки, на мгновение склонившегося над распростертым недвижно телом, и видение далеких лет, закрепленное в памяти запахом чистого, внесенного с мороза белья, развеялось.

Продолжение следует.

публицистические заметки

БУДЬТЕ ДОБРЫМИ!

Станислав КАЛИНИЧЕВ

Автобус из аэропорта шел по ночным улицам Киева. Свет в салоне был погашен, благополучно прибывшие из дальних краев пассажиры подремывали на мягких сиденьях. Какая-то женщина, волоча по проходу большой желтый чемодан, подошла к водителю и попросила:

— Сейчас будем проезжать мимо моего дома, остановите, пожалуйста, на секундочку.

— Следующая остановка возле Бессарабского рынка,— железным голосом ответствовал водитель.

— Но ведь это отсюда километра два! А я с чемоданом, в два часа ночи...

Водитель молчал.

— Ну, остановите, пожалуйста. Вот же мой дом!

— Ночными рейсами почти все прилетают домой. Не развозить же мне каждого! Надо было такси брать,— раздраженно обрезал водитель и прибавил газу.

— Как же это...— попыталась возмутиться женщина, но вовремя сориентировалась и униженно стала просить: — Ну, в виде исключения, товарищ водитель.

Дом, на который она показывала, давно остался позади. Тогда водитель молча нажал на тормоза. Высадив женщину с желтым чемоданом, он с минуту стоял, как будто переживал свою уступчивость. И мне стало жалко его. Как трудно работать в сфере обслуживания, если ты такой человеконенавистник! Это же не работа, а сплошная мука! Ну, доставил себе небольшую радость, поиздевался над женщиной, но остальным-то не потребовалось обратиться к нему. Вот что должно быть обидно!

Уже позже я припомнил, что еще в аэропорту у здания аэровокзала стоял этот же самый автобус, но пустой, с закрытыми дверями. Неподалеку, поеживаясь от пронизывающего ветра, топтались люди в очереди. Многие прилетели с юга и были одеты не очень тепло. Но до отправления автобуса оставалось, согласно графику, еще минут десять. И водитель сидел на своем месте, посасывал сигарету, а двери не открывал. Зачем же пассажирам сидеть в тепле несколько лишних минут? Вот постоят на ветру, померзнут, смотришь, кто-то и простудится после курорта!..

Выходит, что издевка над женщиной с желтым чемоданом была не единственной радостью нашего «героя». Выходит, что не так уж мало может он, сидя на своем месте, причинить людям зла. Только мне стало еще больше жаль его, потому что самое страшное, на мой взгляд, зло он причиняет себе самому.

...Однажды в полупустом помещении новой аптеки я увидал за окошком провизора — женщину, чье лицо показалось знакомым. Так ведь это же Ася! Я ее знал еще почти девчонкой. Правда, с той поры минуло лет двадцать. Вот сюрприз! Я подошел к окошку потихоньку и стал рядом. Сейчас, думаю, поднимет глаза — то-то будет рада! Но Ася продолжала энергично перекладывать на столе бумажки, перелистывать какие-то бланки и не замечала меня. А я стоял с широченной улыбкой на лице, готовый встретиться с ее удивленным взглядом. Но она занималась чем-то своим. От застывшей улыбки у меня устали мышцы лица. И тогда я, нахмурясь, сказал:

— Послушайте...

Она подняла на меня глаза, узнала, обрадовалась, мы стали вспоминать общих знакомых и то далекое время.

— А знаешь, — сказала она, — я тебя сразу увидела, когда ты вошел в аптеку, только не узнала. Думала, ты за лекарством. Тут все психи: только вошел — уже торопится. Дай ему то, дай другое... Вижу — остановился. А я не спешу поднять голову, думаю: пусть постоит, ничего с ним не случится.— Она простодушно засмеялась.— Стоит, чувствую, ждет. Молчит. Наверняка, думаю, закипает, сейчас начнет из себя выходить. А это, оказывается, ты. Господи, как я рада!

Мне уже не хотелось спрашивать, как она живет, как ей работается. И без того все было ясно... В жизни мне выпадала печальная необходимость хоронить товарищей. Переживал, сокрушался, чувствовал, как вздуваются рубцы на сердце. Но проходило время, боль притуплялась, поток жизни сглаживал рубцы. А вот моральная смерть Аси до сих пор не дает покоя, хоть сама она еще где-то сидит в аптеке, ходит по городу. Для меня она умерла самой обидной и постыдной смертью — еще при жизни.

Мне жаль человеконенавистников, равнодушных эгоистов и хамов: по-моему, они всегда несчастны. Им всегда кажется, что кто-то получил больше, чем они, что их несправедливо обходят: в зарплате, в общественном положении, при раздаче наград и поощрений. Они всю жизнь захлебываются в собственной злости. Разве можно быть счастливым, живя среди тех, кого ненавидишь! И уж совсем смешно говорить о душевном комфорте таких людей, начиненных ядом.

Чтобы не показаться слишком мрачным, скажу, что этим же аэрофлотовским автобусом я ездил десятки раз, ходит он аккуратно, большинство водителей профессионально добры, любезны и предупредительны. Почти каждый и о городе расскажет и объяснит, каким транспортом добраться по нужному адресу, а пожилому человеку и чемодан поможет вынести. Такой наверняка и устает меньше и с легким сердцем спешит на работу.

А в Одессе мне довелось быть свидетелем, как пассажиры полупустого трамвая всем скопом объясняли приезжему, где находится его дом отдыха. И вдруг вагон затормозил, из кабины вышла вагоновожатая и сказала:

— Гражданин приезжий, ехай спокойно. Я тебя к самому дому довезу.

Через какое-то время (трамвай катился уже за городом) она остановила вагон возле едва заметной тропинки, направила на нее приезжего и, высунувшись чуть ли не по пояс из окошка, дала ему вдогонку несколько нужных советов.

Некоторые пассажиры возроптали: что это, мол, она второй раз останавливает вагон в неположенном месте? Тогда вожатая вышла из кабины и простодушно спросила:

— А вы разве не заметили, что он приезжий? Вас всех я довезу по графику, а ему тут многое непонятно. Должна же я его как следует доставить! Иначе что он может о нашей Одессе подумать!

У этой вагоновожатой первое необходимое условие для счастья уже есть: она воспринимает свой город, как родной дом, где все пассажиры — желанные гости.

Автор ограничился примерами из сферы обслуживания лишь потому, что здесь каждый работник на виду. Но это не значит, что на другой работе нелюбовь к людям ведет к более отрадным результатам. В нашем общенародном государстве всякая работа в конечном итоге направлена на благо всех и каждого. Поэтому токарь и пахарь, артист и ученый без доброго чувства к людям не могут не любить дело, которому служат, не уважать себя. А это одно из непременных условий человеческого счастья.

РАЗГОВОР ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

«ГАЛАНТЕРЕЙНАЯ ЧЕКАНКА»

Критическая заметка под этим заголовком, помещенная в № 47 (1978 г.) журнала «Огонек», обсуждена на производственном совещании у генерального директора, на техническом совете объединения, на партийном собрании и признана правильной.

Нашими письмами (№№ 627, 627-А, 628, 630, 631) всем предприятиям, в том числе отдельно специальным письмом № 629 Косовскому производству, отдано распоряжение прекратить выпуск сувениров, не соответствующих тематике популяризации памятников истории и культуры и выполненных на низком художественно-эстетическом уровне.

Кроме упомянутых в заметке «Галантерейная чеканка», на художественном совете Украинского общества охраны памятников истории и культуры в январе 1979 года отклонены еще семь наименований чеканных сувенирных изделий. Согласно разработанному графику, продукция, не отвечающая требованиям высокого художественно-эстетического уровня, устаревшая и непрофильная, будет снята с производства.

В. И. КРАВЦОВ,
генеральный директор Республиканского производственного экспериментального объединения

Киев.

* * *

Конкретность письма тов. Кравцова, сообщение о проведенной работе приятны, конечно. «Обсуждена и признана правильной», «отдано распоряжение о прекращении выпуска», «разработан график» — все вроде бы отлично. Смущает вот что: тов. Кравцов отмечает, что по простейшему, но очевидному вопросу отправлено шесть (!) писем (среди них — и «отдельное, специальное»).

Беда в другом... На только что открытой межреспубликанской ярмарке культтоваров с удивлением мы увидели стенд, заполненный той же продукцией, которая и критиковалась в заметке «Галантерейная чеканка». Снова те же «сюжеты», снова то же непрофессиональное выполнение. В «чеканный вал» включились грузинское музыкальное общество, отдельные колхозы... Может, пора поставить какие-то барьеры, через которые сомнительные поделки не смогли бы перешагнуть?

Дм. ВАЙЛЬ

ДОЛГ И СЧАСТЬЕ АРТИСТА

— К сожалению, — говорит художественный руководитель Краснодарского театра драмы Михаил Алексеевич Куликовский, — драматургия не часто радует нас пьесами о хлеборобах, людях героического труда. Селу так же, как и городу, нужны хорошие произведения литературы, театрального искусства. Нужны пьесы, где раскрывались бы общечеловеческие проблемы, где зритель встретился бы с людьми незаурядными, свершающими день сегодняшний, с людьми интересной судьбы, увлеченными, содержательными, деятельными, независимо от того, где они живут, в городе или в деревне... Ведь заботы, тревоги, волнения и радости у нас общие! Важно, чтобы спектакль независимо от места действия был современным в глубоком и полном смысле слова. Но задумаемся, что это означает, что кроется за этим определением. Как быть современным в искусстве?..

Ответ на эти трудные вопросы дает сам же М. А. Куликовский — своей работой в театре, своими сценическими созданиями. И, думается, тут не может быть иначе, поскольку каждый театр всегда и целиком зависит от мировоззрения художника, который будет разговаривать со зрителем на языке искусства сцены.

В руках художника, мыслящего современно, по-новому будут прочитаны Шекспир и А. Островский, Гоголь и Чехов, страстно, глубоко прозвучат Вишневский и Корнейчук... Яркие, острые произведения сцены рождаются только тогда, когда мастер-режиссер умеет сплотить вокруг себя — вернее, вокруг своего замысла — коллектив актеров-единомышленников, вдохновленных настроением постановщика, его образным видением пьесы. Только при этом условии рождается творческий успех, он становится возможен только там, где возникает созвучие интересов и чувств будущих героев спектакля с личностью режиссера, живыми индивидуальностями актеров... В этом убеждаешься, видя, как народный артист СССР Михаил Алексеевич Куликовский не одно десятилетие шел к постановке «Фауста» — шел, зажегшись произведением великого Гете, найдя в «Фаусте» проблемы неумирающие, волнующие, вечно актуальные...

Но не просто принести сегодняшним зрителям эти проблемы, а увлечь сегодняшних зрителей «Фаустом», вызвать душевное сопереживание, эмоциональный подъем, заставить задуматься над высокой мыслью «Фауста» — вот такую сложнейшую задачу возложил на себя Куликовский. Он долго искал путей к «Фаусту», путей к наиболее точному и сильному его воплощению, преодолевая неверие, сомнения, а иногда даже и прямое сопротивление тех, кто не верил. Порою он шел, пробивая лед молчания и безразличия. Однако уже перед премьерой М. А. Куликовский смог сказать об уверенности коллектива в том, что поэтический язык Гете станет близким и понятным нашим современникам.

Правда, режиссер признавался:

— У нас всех, у каждого, кто работал над спектаклем, говоря откровенно, кружилась голова от соприкосновения с этим гениальным произведением, от его глубины и многообразия... Мы попытались осуществить постановку обеих частей: нам казалось, что театр сегодня не имеет права ограничиться одной только первой частью. Ведь именно во второй части Фауст подводит итоги жизни, утверждая не потусторонний идеал, а земной смысл бытия... После всех своих фантастических путешествий Фауст скажет:

Брось вечность утверждать за облаками!
Нам здешний мир так много говорит!
Что надо знать, то можно взять руками.
Так и живи, так к цели и шагай.
Не глядя вспять, спиною к привиденьям,
В движенье находя свой ад и рай...

М. А. Куликовский.

— Мы не тешим себя мыслью о совершенстве достигнутого нами, — замечал режиссер. — Театр оценивает свой спектакль как первый опыт решения «Фауста». И мы будем счастливы, если он для кого-то станет отправной точкой, если кем-то в дальнейшей работе над «Фаустом» будут учтены и наши ошибки и некоторые достижения... Ни говорить о «Фаусте», ни понять его без осмысления, например, роли Мефистофеля нельзя. Сомнения, открытый цинизм, язвительность — средства, которыми пользуется Мефистофель, чтобы побудить Фауста к действию. И это способствует непрестанному движению героя вперед; недаром Н. Г. Чернышевский в своих примечаниях к переводу «Фауста» писал: «С отрицанием, скептицизмом разум не враждебен: напротив, скептицизм служит его целям, приводя человека путем колебаний к чистым и ясным убеждениям».

Смелая, даже дерзкая попытка М. А. Куликовского, руководителя театра и автора сценической композиции, перенести на сцену обе части «Фауста» увенчалась большим и серьезным успехом. Театр стремится обратить внимание зрителя не столько на сюжет, сколько на философское значение, богатство мыслей Гете в «Фаусте». И как же важно, что умный, содержательный спектакль, действие которого происходит «во все времена» и «во всем мире», вызвал активный интерес самых различных слоев публики. «Фауста» смотрят рабочие и литераторы, колхозники и студенты, старшеклассники и пожилые люди — и все смотрят с волнением, с одинаковым интересом.

Яркое театральное зрелище оказалось не только впечатляющим внешне. Оно захватывает мысль, тревожит душу. Оно прочитано глазами человека наших дней, сумевшего выразить свое, сегодняшнее, остросовременное видение замысла Гете, заключающееся в высочайшем гуманизме, в интересе к судьбе народной, в подлинной, требовательной и чистой любви к человеку.

Искания, сомнения Фауста, его трагическое недовольство собою и своими знаниями в затхлом мире схоластической науки, оторванной от настоящей, живой деятельности, убедительно передает артист С. Шмаков. Его герой не легко обретает смысл жизни, но он всегда полон любви к этой жизни, к деянию ради человека. Эта главная черта в образе Фауста передается напряженно, энергично в каждом монологе, в каждой реплике... Образ Мефистофеля создал М. Мощенский; его герой не только циник и отрицатель; внешне он враждебен человеку, издевается над ним, осыпает колкими насмешками, однако в нем заключена та сила, которая и вызывает деятельное начало в человеке, не позволяет ему успокаиваться. Мефистофель — враг застоя и косности.

Так диалектика характера Мефистофеля помогла преодолеть трудности, которые возникали на пути создания образа «злодея».

Постановкой «Фауста» Краснодарский театр доказал, что любое подлинно художественное произведение современно вне зависимости от времени и места его рождения, если только художник найдет в нем и выразит то, что не умирает, найдет и выразит то, что волнует людей всегда, на всех этапах истории... Современность в искусстве — это молодость души художника.

Мы смотрим спектакли Куликовского «Безумный день, или Женитьба Фигаро» П. Бомарше, «Трибунал» А. Макаенка, «Украли консула» Г. Мдивани и другие — сколько же в них жизни, доброго, жизнеутверждающего юмора, свидетельствующих о душевной молодости маститого режиссера, этого седовласого человека с улыбающимися глазами. Острое ощущение сегодняшнего дня, точное понимание запросов зрителя — неотъемлемые свойства М. А. Куликовского.

— Мы живем в такое время, — говорит он, — когда необыкновенное становится не то что обыкновенным, но утверждает в жизни то, что еще недавно представлялось несбыточным. Как же велика роль художника в движении жизни, в делах и свершениях эпохи! Чехов когда-то говорил о том, что люди будут летать. Пророческие слова эти принадлежат не ученому, а художнику, мыслителю. Именно художник и мыслитель предвидел полет человека... Так и мы, наверное, всегда должны чувствовать необыкновенность нашей обыкновенности и творческую насыщенность.

Краснодарский театр дружит с драматургами: все новое, значительное неизменно привлекает внимание режиссера: он всегда в ожидании новой пьесы, новой темы, новой творческой идеи. М. А. Куликовский успешно инсценировал исторический роман кубанского писателя Бориса Крамаренно «Плавни», осуществил постановку героической драмы «Кочубей» по одноименному роману Аркадия Первенцева, открыл для театральной России драматурга Вагаршака Мхитаряна, вывел на сцену пьесу молодого драматурга Андрея Кршижановского «Преодоление» о жизни Николая Островского... Да разве возможно рассказать обо всей деятельности Куликовского, перечислить его обязанности, его замыслы и свершения: ведь он не только художник, но прежде всего настоящий гражданин, патриот, а значит, активный участник жизни народа и страны.

— Главное не в том, что сделано, — обращается руководитель театра к молодым актерам, — а в будущем. Никогда не подводите преждевременных итогов: ищите! Мучайтесь, но ищите новое, свое и действуйте смело: в этом долг и счастье артиста.

25 МАЯ — ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ АФРИКИ

Стихи сражаются

Деннис **БРУТУС**
(ЮЖНАЯ АФРИКА)

ВРЕМЯ ДЕЙСТВОВАТЬ

Время действовать!
Достаточно
Мы маневрировали, прятались, хитрили...
Как много я встречал за эти годы
И тонкого обмана и коварства;
Мы ждали страстно и нетерпеливо
И с верой шли на подвиг и в безвестье,
Чтоб увидать плоды своей победы;
Всё было в эти годы:
И потери
И разочарованья,
Но отныне
Нас — твердо знаю —
Больше не обманут
Пустые обещания и жесты.
Сегодня — время воплотить решимость
И искренность, сжигающую сердце,
В решительные действия, в борьбу.

Сол **НДЛОВУ**
(ЗИМБАВВЕ)

В БОЙ, СЫНОВЬЯ РЕВОЛЮЦИИ

Вставай, брат, на перекличку
В наш партизанский строй.
Пой громче, сестра, и услышат
Товарищи голос твой.
Точнее стреляй, товарищ,
Все силы отдай борьбе.
Час революции пробил,
Победа придет к тебе.
Путь труден, опасен, далек,
Только нету других дорог.
Сражайтесь смелей, патриоты,
Каждый из вас — герой.
Вперед, восставшие братья,
Идет наш последний бой.
Вставайте, освободители,
Родина встретит вас.
Зовет революция смелых
В этот суровый час.
Путь над ущельем далек,
Только нету других дорог.
В бой, сыновья революции,
За волю, права и честь.
Пусть сердце не знает страха,
Пусть яростней будет месть.
Веди, командир, в атаку,
Будь мудр, справедлив и прям,
На радость встречающим братьям,
На страх и позор врагам.
Путь к нашей победе далек,
Только нету других дорог.

Мвала **ЙА НАНГОЛО**
(НАМИБИЯ)

КОГДА ИЗ ДОЛГОГО ИЗГНАНИЯ ВЕРНУСЬ

Когда из долгого изгнания вернусь,
с одной лишь просьбой к людям обращусь,
чтоб кто-нибудь, знакомый иль чужой,
меня коснулся легкою рукой,
чтоб через полноту прикосновенья
моя душа познала расслабленье,
и после стольких лет потерь, невзгод
и тризн
я б снова ощутил, как бьется в сердце
жизнь.

На протяжении четырнадцати лет
я не был дома, странник и поэт.
Четырнадцать... Угрюмой чередой
они текут меж родиной и мной.
Тоска по дому — вечный мой недуг,
тоска по лицам, по касанью рук —
в изгнании, где чуждой жизни ход
меня к ожесточению несет.

Никто не прикасался здесь ко мне...
Меня искали в душной тишине
чужие пули в чуждом мне краю,
спеша пронзить смертельно плоть мою,
но так, чтоб сердце продолжало жить,
тоски моей разматывая нить,
чтоб после стольких лет потерь, невзгод
и тризн
я снова ощутил, как бьется в сердце
жизнь.

Когда из долгого изгнания вернусь,
я с просьбой к добрым людям обращусь —
мне показать родившихся детей
за эти годы на земле моей,
помочь узнать и тех, с кем в мире слез
я на земле родной когда-то рос,
и провести к могилам за холмом,
где детских лет друзья уснули вечным
сном.

Когда из долгого изгнания вернусь,
с одной лишь просьбой к людям
обращусь —
помочь мне объяснить мое молчанье,
неотправленье писем из изгнанья
с вопросами о том, как клан мой здесь
живет...
Но я молчу — свершился поворот:
не клану, не семье служил все эти годы,
но всей моей стране, всему ее народу.
И потому руки прикосновенья
народа жажду я в минуту возвращенья.

Перевод с английского
Феликса БУРТАШОВА.

Все затихло в Москве. На улицах пусто. Редко-редко где прошуршит автомобиль по мостовой. Чуть брезжит рассвет, напоминая о приближающемся утре. А сквозь тяжелые шторы окна продолжает слышаться тихий перебор гитары. Всем давно пора расходиться, но как уйти от этих немного наивных, но таких теплых и милых слов:

Мне эта ночь навеяла сомненье...
И вся в слезах задумалася я.
И вот теперь скажу без сожаленья:
«Я не для вас, а вы — не для
меня!»...

— Теперь этот романс твой, Леночка,— говорит Леонид Федосьевич Привалов, хозяин квартиры.— Не гонись,— продолжает он,— за силой звука, твой голос должен нежить, окутывать слушателя, а не оглушать... Такое насыщенное контральто, как у Леночки, большая редкость,— добавил Леонид Федосьевич, обращаясь уже к слушателям.— Я вспоминаю голос певицы Вари Паниной, которую любил Лев Николаевич Толстой... Знавал Панину и я...

— Не ведая традиций в исполнении старинного русского романса, невозможно создать и свое, значительное. И мы не раз слушали с Леной записи Паниной, Поляковой, Вяльцевой, Плевицкой, Христофоровой и, конечно же, Обуховой, Максаковой у известного московского собирателя старинных пластинок Льва Тихоновича Костицына — у него тысячи дисков фирмы Поте,— вступил в разговор гитарист Валентин Георгиевич Стабуров, первый учитель Елены Звоновой и ее аккомпаниатор.

Глубокое эмоциональное контральто Звоновой и сдержанный баритон Стабурова создают подлинно гармоничный ансамбль. Простота, неторопливость, строгая манера исполнения певцов производят на слушателей неповторимое впечатление. Душевная насыщенность, характерная для исполнителей старинного русского романса Елены Звоновой и Валентина Стабурова,— вот что прежде всего решает успех их сценического дуэта, поэтому и затянулся до утра этот импровизированный концерт в квартире старого оперного певца и талантливого педагога по вокалу Л. Ф. Привалова.

Е. Звонова и В. Стабуров в гостях у «Огонька».

ПЕВИЦА

Елена, сколько себя помнит, пела всегда. Пела дома, в школе, в пионерских дворцах, пела на всех вечерах... На небольшой сцене шел смотр художественной самодеятельности. Две восемнадцатилетние девушки исполняли романс П. П. Булахова «Не пробуждай воспоминаний...». В жюри — маститый уже тогда гитарист Валентин Георгиевич Стабуров, ученик Владимира Сазонова, Николая Алексеева... Голос одной исполнительницы особенно понравился музыканту; он решил привлечь ее в секцию гитары общества «Знание», где он выступал с лекциями и концертировал. Лена оказалась очень способной, с тонким вкусом, интересной индивидуальной манерой исполнения. Гитара красиво зазвучала в ее руках, голос окреп и развился. Но Лена — хороший инженер-конструктор — не бросала свою основную работу. Зато вечерами пела на предприятиях, в домах культуры и колхозных клубах Подмосковья, в ее репертуаре появились произведения Глинки, Алябьева, Гурилева, Римского-Корсакова. Елена Звонова и Валентин Стабуров старались разыскивать редкие романсы: на стихи Н. Г. Цыганова, А. А. Фета, Ф. Алексеева, Е. П. Ростопчиной, Е. П. Гребенки, Н. В. Кукольника и, конечно, чародея русской поэзии — Ф. И. Тютчева.

Но чем больше выступала певица, тем острее чувствовала, что ей не хватает хорошей вокальной школы. И вот долгожданная встреча с великолепным учителем и чутким человеком — Леонидом Федосьевичем Приваловым. Он высоко оценил обаяние, особую прелесть ее сильного голоса, его своеобразный тембр.

— Но этого еще мало,— сразу же сказал он певице.— Нужна техника! В Кишиневе мне довелось слышать пение одной нашей знаменитой певицы, тогда еще юной; ей упорно ставили меццо-сопрано, а я настаивал на чистом драматическом сопрано. Вижу: портят голос! Счастье, что сама певица почувствовала мою правоту, подняла звук, и голос полился легко и свободно...

Занимаясь с Приваловым, Елена Звонова восприняла манеру лучших исполнителей старинных русских песен и романсов, приобрела профессионализм, и голос зазвучал иначе.

— Я настаиваю на занятиях частых, постоянных,— говорит Привалов.— Никаких ссылок на трудности не принимаю. Моим учителем был прекрасный педагог и музыкант М. М. Ипполитов-Иванов, но когда в 1921 году в Тбилиси приехал Карло Борерра, итальянский маэстро, учитель знаменитого Титта Руффо, решено было, что я буду стажироваться у него. Уроки были очень дороги, и часть денег давал мне Михаил Михайлович; остальные зарабатывал я сам — нанялся мостить улицы по ночам, а утром бежал на урок,— так и проходила моя учеба: четыре года строжайшей дисциплины, самоотречения... К моим ученикам это тоже относится. В том числе и к Лене. Я радуюсь ее успехам, ее победам над сердцами зрителей.

Недавно Елена Звонова побывала на традиционном четверге «Огонька». Она пела под аккомпанемент Валентина Георгиевича Стабурова. И пение это никого не оставило равнодушным. Не может не волновать истинно большое дарование.

В. МОРОЗОВА

Фото Г. Копосова

Н. Чернышев. ДАВМОНТОВА БАШНЯ В ПСКОВЕ. 1949.

ЛЕНИНГРАД ПОСЛЕ БЛОКАДЫ. 1945.

Н. **Чернышев.** ДЕВОЧКА С КОЗЛЕНКОМ. 1929.

СКОЛЬКО НОГ У СКАКУНА?

Билим
КАРАГУЛОВ

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

ГОСТЬ

Умывается наш кот:
В гости кто-то к нам идет
Через горы,
Через лес,
Через луг наперерез,
Через розовый туман —
Ясноглазый великан...

Стало в комнате светло —
Это солнышко пришло.

СКОЛЬКО НОГ У СКАКУНА?

Одна на всех людей луна,
Звезд ночью много светит.
— А сколько ног у скакуна?
— Попробуй, сын, ответить!

Акин отцу ответить рад,
Хотя ему три года,
Но он — мудрец. И, говорят,
Великий мастер счета.
Акин считает: раз, два, три...
И кончил счет на этом.
— Ты повнимательней смотри,
Не торопись с ответом.

До трех добрался наш мудрец.
Застыл, вперед ни шага.
— Вот карандаш,— сказал отец,—
И вот тебе бумага.
Коня как есть изобразишь
И мигом все сообразишь.
Акин — художник хоть куда.
Но снова, кажется, беда!
Теперь не три, а целых
Двенадцать быстрых ног
Нарисовал он смело,
Отцу принес блокнот:
— Ты видишь, как он скачет?
Ты видишь или нет?
А сам едва не плачет.
— Ты прав, мой славный
мальчик! —
Отец сказал в ответ.

Он всадника лихого
В момент дорисовал,
Потом коню подковы...
— Скачи, мой сын! Готово!
Не бойся, что ты мал...
И звон копыт раздался,
И шире стал простор,
Когда тулпар помчался
С Акином выше гор.

ТИШИНА

На подушку сами
Спать легли косички.
Тихо дремлет пламя
В незажженной спичке.
В дереве зеленом
Сладко плачет скрипка.
Бродит в поле сонном
Детская улыбка.

СОН

Представьте, по городу
бродят слоны.
Слоны, что свалились
совсем не с Луны.

В автобусе едет медведь
без билета.
Медведь без билета?
Где видано это?

Жирафы, пантеры и прочие звери
Заходят в любые, товарищи,
двери.

Представьте себе, если вдруг
бегемот
Протиснется в комнату,
словно комод?

Не хватит еды для
любезного гостя.
Но это — фантазия!
Сказки вы бросьте!

Кто это придумал?
Кому это надо?
Сегодня Улан в зоопарке
был с братом.

Он спит, улыбаясь, и видит во сне,
Как едет, счастливый,
верхом на слоне...

УТРО

Звезда задрожала
Над сонной долиной.
Вдруг солнце
Заржало
За синей вершиной
И алым тулпаром
Взлетело на кручу,
Копытом
Могучим
Ударило
В тучу.
Ночь темною глыбой
Обрушилась в бездну.
И стало
На свете
Жить
Так
Интересно!
А солнце
По скалам
Веселое
Скачет...
Никто в этот миг
не грустит и не плачет.

СКАЧКА

Я приехал на джайлоо.
— Здрасте!
Мне в ответ:
— Здорово!

Я приехал не туристом —
Нужен конь мне самый быстрый.

Нет, сказали, для меня
Подходящего коня!

— А вон тот? —
На горной круче
Бьет копытом конь могучий,
Искры жаркие летят...

— Подожди,
Когда приручим,—
Усмехнулся старший брат.
Снова ждать...
Зачем тогда
Торопился я сюда?
Есть камча и есть уздечка.
Нужен конь мне, не овечка.

Плакать в горы не пойду,
Сам себе коня найду.
Молча я бродил полдня...
Вот он, конь!
И ждет меня!

Как же сразу не увидел?
Видно, я его обидел.
Был пригорок —
стал конем.
Поскачу верхом
на нем.

Вы скакали на горе
Рано-рано на заре?

Днем скакать неинтересно:
Взрослым все всегда известно,
Что гора — гора лишь просто...
Хорошо, что я не взрослый.

Поглядите: скачут горы.
В бок вонзились молний шпоры,

Мой тулпар разбег берет,
Вырывается вперед.

Вдруг другой скакун опять
Стал нас резво обгонять.

Грива-туча у коня,
Из ноздрей — столбы огня.

Кто там мчится на лихом,
На лихом коне верхом?

Неужели старший брат?
...Он же взрослый, говорят.

ВСЕ ВМЕСТЕ

Текла одиноко куда-то река.
Плыли отдельно за лес облака.

Птица отдельно куда-то летела.
Отдельно лягушка на кочке
сидела.

Большая корова паслась
на опушке
Отдельно от солнышка
и от лягушки.

И солнце отдельно
сквозь тучу светило.
И каждому грустно
в отдельности было.

Но вдруг появилась девчонка
в косынке,
Как сказка,
как сон,
как цветок,
на тропинке.

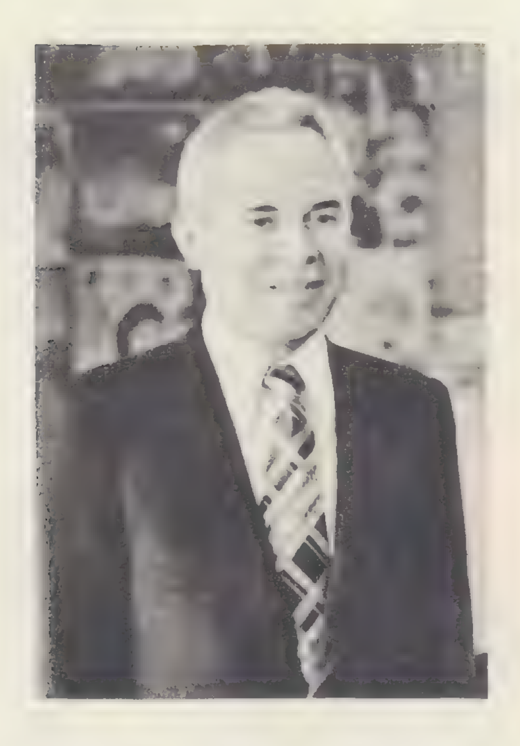
Она замурлыкала что-то сначала.
И нежно корова в ответ замычала.

Запела погромче девчонка. И вот
Все вместе —
река,
камыши,
небосвод,
Большая корова,
и солнце,
и ветер...
Все вместе —
цветы,
и деревья,
и дети!

Перевел с киргизского
Владимир КОРКИН.

ПОЗНАЙ СЕБЯ

«Доктор Ромашов» — так назывался очерк, опубликованный в «Огоньке» два года назад (№ 30, 1977). После этого редакция получила множество писем с самыми различными вопросами к Ф. Н. Ромашову. Мы попросили Федора Николаевича приехать в редакцию на очередное заседание клуба «На «Огонек» и там ответить на вопросы читателей.

— Меня иногда спрашивают: «Вы хирург, сделали тысячи операций. Неужели вы в самом деле считаете, что современная медицина может обходиться без скальпеля?» Думаю, что человек как существо мыслящее может жить не только без хирургического вмешательства, но и вообще без лекарств. Все дело в том, чтобы научиться мобилизовать защитные механизмы нашего организма. Но вот вопрос — как это сделать? Ответ может быть очень простым: познать самого себя. Для этого совершенно необязательно быть специалистом-медиком. Ведь умеем же мы ходить, даже не задумываясь над тем, какие мышцы нашего тела при этом приходят в движение. Точно так же можно научиться оберегать свой организм от вредных влияний, представляя лишь главные принципы работы нашего тела. Наше здоровье — в наших руках. Никакие самые искусные геронтологи не в состоянии продлить нашу жизнь, если мы сами не приложим усилий к ее продлению. Мы можем быть намного здоровей и жить дольше, если будем правильно и полноценно использовать то, что так щедро нам дала природа. В этом суть.

А теперь подробнее остановимся на тех моментах, которые представляются наиболее важными. Начнем с вопросов.

Умеете ли вы есть? Умеете ли спать? Умеете ли вы дышать? Конечно, умеем, ответите вы. Уверен — многие на этот счет заблуждаются.

Есть такая старая пословица: «Едим, чтобы жить, но не живем, чтобы есть». Мы же в большинстве своем живем именно, чтобы есть. Но едим мы не потому, что надо, не потому, что нас мучает голод, а потому, что организм уже привык в это время есть. Но нужно ли это организму? Чаще всего нет. Я считаю, что большинство из нас больны, извините, одной болезнью — обжорством.

Сколько раз в день надо есть? Говорят, что пять раз. Но давайте посчитаем. Известно, что на съеденное мясо желудочный сок выделяется в течение восьми часов, на хлеб — до десяти часов. Так вот, если человек ест пять раз или каждые три-четыре часа, очевидно, что это время намного меньше, чем необходимо организму для переваривания пищи. Значит, часть пищи уходит из желудка непереваренной, и другие органы вынуждены с ней бороться, чтобы от нее избавиться. В силу привычки мы перегружаем организм, а он как только может старается приспособиться к этим перегрузкам, не запланированным природой, и работает на износ. Мы стали рабами своего желудка. При этом мы сами себя медленно убиваем, незаметно подбрасывая в организм с лишней пищей все новые и новые болезни.

Есть можно и один раз в день, но уж никак не больше двух-трех. Это, конечно, не значит, что за этот один или два-три раза надо съедать столько, сколько можно съесть за пять. Из-за стола надо выходить, следуя правилу, сформулированному крупнейшим советским патофизиологом академиком А. А. Богомольцем: из-за стола — с легким чувством голода. В этом правиле заложена большая мудрость. Чувство сытости может быть истинным и ложным. Для того, чтобы наступило истинное чувство насыщения, необходимо некоторое время: пища должна начать всасываться в кровь. Поэтому, даже если мы закончили обед с мыслью, что могли бы съесть что-нибудь еще, через полчаса чувство это пройдет, а мы сохраним и высокую работоспособность и наше здоровье.

И еще одно правило: за один прием как можно меньше разнообразия в пище. Старайтесь есть сразу что-то одно: кашу, так одну кашу; мороженое, так одно мороженое; мясо — одно мясо и так далее. Мы привыкли есть обед из трех, четырех, пяти блюд, в которых полтора десятка различных компонентов, и эта привычка, несомненно, пагубна. Я уже не говорю о праздничных застольях, когда выставляются все какие только существуют в природе угощения. Надо знать, что когда одновременно ешь различные продукты, то насыщение приходит медленнее. Желудок как бы раздумывает, что ему переваривать сначала, ощущение сытости отдаляется, и переесть тут немудрено.

Но если уж вы согрешили и объелись, то помогите на другой день организму очиститься. Для этого нужна литровая или полуторалитровая клизма — замечательное средство, которое раньше применялось так часто и о котором сегодня мы начисто забыли. А еще нам хорошо было бы научиться промывать желудок — напиться теплой воды до горла и помочь себе двумя пальцами. Из всего арсенала современных средств эти две процедуры я считаю самыми главными.

Теперь о злоупотреблении отдельными продуктами. Статистика говорит, что москвичи, например, съедают в среднем до 25 граммов соли в день. Это в пять раз больше, чем нужно человеку для поддержания равновесия в организме. Мы забываем, что избыток соли нам очень вреден, особенно после сорока лет. Совершенно неоправданно столь частое употребление нами и минеральной воды. Ее подают в ресторанах, продают свободно в магазинах, буфетах, обязательно ставят на стол во время совещаний. Но ведь минеральная вода содержит очень высокие концентрации солей и элементов, которые обладают активным биологическим действием. Эта вода должна употребляться по строгим медицинским показаниям, а мы регулярно пьем ее, перенасыщая свой организм активными соединениями, грубо вмешиваемся в обмен веществ. Многие врачи связывают учащение случаев почечнокаменной и желчнокаменной болезней именно с неумеренным употреблением минеральной воды.

А вот о каком продукте мы почти забыли, так это о меде. Ценнейший дар природы! Недаром еще Авиценна говорил: «Если хочешь сохранить молодость, то обязательно ешь мед». Кстати сказать, средняя продолжительность жизни пчеловодов около 80 лет.

С пользой для себя взрослый человек может есть до ста граммов меда в день. Лучше его принимать за час или через три часа после еды, разведя в воде. А небольшие количества, две-три чайные ложки можно съедать вместе с углеводистой пищей.

Несколько слов о голодании. Снова задам вопрос: почему, когда мы гриппуем, когда у нас поднимается температура, нам не хочется есть? Это же защитная реакция организма. А мы что делаем — стараемся как можно лучше и повкуснее накормить больного. И тем самым наносим ему вред. При высокой температуре пища в несколько раз дольше переваривается, подвергается гниению. Лучшая еда при этом — вода.

Почему голод лечит? Потому что при голодании организм переходит на автономную систему регуляции и начинает бороться с тем, что для него не является предметом первой необходимости, прежде всего — с микробами, с воспалениями, с опухолями. Я считаю уже доказанным тот факт, что голодание способствует исчезновению рака, но, разумеется, голодание длительное. Его категорически нельзя проводить без наблюдения врача.

Кратковременное же голодание — это прекрасное, универсальное профилактическое средство. Самостоятельно вы можете голодать до двух суток. Оптимальный вариант: раз в неделю по 36 часов. Начали с вечера, кончили через день — утром. Пить воду можно, но только если хочется. Есть после голодания надо начинать осторожно — лучше со стакана сока или кефира, и весь последующий день постарайтесь не есть мяса. Вообще мясо больше чем раз в неделю есть не следует.

Долго ли надо жевать? Йоги утверждают: до тех пор, пока пища не потеряет первоначальный вкус. В этом есть большая доля истины. Вот говорят, что многие болезни — от сухомятки. Неверно: не от сухомятки, а от того, что мы глотаем непережеванную пищу. Во всяком случае, я убежден, что лучше не есть вовсе, чем есть впопыхах.

Что еще надо помнить всегда: человек рожден для движения. А наша мышечная работа с каждым годом становится все меньше и меньше. Сотню лет назад доля физического труда в общественно полезной деятельности человека составляла 96 процентов, а сегодня — всего лишь около одного.

Вы спросите: зачем нужно двигаться? Отвечу: чтобы жить не болея. Статистика утверждает, что женщины живут дольше мужчин и болеют меньше. Причин на то много, но главная состоит в том, что женщина ведет более подвижный образ жизни. Помимо работы наравне с мужчиной, у нее еще заботы по дому, по уходу за детьми и за тем же мужем.

Нет в нашем теле такого органа, на котором положительно не сказывалась бы работа наших мышц. И в первую очередь это относится к сердцу и желудочно-кишечному тракту. Достаточно сказать, что у людей мало двигающихся смертность от болезней сердца и сосудов в три раза (!) больше, чем у тех, кто постоянно занимается физкультурой.

Быстрая ходьба и бег — прекрасная тренировка для всего тела. Но любой комплекс гимнастики надо начинать с обучения правильному дыханию. Единственно верным является дыхание через нос. Частенько приходится видеть, как люди, бегающие трусцой, лихорадочно хватают воздух открытым ртом. Это абсолютно недопустимо. Лучше бежать в два раза медленнее, но только не дышать ртом.

Кстати сказать, много говорящие люди чаще болеют простудными заболеваниями. Это потому, что когда человек говорит, он обычно дышит ртом — отсюда и заболевания. Чтобы их избежать, учитесь во время разговора дышать носом: сначала делайте вдох, а потом говорите.

Два слова о сне. Что ложиться и вставать надо в строго определенное время, как-то и говорить неудобно — об этом знают все. Но, пренебрегая этим правилом, мы обрекаем себя на бессонницу. Многие люди, не умея быстро засыпать, прибегают к снотворным или успокаивающим средствам. Хочу предостеречь: не делайте этого! Ибо таким образом вы грубо вмешиваетесь в деятельность святая святых человеческого организма — нервной системы. Лучшее средство нормализации сна — это правильный распорядок дня, физкультура, водные процедуры.

Некоторые считают, что днем спать вредно. Ничего вредного в этом нет, но только надо помнить старую народную примету: нельзя спать на закате. Вечерний сон, с 5 до 8 часов, не только не приносит отдыха, а, наоборот, после него человек чувствует себя разбитым, теряет работоспособность. Лучшее время для дневного сна — от двух до четырех часов. В деятельности организма в этот период наступает определенный спад, и сонное торможение может быть весьма кстати.

Как вы видите, существует множество сведений, крайне полезных для здоровья человека, но которые мы в последнее время стали забывать. Наши предки действительно знали много секретов, вещей даже таинственных, но имеющих под собой, как мы убеждаемся сегодня, научную основу. Есть у меня заветная мечта — работать в лечебном учреждении, — назовем его так: институт народной медицины, где старые методы будут сочетаться с новейшими медицинскими достижениями. Но пока это только мечта.

НАРОДНЫЙ ЛЕЧИТЕЛЬ

Д. ИВАНОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

В век НТР, когда возможности медицинской науки постоянно растут, одновременно наблюдается повсеместный интерес к практическому использованию различных народных методик и средств, издавна применявшихся при лечении. Об этом рассказывает и наш корреспондент, побывавший в Болгарии.

— Больной доставлен к нам в связи с резким обострением язвы желудка. Обычное лечение дает в таких случаях ощутимые результаты через один-два месяца. В нашем случае уже на четвертый день боли стали тупыми...

Молодой, атлетического сложения мужчина вслушивается в замедленную русскую речь врача и согласно кивает головой.

...Мы находимся в Софийской окружной больнице имени Рачо Ангелова, где с 1975 года действует научно-практическая база фитотерапии. Разработанная здесь методика уже применяется в стационарных условиях, например, в отделении желудочных и кишечных заболеваний, где средства и приемы народной медицины дают, как мы сами видели, хорошие результаты. И теперь мы с еще большим уважением смотрим на сухонького, бодрого, с моложавым лицом старика, которому никак не дашь его 93 года,— Петра Димкова.

Имя это пользуется сейчас в Болгарии заслуженной известностью. Чуть ли не каждый, кого мы расспрашивали о «народном лечителе», спешил рассказать о случаях самых разнообразных заболеваний, когда Димков помогал там, где другие были бессильны: ребенок казался обреченным — водный энцефалит, но минуло уже семь лет после лечения, и развитие идет нормально, без отклонений; человеку грозила ампутация ног — Димкову потребовалось всего две недели, чтобы операция сделалась ненужной; девушка с младенчества страдала близорукостью — через пять месяцев лечения у Димкова она носит очки с тремя диоптриями вместо восьми... Широкую популярность приобрел его капитальный труд «Болгарская народная медицина»...

...Знакомство наше с доктором Петром Димковым состоялось в помещении Государственного совета НРБ, у члена Политбюро ЦК БКП, члена Государственного совета Ивана Михайлова, видного болгарского военачальника, генерала армии, который немало сделал, чтобы работы Димкова получили признание и более широко использовались в практике медицинских учреждений.

— А я читал «Огонек» еще 80 лет назад, — говорит доктор Димков по-русски, совершенно не затрудняясь. — Тогда все взрослые читали «Ниву», а мы, молодежь,— «Огонек».

В начале века он прожил десять лет в Петербурге, учился в военном училище, тогда же прослушал курс гомеопатии. Его мать интересовалась траволечением, вела специальную рецептурную тетрадь, и Петр Димков увлекся народной болгарской медициной.

Вот уже более 70 лет он успешно лечит больных.

— Истоки медицины нашего народа, — рассказывает Димков, — уходят в глубь столетий. Летописи свидетельствуют, что первые опыты систематизации народных лечебных средств проводились еще в X веке болгарскими богомилами — представителями одного из ранних реформаторских движений в христианстве. Это же подтверждают упоминания о богомилах, имеющиеся в «Песни о Нибелунгах». История сохранила и имена основоположников научного подхода к болгарской народной медицине — Бояна Мага и Василия Врача... Современная народная медицина Болгарии — совершенно самостоятельный комплекс лечебных средств и методов, отличный от аналогичных, используемых другими народами. Понятно, в этом отразились особенности исторического развития и географического положения нашей страны, в частности характерный набор растений, встречающихся лишь на Балканах.

Почему лечение травами, или «билками», как их у нас называют, предпочтительнее медикаментов? — продолжает Димков. — За тысячелетия люди (а животные — за десятки тысяч лет) отобрали действенные природные средства против той или иной болезни. В лекарстве химическим путем воспроизводится какое-то одно целебное свойство растения, но цельное его действие тем самым нарушается. Ведь природное синтезирование — самое совершенное, оно по своей сути ближе к человеческому организму. Вот почему лечение травами активнее и не вызывает побочных действий, какие могут быть у лекарств.

В двух томах труда народного лечителя (скоро должен выйти и третий) изложены многочисленные народные лечебные методики. Он предлагает различные отвары, запарки, водные и спиртовые экстракты, вытяжки, настойки, масляные эмульсии и т. п.; пишет и о том, как и когда собирать, сушить и сохранять лекарственные растения: цветы, листья, плоды, семена, шишки, почки, травы, корни. Описаны также физиотерапевтические методы, такие, как водные процедуры, компрессы, растирания, массажи; различные режимы и диеты, способы снятия нервного напряжения...

Петр Димков.

— Но ведь всякое лечение требует индивидуального подхода. Не так ли? — спрашиваю я доктора Димкова.

— Разумеется. При использовании природных средств это — решающее условие. И, как всегда, главное — точно определить причину заболевания.

В искусстве Димкова распознавать болезни мы убедились, когда приехали в больницу имени Рачо Ангелова. Пока сотрудники научно-практической базы (их всего трое) готовились рассказывать о своей работе, Димков усадил одного из нас перед собой, направил на глаза обыкновенную лупу и через полминуты сказал: «Сердце слабое, нервное; желудок гастритный, нервный; маленькая язва двенадцатиперстной кишки... Имеется поясничный радикулит с правой стороны... В общем, ничего опасного. Надеюсь, все это было известно и раньше».

Да, было известно, но поразило, что он определил это с первого взгляда!

— На осмотр может потребоваться и гораздо больше времени, — говорит Димков. — Но теперь вы сами видите, что «ирисовая диагностика» позволяет по рисунку радужной оболочки глаз успешно определить заболевание и его вероятную причину. Методика эта была известна еще врачам фараона Тутанхамона.

— Конечно, такое искусство дается далеко не всякому. Но когда диагноз ясен, фитотерапией, методами доктора Димкова достигаются замечательные результаты,— говорит Дмитрий Памуков, возглавляющий научно-практическую базу с момента ее создания.

Траволечением Памуков заинтересовался еще в 1947 году, когда был студентом. В 1952-м, будучи врачом-рентгенологом, организовал первый в Болгарии кабинет фитотерапии. Тысячам больных доктор Памуков помог выздороветь: на конец ноября прошлого года у него на базе побывало 21 490 пациентов.

— Сорок пять минут как минимум требуются при первоначальном знакомстве с больным. Поэтому в день я принимаю только восемь вновь записанных, остальные — повторно, — рассказывает доктор Памуков. — Нам удается излечивать многие почечные заболевания, желчнокаменную болезнь. Действенному лечению поддаются детские астма и бронхит, с которыми, к сожалению, обращаются все чаще... Достигнуты успехи в борьбе с эпилепсией. Обнадеживающие результаты есть и в гинекологии. Недавно после лечения травами женщина, которой предлагали хирургическое вмешательство, родила — впервые и в 47 лет... Нашими работами заинтересовались в Австрии и Великобритании.

...Мы прощаемся с коллегами Петра Димкова на седьмом этаже клиники. Лифта долго нет.

— Так давайте спустимся пешком, — предлагает Димков и идет к лестнице. Мы пытаемся отговорить его, а он не спеша, но уверенно одолевает долгие марши. Никакой усталости, никаких усилий на его спокойном, благожелательном лице.

...Доброго вам здоровья, Петр Димков, народный лечитель!

Д. Памуков с сотрудниками софийской научно-практической базы фитотерапии.

Фото Н. Скринского

ВЕРНУТЬ УЛЫБКУ МАЛЫШАМ

Лех ДОМБРОВСКИЙ

Фото Богдана Ружица

В Мендзылесе, близ Варшавы, на окруженной соснами поляне площадью 30 гектаров сооружен комплекс интересно спроектированных зданий и павильонов — Центр здоровья ребенка. Эта больница — памятник тринадцати миллионам детей, погибших во время войны, в которой только Польша потеряла два миллиона двести тысяч маленьких граждан.

Решение о сооружении больницы-памятника было принято одиннадцать лет назад. В опубликованном тогда обращении говорится: «Какой в мире памятник мудрее, какой проникнут большей любовью к тем, у кого фашизм отобрал жизнь, нежели просторное, светлое здание, в котором в союзе с новейшими завоеваниями науки и медицинской техники, в обстановке заботы, сердечного тепла мы будем покорять смерть, боль, страдания, увечье и печаль...»

Было решено построить Центр здоровья ребенка на общественные средства, без дотации государства.

В адрес центра с первых же дней стали поступать дары и деньги. Металлургические заводы поставляли бесплатно стальные конструкции, выпущенные сверх плана, шел поток строительных материалов, оборудования, поступала мебель, цветочная рассада, саженцы кустарников и деревьев. Киностудия мультипликационных фильмов в Бельско-Бяла подарила копии фильмов с любимцами детей Болеком и Лелеком; объединение предприятий музыкальной промышленности прислало концертный рояль, самый лучший из выпускаемых в стране. Железные дороги, автотранспорт и польские океанские линии перевозили бесплатно грузы в адрес центра. Самым же драгоценным, идущим от сердца даром стала донорская кровь. В банке крови ее уже 7 тысяч литров.

Поступали также средства из-за границы, в том числе из Советского Союза. Было собрано столько денег, что появилась возможность значительно расширить первоначальный план строительства.

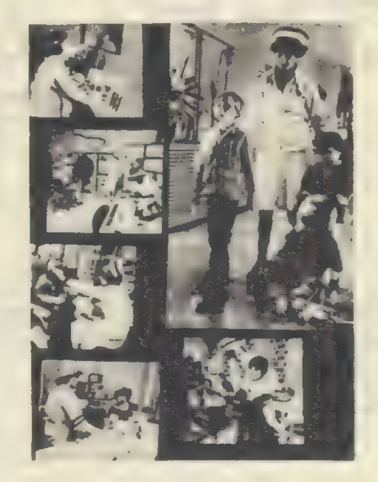
Центр здоровья ребенка — это 14-этажный больничный корпус на 450 коек и семь соединенных с ним павильонов, где разместятся операционные, амбулатории, лаборатории и т. д. Предусмотрено также общежитие для персонала, квартиры для врачей, гостиница для родителей и лиц, сопровождающих детей.

В октябре 1977 года завершился первый этап строительства — открылась поликлиника, где побывало уже свыше десяти тысяч пациентов.

Девиз работников центра — вернуть улыбку больному ребенку, максимально уберечь его от связанных с визитом к врачу страхов и напряжения. Этой цели служат специальные приемные, где среди игрушек и книжек устанавливается первый контакт маленьких пациентов с медсестрами. На все обследования и процедуры ребенка может сопровождать мама или кто-нибудь из близких — известно, как их присутствие помогает в трудные минуты.

Оборудование, научно-исследовательская программа, организация труда в центре вызвали огромный интерес педиатров во всех странах мира. Сюда приезжают многочисленные гости — медики, представители Всемирной организации здравоохранения, общественные и политические деятели.

В июле 1977 года в Польше находился с официальным визитом генеральный секретарь

ООН Курт Вальдхайм. Посетив Центр здоровья ребенка, он записал в книге посетителей:

«1979 год объявлен во всем мире Годом ребенка. Больница-памятник — лучший вклад, какой Польша может внести в проведение этого года».

Официальное открытие главного здания больничного центра состоится 3 июня.

«Интерпресс» для «Огонька»

НАВЕКИ ВМЕСТЕ

325-летию воссоединения Украины с Россией посвящается выставка произведений украинского изобразительного искусства, открытая в Центральном выставочном зале Москвы. «Навеки вместе» — так называется эта грандиозная экспозиция, включившая в себя более полутора тысяч картин, скульптур, графических листов и произведений декоративно-прикладного искусства. Здесь и полотна классиков украинской живописи — мастеров XIX века, таких, как С. Васильковский, А. Мурашко, Н. Пимоненко, С. Светославский, картины замечательного поэта Тараса Шевченко, лучшие произведения художников Советской Украины. Многие из них посвящены теме братского единения русского и украинского народов, показывают их историческую общность, борьбу за свободу и революцию, за утверждение Советской власти, этапы коммунистического строительства.

На снимке: открытие выставки.

Фото Г. Копосова

ПОСВЯЩЕНО ДНЮ ПЕЧАТИ

Писать живую историю современности — этому ленинскому завету свято следуют советские журналисты. О том, как он осуществляется на практике, о повседневном труде работников печати рассказали 5 мая на многочисленных встречах с трудящимися столицы представители редакционных коллективов «Правды», «Советской России», «Социалистической индустрии», «Комсомольской правды», «Московской правды», журналов «Огонек» и «Крокодил».

В парках культуры и отдыха имени М. Горького, «Сокольники», «Измайлово» состоялись тематические вечера, устные выпуски газет. «Рассказы о героических буднях», «Газета и советские пятилетки», «Сверяя с Основным Законом страны» — вот темы, поднятые журналистами в выступлениях и беседах. Героику трудовых будней передовых коллективов страны, их вклад в осуществление решений XXV съезда КПСС отразили выставки фотокорреспондентов.

Состоялись тематические кинопоказы «Строкой «Правды», «На стройках пятилетки», «Письмо в газету». В День печати журналисты-международники встретились с трудящимися у карты мира.

(ТАСС)

На встрече с редакцией «Огонька» в Центральном парке культуры и отдыха имени М. Горького.

Фото Г. Копосова

ЧЕМПИОНСКИЙ ПОЧЕРК

Анатолий Карпов и Михаил Таль — два сильнейших шахматиста мира.

Фото Д. Донского.

«Турнир всех звезд!? Это нереально...» — так говорили еще недавно многие из почитателей шахматной игры. И приводили исторические параллели, вспоминая о блестящих по замыслу, но, увы, несостоявшихся турнирах. Называли уже далекий 1921 год, когда звезды так и не собрались в ожидавшей их Гаване, и отмечали неудачную попытку устроить супертурнир в Мексике в семьдесят третьем...

— Вы слышали? Бент Ларсен не хочет покидать Канарские острова. В мае он обычно ловит макрель... А Властимил Горт определенно не приедет, он утомлен после Лон-Пайна и уступил свое место англичанину Энтони Майлсу. Но разве Майлс — суперзвезда?

И только когда состоялась жеребьевка участников, скептики и оптимисты вздохнули с облегчением — все десять выдающихся шахматистов вышли на старт.

Удача организаторов превзошла ожидания,— писала одна из монреальских газет, они собрали беспрецедентный по силе состав. Но словно боясь, что кто-нибудь из звезд «возьмет ход назад», устроители турнира заставили их играть на острове посреди широченной и бурной реки Святого Лаврентия...

Разумеется, не следует думать, что остров этот — необитаемый. Еще в 1967 году на нем размещалась большая международная выставка. Теперь же один из павильонов перестроили под турнирный зал, после чего «остров гроссмейстеров» стал местом паломничества сотен монреальцев.

Заметим, что далеко не каждый шахматный турнир в Канаде собирает зрителей. Сердца канадцев принадлежат хоккею. А тут еще финальные матчи Кубка Стенли! «В зале будет пусто», — предрекали многие. Но организаторы турнира все рассчитали наверняка. На рекламных щитах появились броские надписи: «Среди десяти звезд — чемпион мира Анатолий Карпов и два экс-чемпиона — Михаил Таль и Борис Спасский!» — «Хотите увидеть Анатолия Карпова, недавнего героя матча в Багио, чемпиона без нервов?»

И монреальцы «пошли на Карпова»... Зал не всегда вмещал желающих посетить турнир. Местные газеты сообщали, что даже знаменитый хоккеист Лефлер не подписал в эти дни и половины тех автографов, которые пришлось подписать Карпову.

Любое соревнование интересно своей динамикой, сенсационными результатами, взлетами и падениями. А в турнире звезд острота сюжета держала в напряжении весь шахматный мир от первого до последнего тура. Здесь было все — и ожесточенная борьба за первое место и отчаянные атаки аутсайдеров. Ну, кто мог предсказать, что последнее место займет Бент Ларсен, многолетний претендент на шахматный трон? Кстати, среди замыкающих развернулась не менее яростная борьба, чем среди лидеров. После первого круга безнадежно отставшим казался американец Л. Кавалек, не выигравший ни одной партии, но затем он столь бурно финишировал ($6^1/_2$ из 9), что показал лучший результат во второй половине турнира. Бегство с последнего места теперь предстояло Борису Спасскому (еще одна неожиданность!), но и он с этой задачей в конце концов справился...

Гонка с преследованием, развернувшаяся в лидирующей группе, несомненно, украсила ход турнира. Вначале вперед вырвался Лайош Портиш, затем его настигли и обошли Анатолий Карпов и Михаил Таль. И здесь уместно отметить особый характер турнира звезд. С одной стороны, невиданно сильный состав (15-я категория сложности по классификации ФИДЕ, средний рейтинг участников 2620!), с другой — редкая возможность играть, никуда не отбираясь и не борясь за титулы... Следовательно, полная творческая раскованность, если, конечно, отбросить соображения престижного характера. «Старые счеты», о которых любят напоминать шахматные журналисты, лишь придавали игре гроссмейстеров еще более боевой характер.

Весь шахматный мир (и не только шахматный) живо интересовался, как выступит чемпион мира в фактически первом своем турнире после матча в Багио? С чисто психологической стороны его положение было не из легких. Действительно, от чемпиона все ждут только первого места, к тому же с ним играют особенно старательно, с полной выкладкой. Если, скажем, для Л. Портиша третье место — признанный успех, то Карпова даже в турнире звезд все хотели видеть первым...

И Карпов оправдал надежды шахматного мира. На протяжении всей дистанции его игра отличалась стабильностью, стратегической зрелостью и большой наступательной мощью. Почитателям его таланта наверняка запомнились молниеносные разгромы, которые он учинил Я. Тимману и Л. Портишу, тонко проведенный эндшпиль против Л. Любоевича, блестящая контратака в партии с Л. Кавалеком...

В одном из интервью после турнира Анатолий Карпов выразил мысль, четко отражающую его шахматное кредо: «Играть сильнее соперника и побеждать!»

Творческая сторона партий монреальского турнира еще долго будет радовать любителей шахмат. И потому в трудном положении оказалась судейская коллегия — ей предстояло назвать самую-самую красивую партию, а их было множество. Лауреатом стал Таль, великолепно победивший Ларсена.

Экс-чемпион мира стал не только обладателем этого почетного приза, но и настоящим героем турнира звезд. Если в победе Анатолия Карпова мало кто сомневался, то имя второго победителя — Михаила Таля — некоторые произносили рядом со словами «спортивный подвиг»! Но почему подвиг? Ведь Таль совсем недавно в который раз завоевал титул чемпиона страны, был и чемпионом мира... Все это так, но шахматным королем он стал еще в шестидесятом году, а в нынешнем турнире звезд только Б. Ларсен чуть старше Таля. И хотя двадцатипятилетняя шахматная карьера гроссмейстера отмечена многими победами, надо сказать прямо: не всегда здоровье и спортивная форма были его союзниками... И вот новый взлет: яркая, воистину могучая игра в Монреале, замечательные победы над Л. Портишем, Б. Спасским, Р. Хюбнером, Б. Ларсеном. Не потерпев ни одного поражения, Михаил Таль добился выдающегося успеха, разделив с Анатолием Карповым первое-второе места.

Итак, турнир звезд — позади. Миллионы приверженцев древней игры еще живут его волнующей, праздничной атмосферой, но уже начинают грустить — как быстро он промелькнул...

Олег СКУРАТОВ

ПЕЙЗАЖ С ВОЛКАМИ

Ярослав ГАШЕК

Когда в позапрошлом году в Строзе появился некий человек, который, взобравшись на огромный камень, прямо над рекой Рабой, начал рисовать деревню и ее окрестности, крестьяне страшно удивились: почему этот пан выбрал именно их захудалую деревушку, от которой до ближайшего города не менее шести часов ходу?

А в этом году зимой они подивились еще больше, потому что тот же человек явился снова, да еще привел с собой другого.

«И что они тут будут малевать? Снег, что ли? Неужели это не диво — малевать наши косогоры да снег на деревьях? Конечно, диво,— рассудили все в деревне.— Мы рады-радешеньки, когда сидим в избах, подкладываем в печку дровишки да толкуем между собой. А эти паны выходят на мороз и малюют халупы, покрытые снегом».

Между тем оба художника работали над своими картинами, собственно, еще над эскизами.

Они сидели в горнице, которую сняли у старосты.

— Как думаешь, Колдовский,— спросил младший из них,— понравятся наши картины?

— Определенно!—ответил Колдовский.— Только мне кажется, Влодек, что успех был бы гораздо большим, если бы на них было изображено что-нибудь такое, что производило бы впечатление на зрителей.

— Так ты полагаешь,— снова заговорил Влодек,— что наши зимние пейзажи не производят никакого впечатления?

— Да нет,— возразил Колдовский,— почему они не производят никакого впечатления? Маленькие заснеженные избушки... Огонь из очагов в избах... Если его написать ярко-красным, он великолепно отражается на снегу. Деревья за халупами тоже впечатляют. Ветви прогибаются под тяжестью снега, и темная зелень иголок выступает необычайно эффектно. А потом эта темнота в глубине леса... Твоя картина тоже не плоха. Река Раба схвачена очень здорово. Ее стремительное течение ощущается великолепно. Обломки льда у берега совершенно естественны. Действительно, к чему вечно писать лишь замерзшие реки?.. И все-таки мне все время кажется, что нашим картинам чего-то не хватает, чтобы впечатление было полным.

— Но чего же? — добивался Влодек.

— А знаешь, сюда просто просятся волки. Всего несколько штук волков, и впечатление будет потрясающим. Ты волка видел где-нибудь?

— Только в музее да в зоопарке,— огорчился Влодек.— А вообще я мог бы попробовать его написать. У меня в этюднике есть несколько набросков.

— Вот и отлично! — обрадовался Колдовский.— Впишем в этот зимний пейзаж несколько волков. Это просто и эффектно. Зимой у волков шерсть светлее, такого пепельного цвета. Морду сделаем еще более светлой, но с несколькими кругами темной шерсти. Они произведут неизгладимое впечатление. Решено! Напишу несколько волков — больших и поменьше.

— Я тоже напишу несколько штук,— сказал Влодек.— И картина сразу заиграет.

— Я изображу волков на той лесной дороге, что ведет из Строзы к Бойицам,— решил Колдовский.

— А я их помещу,— сказал Влодек,— перед лесом, как раз за деревней, там, где дорога ведет на Новый Тарг.

И оба друга вышли из избы писать эскизы к картинам, на которых волки произвели бы на зрителей неизгладимое впечатление.

• • •

Юзеф, сын старосты Звары, у которого квартировали художники, очень хорошо знал дорогу от Строзы к Бойицам, ту, что упоминал Колдовский. Еще бы ему не знать: не меньше трех раз в неделю ходит он по ней к Каське, дочери Батика из Бойиц.

От Строзы до Бойиц три часа ходьбы лесной дорогой, и сейчас, зимой, там полно снегу, но как же ему не ходить, если он любит Каську!

И вообще эти три часа пролетали для него совершенно незаметно, поскольку он предавался мечтам о своей Каське и всю дорогу готовил речь: как он попросит старого Батика отдать ему Каську в жены.

А когда он возвращался из Бойиц домой, три часа опять-таки пролетали быстро, так как он размышлял: как это случилось, что и сегодня он не отважился посвататься.

Так он ходил целую зиму и все не осмеливался. И это он-то, который не боялся никого во всей горной долине реки Рабы, первоклассный боец на кулачках! Он-то не отваживался сказать старому Батику: «Дай мне Каську в жены».

Не решился даже в тот раз, когда Батик сказал ему: «Ходишь ты к нам, Юзеф, дюже долго, так что?»

И он тогда ответил: «Да так, так».

И не высказался и тогда, когда Батик спросил: «Ну, Юзеф, так зачем ты к нам ходишь?»

А Юзеф тогда ответствовал: «Так, так, нравишься мне, крестный».

Юзеф опять шел домой из Бойиц. Шел печальный, раздумывая о речах, которые вел с ним Батик.

Вот что сказал ему Батик, сидя против него:

— Михась Дяб придет в воскресенье на побывку. Знаешь ведь, что он в армии последний год и что раньше ходил за моей дочерью... Старый Дяб сказал, что в воскресенье сын будет сватать Каську. А коли я скажу Каське: «Выйдешь замуж за Дяба»,—Каська выйдет замуж за Дяба. А коль скажу: «Выйдешь за Юзефа Звару»,— выйдет за Юзефа Звару. Что ты на это скажешь?

— Так, так, крестный,— ответил Юзеф Звара.

— А ты ведь хорошо знаешь,— продолжал старый Батик,— что у нас в горах говорят: «Кто раньше ударит, тот и выиграет».

— Так, так, крестный,—отозвался Юзеф,— это святая правда... А что, крестный, долго в нынешнем году зима протянется?

Юзеф Звара размышлял на обратном пути об этом разговоре: «Уж мог бы я сегодня сказать, а вот ведь не сказал... Ну ладно, если не сказал сегодня, скажу в субботу. Дяб придет в воскресенье свататься, а Батик его попотчует: «Такие дела, парень: Каську получит Юзеф Звара из Строзы. Знаешь ведь, как у нас говорится: «Кто первый ударит, тот и выиграет!» Да,— продолжал размышлять Юзеф,— послезавтра, в субботу, обязательно скажу о Каське. Это просто даже чудно, что я сегодня не набрался смелости. Впрочем, о таких делах нужно договариваться не спеша».

• • •

В пятницу утром Колдовский и Влодек усердно трудились над своими этюдами к зимним пейзажам. Волков писали с воодушевлением и особенно старательно.

— Это, несомненно, произведет впечатление,— похваливали они свои труды, когда в комнату вошел староста Звара.

— Вельможные паны,— начал он, учтиво снимая меховую шапку,— прошу прощения у вельможных панов, что вчера ночью мой Юзеф поднял в избе такую кутерьму. Опился невежа! Пил для храбрости. Завтра пойдет свататься к Каське из Бойиц.

— Ничего страшного, пан Звара,— заверил его Колдовский.— Подойдите-ка посмотреть, что пишем. Вы же видите, что не сердимся. Ну как, узнаете?

Старый Звара подошел к мольберту.

— Это дорога на Бойицы, еще бы не узнать! А звери?

— Это же волки,— отвечал Колдовский.

— Пресвятая панна Мария! Волки! Так, значит, волки...— забормотал староста.— Вот это новости! И вельможные паны их намалевали!

— Ну, это мелочь,— улыбнулся Колдовский.

— Посмотрите-ка на мою картину,— предложил Влодек.

— Святой отец небесный!—разволновался староста.— Это же лес за деревней! И опять волки! Да сколько их! А этот вон и пасть разинул! Как вы их ловко намалевали. Так, значит, волки, волки... Вот это новость! Двадцать лет тому назад были они у нас и задрали тогда соседского жеребенка. Кто бы мог подумать, что опять заявятся! Надо предупредить мужиков. Эй, вы, бестии! — погрозил он картинам и вышел.

— Своеобразный народ,— заметил после его ухода Колдовский.— Совсем не такой, как крестьяне под Краковом или в Мазурском крае.

— Давай, Колдовский, пройдемся куда-нибудь, хотя бы к Бойицам. Свет сегодня никуда не годится.

— Ну, что ж,— ответил Колдовский.— Пять волков я уже написал, а этот, шестой, подождет. Пошли. К вечеру вернемся.

Они надели полушубки и вышли из избы.

Между тем староста отправился в корчму. В зимнюю пору крестьяне каждый день сиживали в корчме, и когда туда вступил староста, они тянули какую-то паршивую водку.

— Соседи,—объявил староста,— у нас появились волки!

— Эй, ты, брось свои шуточки! — отозвался сосед Лейбик.— Последние были здесь лет двадцать назад.

— Какие тут шутки,— озабоченно ответил староста.— Паны художники, что у меня харчуют, видели их и намалевали.

— Не верю! — провозгласил корчмарь Станко.

— Клянусь святым Станиславом! — воскликнул староста.— Паны художники встретили волков и намалевали их. Один из вельможных панов видел их на дороге, что ведет лесом от Строзы к Бойицам.

По корчме разнесся вопль: «Песьи бестии!» Это выкрикнул Юзеф Звара.

— Эй, волчьи бестии! Так, значит, на дороге в Бойицы, куда мне идти свататься!

— А другой из вельможных панов,— продолжал староста,— застиг их перед лесом, за нашей деревней.

— Вот это, я скажу, отвага у тех вельможных панов—малевать волков,— снова вступил в разговор Лейбик.

— И как здорово они их припечатали! — добавил староста.— Один, так тот пасть растягивает и зубы скалит... А паны художники малюют. А другой как будто прыгнуть хочет, гоп! И тоже пасть распяливает, язык высунул, глазищами вращает!

— Помилуй нас, отец наш небесный,— прошептал корчмарь Станко, крестясь.

Все последовали его примеру.

— Волки добрались аж до самой деревни,— снова заговорил староста.— Оторопь берет, как на них взглянешь. Глаза у них так и сверкают. Человек смотрит, смотрит и трясется от страха. Так и чудится: вот сейчас выскочит на тебя с картины. Кто бы мог подумать! Двадцать лет о волках не было слышно. А тут сразу к самой деревне подошли. Даже малевать их можно. И голодные, как я видел на картине, худые, кости можно на них пересчитать.

— Пришли сюда, поди, с Магурских гор либо с Татранских,— сказал старый Протка.— Пришли в долину Рабы полакомиться нами.

— Надо на них облаву устроить,—отважно произнес корчмарь Станко и добавил осторожно: — А много их?

— На одной картине я видел пять,— ответил староста,— а на другой, кажись, восемь. Но их будет больше. Художники не все малюют, что видят. Вот ведь пропустили те две березы, что на опушке. Знать, пропустили и какого-нибудь волка.

— Это дело серьезное,— отозвался Протка.— Придется нам рыть для них ямы, как делают на венгерской стороне. Копается яма, потом ее покрывают ветками, на ветки набросают снег, а сверху положат кусок мяса. Волки придут, увидят мясо. Почему бы им за ним не броситься? Прыгнул — и бац в яму.

— Ну, я вам скажу, и отважные хлопцы эти паны художники,— снова взял слово староста.— Малюют, малюют, волки перед ними, а им нипочем, будто дерево малюют. И ничего не сказали. Это, видите ли, так, мелочь. Так что, соседи, думаете, надо выкопать ямы на волков?

— Это будет лучше всего,— согласились все.— Выкопаем ямы.

— Давайте займемся этим сейчас же,— предложил староста.

И так как решающее слово было сказано главою деревни, это было уже приказом.

Когда все шли с лопатами за деревню, Юзеф прошептал отцу:

— Свататься в Бойицы не пойду. Жизнь мне милее.

— Сперва выкопаем волчью яму на лесной дороге к Бойицам,— распорядился староста.

Вечером оба художника возвращались из Бойиц в Строзу.

— Эти волки, думаю, произведут эффект,— произнес Влодек.

— Не сомневаюсь,— ответил Колдовский.— Они великолепно выделяются на фоне снега... Посмотри-ка, что это там, посреди дороги,— вдруг заинтересовался он.

— Похоже, что гусь,—отозвался Влодек.— Идем посмотрим, что это в самом деле.

— Земля здесь вся изрыта,— проговорил Колдовский.— Это...

Раздался треск, и оба мгновенно провалились куда-то в глубину. Сверху посыпались ветви и снег.

— Это же волчья яма! — воскликнул Колдовский, который опомнился первым.—Нужно громче кричать, чтобы нас высвободили. Наши картины действительно оказались эффектными... Понимаешь?

* * *

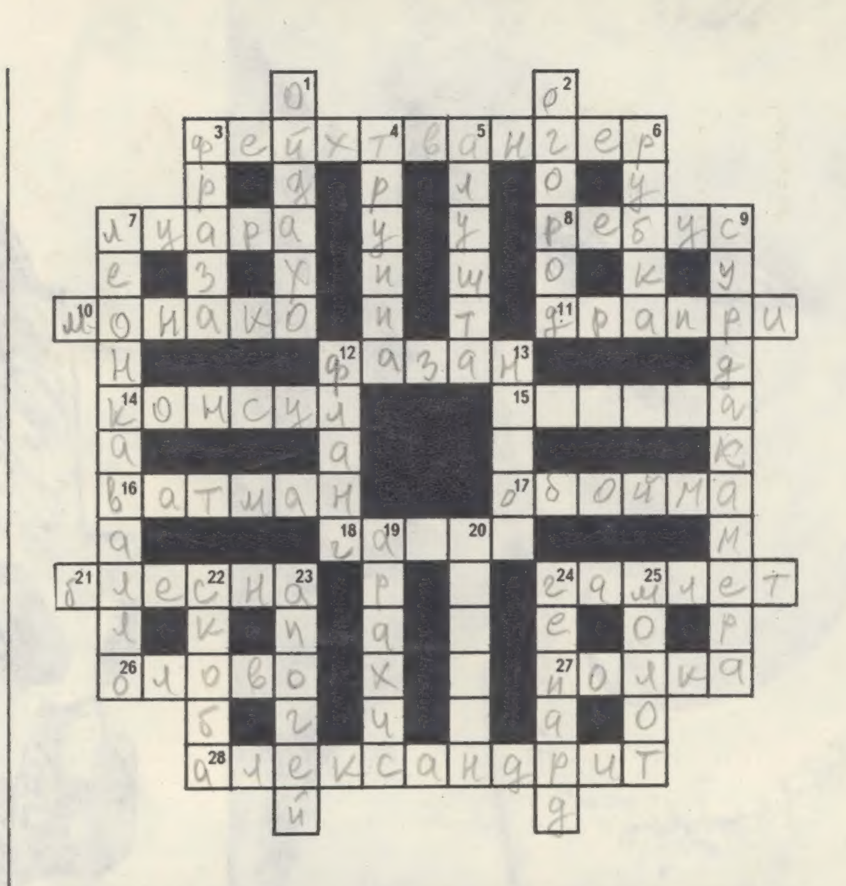
— В этом краю зимой, должно быть, очень страшно,— толковали зрители около картин, выставленных изобретательными художниками.

— Очень страшно,— подтверждали оба.— Представьте себе: однажды мы оба даже провалились в волчью яму.

Так об этом приключении отзывались художники. А Юзеф Звара в Строзе говорил:

— Кабы не эти волки, я бы уже был мужем Каськи. Слава господу богу, что не стал им. Дяб, ее муж, уже два раза вешался: такой оказалась ведьмой...

Перевела с чешского С. ВОСТОКОВА.
(На русском языке публикуется впервые.)

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Немецкий писатель. 7. Река во Франции. 8. Загадка. 10. Государство в Европе. 11. Занавес. 12. Птица. 14. Постоянный представитель одного государства в другом. 15. Медленный темп в музыке. 16. Бумага для черчения. 17. Рамка, коробка для патронов. 18. Порт на Средиземном море. 21. Искусственная приманка для ловли рыбы. 24. Трагедия В. Шекспира. 26. Металл. 27. Горизонтальная доска в шкафу. 28. Драгоценный камень.

По вертикали: 1. Штат в США. 2. Участок земли для выращивания овощей. 3. Законченный оборот речи, предложение. 4. Актерский состав театра или цирка. 5. Курорт в Крыму. 6. Надстройка на палубе судна для управления. 7. Итальянский оперный композитор. 9. Звуконепроницаемое помещение для подготовки космонавтов. 12. Край строя, фронта. 13. Созвездие южного полушария неба. 19. Земляной орех. 20. Столица союзной республики. 22. Крепежная деталь. 23. Точка орбиты космического корабля, наиболее удаленная от Земли. 24. Хищное животное. 25. Спортивный снаряд.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 20

По горизонтали: 4. Волгоград. 5. Компостер. 9. «Гейнеобразное». 11. Баев. 13. Плащ. 14. Ленок. 16. Константа. 17. Индонезия. 18. Корневище. 20. Литератор. 21. Рояль. 22. Утка. 25. Диод. 26. Вискозиметрия. 27. Термостат. 28. Герасимов.

По вертикали: 1. Полотно. 2. Коломбина. 3. Макензи. 6. Гермашевский. 7. Подсолнечник. 8. Народность. 10. Ларингофон. 12. Веснянка. 13. Премчанд. 14. Ласкер. 15. «Кисель». 19. Пятигорск. 23. Скрепер. 24. Страхов.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Танечка.
Фото В. Кузьмина

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: В варшавском Центре здоровья ребенка.
(См. в номере материал «Вернуть улыбку малышам».)
Фото Б. Ружица («Интерпресс»)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456. Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 25.04.79. Подписано к печати 16.05.79. А 00658.
Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 1260. Заказ № 606.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ПУШКИНСК

НАВСТРЕЧУ 180-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. С. ПУШКИНА

В Москве, на Бауманской улице, стоит кирпичное пятиэтажное здание школы. Таких сотни и сотни в нашей столице.

Только в отличие от них возле этой школы на высоком постаменте — бюст мальчика с удивительно знакомым и всем нам родным лицом — Пушкин!

И школа эта имени Пушкина.

И на мраморной доске над входом мы прочтем, что именно здесь, на этом самом месте, на бывшей Немецкой улице стоял дом, в котором родился А. С. Пушкин.

Войдем в школу.

...Шумит, волнуется сельский базар. Чего здесь только нет! И связки бубликов, и яркие цветные палатки, и куры, и бусы, и пряники, и кружева... Волнуются продавцы, покупатели, волнуется море голов вокруг. И важно шествует сквозь толпу священник в черной рясе, с медным крестом на груди, с бородой-лопатой. Ну, словом, все как полагается, как у Пушкина:

Пошел поп по базару
Посмотреть кой-какого товару.
Навстречу ему Балда
Идет, сам не зная куда.

Рассыпался базар, и действие перешло из зала на сцену...

А в зале можно увидеть и Руслана, и Людмилу, и других персонажей этой бессмертной поэмы, тут же неподалеку устроились герои «Золотого петушка», рядом — участники истории про царя Салтана, царевича Гвидона и так далее и так далее. И не беда, что старику Звездочету нинак не больше двенадцати, а Старику и вредной Старухе из «Золотой рыбки» — и того меньше. Все до единого актеры «работают» в образах по самым строгим требованиям К. С. Станиславского, более того, они не работают, они живут в сказках, забыв о том, что они школьники первых, вторых, третьих, четвертых и пятых классов.

Дело в том, что на весеннем Пушкинском празднике в этой школе нет зрителей! все присутствующие в зале — участники. Каждый класс, от первого до пятого,— это сказки. Каждая сказка сидит вместе, кучкой и, ожидая своей очереди на сцене, волнуется за товарищей, волнуется перед выходом. Но больше всего волнуются «режиссеры», которые, как истинные руководители художественного действия, возглавляют каждый свою сказку. В этот день, в этот праздник они тоже забыли, что они учителя, классные руководители, математики, физики, физкультурники, литераторы,— все они режиссеры-постановщики, пушкинисты, сказочники.

Возле сцены то и дело мелькает лицо худощавой черноволосой женщины. Молодое лицо... Она не выходит на сцену, но «играет» все сказки подряд, участвует в каждом действии. И так каждый год. Начиная с того самого первого класса, где она играла маленькую цыганочку в «Цыганах». Потом «поднималась» от сказки к сказке, в старших классах перешла во второе отделение праздника, где играют серьезные отрывки из «Дубровского», «Онегина», маленьких трагедий, потом на какое-то время покинула школу, потом снова вернулась в нее уже в качестве режиссера, то бишь учителя, и теперь вот Наталья Никитична Языкова «исполняет партию» директора школы.

А потом осматривали мы школьный музей. За сорок с лишним лет образовался он богатый. В двух комнатах ему уже явно тесно. Биография Пушкина. Пушкин в живописи. Пушкин в театре. Весьма солидные отделы. Прекрасная коллекция рисунков ребят на пушкинские темы. Чего тут только нет! Все сюжеты, все герои, в самых разнообразных стилях и манерах! Ведь к каждому празднику в школе ежегодно проводится два состязания: конкурс рисунков и иных рукоделий на пушкинскую тему и конкурс на стихи, посвященные Пушкину. Здесь, в музее, мы видим и макет дома, где родился поэт, и книги литераторов — бывших учеников школы... Отдельно лежат лучшие сочинения на пушкинские темы за все сорок с лишним лет. А в центре, на столе, большие альбомы. В них, в фотографиях, все праздники Пушкинской весны.

И до и после праздников я много разговаривал с директором школы. И стало проясняться для меня одно, самое, быть может, главное обстоятельство.

Дело в том, что праздник Пушкинской весны в этой школе не мероприятие, пусть даже в самом лучшем смысле этого слова. Это не массовое действие, в котором нужны четкий сценарий, жесткий график и железный руководитель. Это совсем другой праздник. И владеют им и движут им совсем другие законы. Между прочим, очень близкие тем, какие организовывали и двигали старинные народные праздники, вроде Святогорской ярмарки, которую так любил Александр Сергеевич Пушкин.

Первый закон такого праздника — великий, всенародно уважаемый стимул. Здесь он есть — Пушкин.

Второй закон — освященная многими годами традиция, вошедшая в сознание, в душу, в психологию людей на уровне составной части натуры, характера. Здесь это тоже в полной мере: школа построена в 1936 году, и почти с первого года ее существования возникла эта светлая традиция. Праздники проводились до войны, во время войны и после войны. Традиция не прерывалась ни на год!

И в результате вся школа, от первоклашек до старенькой нянечки, и представить себе не может, чтобы 17 марта не раскрылся занавес сцены в актовом зале и чтобы не началось пушкинское чудо, в котором принимает участие вся школа! Младшие привыкают думать так, глядя на старших, а старшие, прошедшие всю «пушкинскую школу»,— от сказок до «салона Марии Волконской», тем более не мыслят себе жизни без Пушкина.

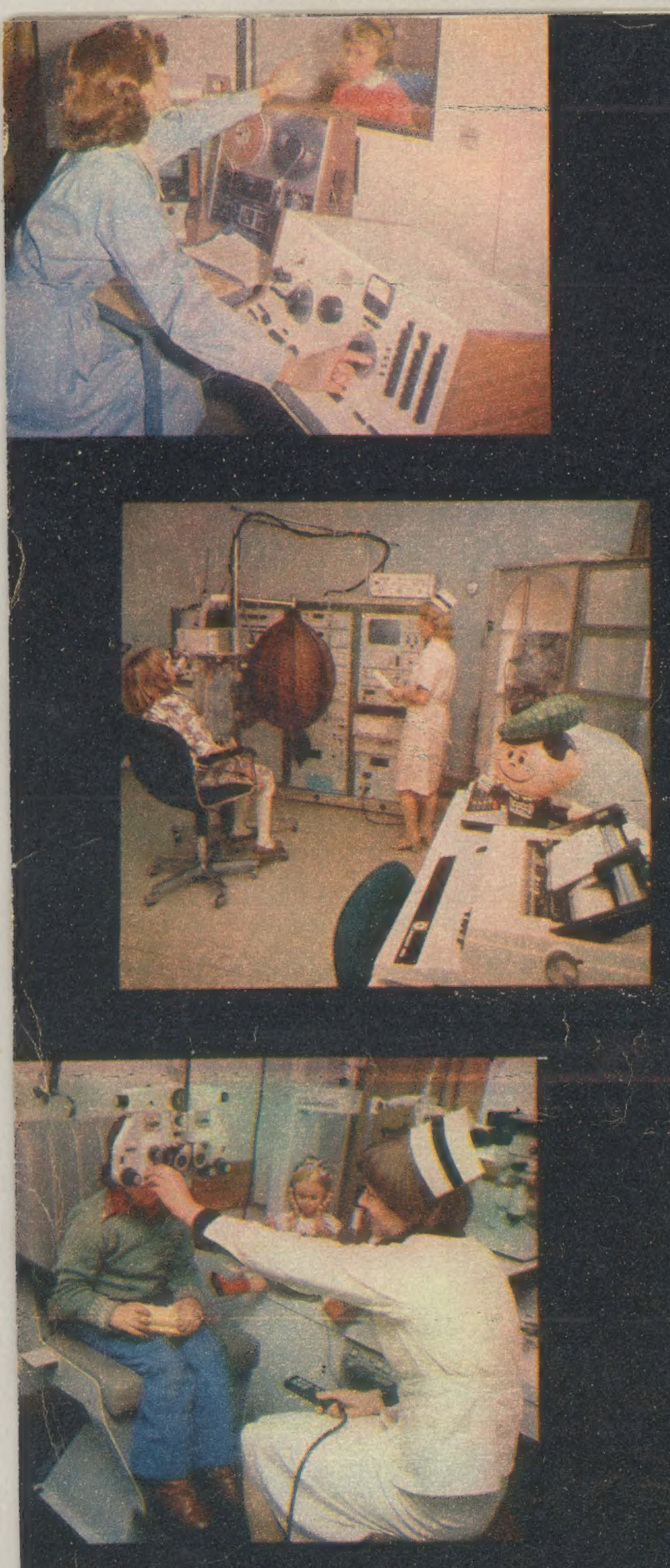
Здесь все вместе: актеры, зрители, режиссеры, гримеры. И те, кто уже «показал» сказку, и те, кто ждет очереди.

АЯ ВЕСНА

М. БАРИНОВ

Фото
И. ГАВРИЛОВА

Сегодня на празднике у ребят почетный гость — директор Государственного музея-заповедника А. С. Пушкина Семен Степанович Гейченко.

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663